

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1, 2012

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В. Н. Егоров*, д-р экон. наук
(председатель)
Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)
В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)
Л. В. Михеева (ответственный секретарь)
К. Я. Авербух, д-р филол. наук (Москва)
Ю. М. Воронов, д-р полит. наук
Н. В. Усольцева, д-р хим. наук
К. Префке, профессор (Германия)
Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)
О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

**РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»:**

- Д. И. Польшвинный*, д-р ист. наук,
(главный редактор серии)
О. М. Карнова, д-р филол. наук
А. Н. Таганов, д-р филол. наук
Э. В. Кромер, канд. филол. наук
А. А. Корников, д-р ист. наук
К. Е. Балдин, д-р ист. наук
В. М. Тюленев, д-р ист. наук
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
Т. Б. Кудряшова, д-р филос. наук
Д. Г. Смирнов, канд. филос. наук

Адрес редакции
153025 Иваново, ул. Ермака 39, к. 362
тел./факс (4932) 32-66-00
e-mail: dipol53@mail.ru

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

Ермолаева Н. Л. О своеобразии юмора И. А. Гончарова **3**

Лакербай Д. Л. К истории поэзии ивановского края: вертикаль Константина Мозглова **16**

Николаева П. В. Лингвистика лжи в художественном мире Н. В. Гоголя **31**

Павлова М. Н. Научно-промысловые экспедиции в произведениях американских романтиков **37**

Языкознание

Карпова О. М. Шекспировская лексикография нового времени: возвращение глоссариев **48**

Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Лексикографический портрет слова *железо* **54**

Маник С. А. К вопросу о переводе новой общественно-политической лексики в двуязычном словаре **75**

Денисов К. М. Металексикографический анализ словаря В. Н. Немченко «Основные понятия фонетики в терминах» **81**

Ополовникова М. В. Особенности функционирования метафоры в немецкоязычной загадке **86**

Рецензии **94**

Хроника **102**

Юбилей **107**

Сведения об авторах **112**

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» **113**

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 1, 2012

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N. Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Mikheeva (Secretary-in-Chief)

K. Ya. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES "THE HUMANITIES"

D. I. Polyvyanny, Doctor of History
(editor-in-chief of the series)

O. M. Karpova, Doctor of Philology

A. N. Taganov, Doctor of Philology

E. V. Kromer, Candidate of Science, Philology

A. A. Kornikov, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

V. M. Tyulenev, Doctor of History

G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy

T. B. Kudryashova, Doctor of Philosophy

D. G. Smirnov, Candidate of Science, Philosophy

Address of the editorial office

153025, Ivanovo, Ermak str. 39, office 362

tel./fax (4932) 32-66-00

e-mail: dipol53@mail.ru

Index of subscription

in the catalogue "Russian Press" 41512

Electronic copy of the journal can be found on
the web-sites www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

CONTENTS

Study of Literature

Ermolaeva N. L. “World-taking” humor of I. A. Goncharov 3

Lakerbay D. L. To history of poetry of the Ivanovo region: vertical of Konstantin Mozgalov 16

Nikolaeva P. V. Linguistics of lying in N. V. Gogol’s world 31

Pavlova M. N. Scientific and commercial expeditions in the works of American romantics 37

Linguistics

Karpova O. M. Modern Shakespeare lexicography: back to glossaries 48

Khusnutdinov A. A., Khusnutdinova A. A. Lexicographic portrait of a word «iron» 54

Manik S. A. On working out conceptual schema of socio-political vocabulary 75

Denisov K. M. Metalexicographic analysis of the dictionary «General concepts of phonetics in terms» by V. N. Nemchenko 81

Opolovnikova M. V. Peculiarity of metaphor use in German riddles 86

Reviews 94

Chronicle 102

Jubilees 107

Information about the authors 112

Information for the authors of “Ivanovo State University Bulletin” 113

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»
2012. Вып. 1. Филология**

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 20.03.2012 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ББК 83.3(2=Рус)01

Н. Л. Ермолаева

О СВОЕОБРАЗИИ ЮМОРА И. А. ГОНЧАРОВА

Уясняются особенности представлений И. А. Гончарова о юморе, определяются его специфика, способы и приемы использования.

Ключевые слова: представления И. А. Гончарова о юморе, эпическое мышление писателя и юмор, юмор как способ общения героев, пародирование, юмор Гончарова и народная культура, юмор Гончарова и А. Н. Островского.

The article depicts peculiarities of I. A. Goncharov's ideas about humor, determines its specific qualities, ways and methods of its usage in the works of the writer.

Key words: I. A. Goncharov's ideas about humor, epic way of thinking of the writer and humor, humor as the way of communication of the characters, parody, Goncharov's humor and folk culture, humor of Goncharov and A. N. Ostrovsky.

Определяя «юмор» как одну из разновидностей комического, исследователи пишут о его «субъективности» и одновременно «универсальности», о том, что юмор «предполагает взгляд на мир в целом, а не на отдельные его явления» [25, с. 430]. Об особенностях комического в русской литературе XIX века В. Е. Хализев замечает: «Мы полагаем, что смех, верный своей природе, сопряжен с атмосферой единения и согласия людей, связан с *межличностным общением* людей. <...> Создание атмосферы *истинной*, объединяющей людей веселости составляет важнейшую функцию смеха» [24, с. 307—308]. Л. В. Карасёв утверждает: «Смех — это гений общения» [14, с. 155]. Создатели разного рода теорий комического¹ большое внимание уделяют психологическим факторам, порождающим юмор [10, с. 5—60], но при этом некоторые исследователи принципиально настаивают на его общественной значимости (см., напр.: [5, с. 25, 28]).

© Ермолаева Н. Л., 2012

¹ В. Я. Пропп в книге «Проблемы комизма и смеха» высказывает весьма скептическое отношение к современным ему теориям комического: «Теории создаются безотносительно к какой бы то ни было реальной действительности. В большинстве случаев такие теории действительно представляют собой мертвые философемы, притом изложенные так тяжеловесно, что их иногда просто невозможно понять. Труды эти состоят из сплошных рассуждений, где иногда на целые страницы или десятки страниц не приводится никаких фактов» [22, с. 6].

2012. Вып. 1. Филология •

Для И. А. Гончарова юмор — это особое свойство души человека, почти неподвластное его разуму. Он говорит о себе: «...у меня врывается шутка везде: и это живет в моей натуре. Юмор иногда сопутствует мне в такие минуты, где другие очень серьезны» [8, с. 335]. Способность видеть мир в комическом свете — редкий дар для художника. Это хорошо понимал Гончаров и даром своим постоянно пользовался. Он признавался, что любит только «рисовать и шутить» [8, с. 282]. Юмор для писателя — это составляющее поэзии, художественности, продукт сердечного участия автора в своем творчестве, способ проявления его любви к изображаемому, обеспечивающий «отрадную теплоту» [9, с. 142] художественному произведению. В письме К. С. Веселовскому от 18 апреля 1862 года по поводу комедии М. М. Маркова «Племянник и дядя» Гончаров скажет: «Довольно живо начерченная сцена <...> местами очень хорошие стихи далеко не выкупают бледность и вялость действия, грубую отделку лиц, недостаток тонкой наблюдательности, комизма — всего того, что составляет необходимые условия художественности произведения» [13, с. 189].

Писатель предрекает современному ему «новому роду реализма»² недолгую жизнь, если он откажется «от пособия фантазии, юмора, типичности, живописи, вообще поэзии, и будет пробавляться одним умом, без участия сердца» [9, с. 142]. Истинные творения искусства, такие как произведения Островского, по мнению романиста, пишутся «фантазией, юмором и любовью» [9, с. 143]. Гончаров противопоставляет юмор холодной иронии как продукту ума и считает его одним из «могучих орудий искусства» [9, с. 142]. В таком качестве юмор выступает в произведениях Диккенса, которого он называет «общим учителем романистов» [9, с. 145].

О юморе в произведениях Гончарова написано немного, однако интерес к этой проблеме в науке в последнее время все-таки обозначился достаточно ясно. В некоторых работах о писателе авторы стремятся определить своеобразие его юмора, основываясь на материале отдельных произведений [2, 3]. Для других ученых важно сформулировать общие особенности и принципы использования комического в творчестве писателя. В. П. Сомов, например, считает, что «юмор Гончарова насквозь интеллектуален, все теории бессознательности творчества, имевшие место в отношении Гончарова, опровергаются существованием юмора». Он дает обзор оценок гончаровского юмора в критике XIX века и солидаризируется с критиками революционерами-демократами, которые видят социальную направленность юмора писателя [23, с. 159, 164]. Исследователи более позднего времени не склонны акцентировать внимание на социальной значимости юмора Гончарова, но стремятся определить его специфику. Е. А. Краснощёкова называет его юмор «грустно-снисходительным» [15, с. 341]. В. А. Недзвецкий пишет о юморе Гончарова как «органичном компоненте художественности», обращая внимание на то, что в юморе, который по природе своей сочетает объективный и субъективный взгляды на мир, у Гончарова «милосердие не просто присутствует, ему отведена роль нравственно-эстетического императива», задача гончаровского юмора в том, чтобы «смягчать и улучшать человека» [17, с. 139, 141, 141—142].

Особенно интересны суждения о юморе Гончарова в книге М. В. Отрадина, характеризующего юмор как «внутреннее свойство художе-

² Писатель понимает под этим определением прежде всего натурализм Золя.

ственной системы» писателя и считающего, что «в юморе обнаруживается своеобразное диалектическое единство утверждения и отрицания. <...> У Гончарова комическое перекрывает все — скажем, трогательное или элегическое возникает в “Обломове” не помимо юмора, а благодаря ему». Именно юмору творчество Гончарова обязано своей оптимистичностью [20, с. 135, 137, 146]. М. В. Отрадин, хотя и не отрицает в юморе диалектического единства утверждения и отрицания, говорит о связанности юмора с жанром романа, жанром эпическим, и доказывает, что юмор Гончарова — это способ утверждения объективной авторской позиции.

Специфика гончаровского юмора заметнее на фоне творчества В. Ф. Одоевского и Н. В. Гоголя. Принципиальное различие юмора этих писателей отмечал еще В. Г. Белинский. О юморе Одоевского он писал: «Этот гумор состоял не в веселом расположении, понуждающем человека добродушно и невинно подшучивать надо всем, что ни попадет на глаза, но в глубоком чувстве негодования на человеческое ничтожество во всех его видах, в затаенном и сосредоточенном чувстве ненависти, источником которой была любовь» [4, с. 153]. Юмор же Гоголя «есть гумор спокойный, спокойный в самом своем негодовании, добродушный в самом своем лукавстве. <...> Здесь автор не позволяет себе никаких сентенций, никаких нравочувствий; он только рисует вещи так, как они есть, и ему дела нет до того, каковы они, и он рисует их без всякой цели, из одного удовольствия рисовать» [4, с. 176].

Отношение Гончарова к Н. В. Гоголю как первому авторитету в области юмора не было однозначно. Известно, что Гончаров всегда считал себя последователем прежде всего А. С. Пушкина. В первой редакции начальных глав романа «Обломов» перед его публикацией писатель вымарывал те места, которые свидетельствовали о влиянии Гоголя [6, с. 551—646]. Но при этом он никогда не противопоставлял Пушкина и Гоголя в литературном процессе и видел в Гоголе не сатирика, а юмориста. Именно поэтому в «Необыкновенной истории» Гончаров пишет о том, что после Пушкина, Лермонтова и Гоголя никто из современников не мог удовлетворить его читательский вкус. Юмор писателя, несомненно, близок гоголевскому, но не юмору Одоевского. Насмешка над героем в его произведениях всегда снисходительная, добрая и мудрая, не принижающая человеческое достоинство, а имеющая целью эффект авторской отстраненности. Именно в юморе, в мягкой, милосердной насмешке (но не иронии и сатире!) выразилось стремление Гончарова к пушкинской простоте и ясности.

Ю. Борев писал: «...истинное остроумие человеко. Ему враждебно всеобщее слепое отрицание и беспощадное разрушение. Основание остроумия — не вселенский нигилизм, а высокие эстетические идеалы, во имя которых и ведется критика» [5, с. 21]. Для Гончарова, как и для Гоголя, важны не только идеалы эстетические, писатель смеется над тем, что смешно, соизмеряя любую жизненную ситуацию, мысли и поступки героев со здравым смыслом, житейской мудростью, с понятиями нравственными. И в этом смысле его взгляд на мир обретает эпическую объемность, он близок народному. Заметим, что в творчестве Гончарова все это не противоречит и выражению авторской субъективной оценки, индивидуального понимания вышучиваемого объекта.

Для Гончарова юмор — это средство достижения нравственных целей и одновременно возможность избежать дидактики. В письме к

И. И. Льховскому, научая приятеля писать путевые заметки, он советует использовать смешное как противовес дидактическому, нравоучительному: «У Вас настоящий взгляд, приправленный юмором, умным и умеренным поклонением красоте, и тонкая и оригинальная наблюдательность дадут новый колорит Вашим запискам. Но давайте полную свободу шутке, простор болтовне даже в серьезных предметах и, ради Бога, избегайте определений и важничанья. Под лучами Вашего юмора китайцы, японцы, гиляки, наши матросы — все заблещет ново, тепло и занимательно» [8, с. 315]. Для писателя неразделимы юмор и красота, одно непосредственно зависит от другого.

В разных жанрах творчества Гончарова юмор имеет существенные различия. Жанровые особенности очерков, созданных на биографическом материале («Фрегат “Паллада”», «Два случая из морской жизни», «Через двадцать лет», «Слуги старого века»), накладывают отпечаток подлинности, документальности, правды живого свидетельства на юмористические ситуации. С одной стороны, в очерках четко дистанцированы автор и герои, поскольку автор выступает в роли изображенного, «автобиографического» персонажа, с другой стороны, он может оказаться на равных правах с героем, у него есть имя — «Гончаров». Он воплощается как персонаж и как повествователь одновременно, а потому вступает в прямой контакт с читателем. Автор в очерках — творец вымысла, организатор текстовой структуры, носитель точки зрения. Его отношение к героям, к окружающему становится причиной и источником комических ситуаций. А значит, на нем лежит определенная ответственность перед героями, спутниками автора-персонажа, для которых важны правдивость повествования и авторское отношение к ним. Автор-повествователь выходит за пределы документально-вымышленного мира очерков, организуя читательское восприятие. В романах автор не ответствен за документальную достоверность, в них важна достоверность вымысла. Юмор возникает в романах в ситуациях, сконструированных писателем, и является выражением особенностей его дарования, жизненной позиции, представлений о художественности.

Эпическое мышление Гончарова особенно наглядно проявляется при изображении «человека смеющегося». Чаще всего такой герой появляется в «очерках путешествия» «Фрегат “Паллада”». Улыбку автора и всех членов команды нередко вызывают непомерное усердие и исполнительность распорядителя офицерского стола П. А. Тихменёва: «Он часто бывал жертвою своей обязанности, затрудняясь, как угодить вдруг многим, но большею частью выходил из затруднений победителем. А иногда его брал задор: все это подавало постоянный повод к бесчисленным сценам, которые развлекали нас <...> Например, он заметит, что кто-нибудь не ест супу. “Отчего вы не едите супу?” — спросит он». И если кто-то ответит «не хочется» или «не вкусен суп», «кроткий Петр Александрович свирепеет». «“Господа, я спрашиваю вас — чем нехорош суп? Я, кажется, прилагаю все старания, — говорит он со слезами в голосе и с пафосом, — общество удостоило меня доверия, надеюсь, никто до сих пор не был против этого, что я блистательно оправдывал это доверие; я дорожу оказанною мне доверенностью...” — и так продолжает, пока дружно не захохочут все и, наконец, он сам» [7, II, 31—32]. Общий смех снимает напряжение между героями, устанавливает взаимопонимание, хранит добрые отношения между всеми членами команды.

Другим объектом для частых насмешек является один из самых молодых офицеров команды П. А. Зелёный. Во время поездки по Капской колонии

путешественники оказались около Змеиной горки. Она была «так близка и рассказы о змеях так живы, что молодой наш спутник, обыкновенно не робкий, хохочущий и среди опасностей, пустился, однако ж, такими скачками вперед <...> что мы с бароном остановились и преследовали его дружным хохотом. Он скакал через кусты, бежал, спотыкался, опять скакал, как будто за ним бросились в погоню все обитатели Змеиной горки. Среди этих скачков он отвечал нам также хохотом» (II, 223—224).

«Сопровождая речевое общение (по преимуществу, диалогическое), смех выполняет особую, специфическую функцию. Если при речевом контакте, лишенном смеховой окраски, полнота согласия и душевная слиянность являются конечной целью, но обычно не осуществляются полностью, то благодаря смеху общая настроенность присутствующих достигается легко, стремительно, порой мгновенно. При этом смеховое общение протекает в атмосфере нравственного равенства его участников», — пишет В. Е. Хализев. По его словам, «сопряженный с открыто-доверительным общением людей смех в освещении наших писателей свидетельствовал об *идиллическом потенциале* жизни; о том, что в сознании и поведении людей наличествуют существенные предпосылки для гармоничного мироустройства». Такое «мироустройство» Гончаров находит в жизни на фрегате русского мира, живущего по законам мира патриархального. Один из способов утверждения гармоничного мироустройства — показ в комических ситуациях не только офицеров, но и матросов. Сцены с их участием, за редким исключением, — сцены комические, и это во многом закономерно: матросы живут одним миром и общаются друг с другом больше не с помощью слов, а с помощью жестов, действий, с помощью смеха, который часто служит заменой слову, разговору, требующим логических построений, для людей с малоразвитым самосознанием часто затруднительных. «В собственно смеховом общении человек, как правило, не сосредоточивается на волнующих его проблемах и не раскрывает глубин своего сознания, что столь естественно для речевого контакта. В смехе, напротив, есть благое забвенье всяческих трудностей, тревог, печалей: человек на какое-то время погружается в атмосферу беззаботной жизнерадостности» [24, с. 307, 318, 309]. Эти качества юмора сближают Гончарова с художником другой эпохи, которому тоже свойственно эпическое мышление, — с А. Т. Твардовским. Смеховое общение в его «Василии Теркине» также «протекает в атмосфере нравственного равенства его участников», выступает одним из проявлений братского единения автора, героя и читателя в условиях народной войны.

Во «Фрегате...» Гончаров ни разу не показывает негативную реакцию матросов на насмешку офицеров над ними, а путешественник, в свою очередь, не обижается на своего вестового, когда тот от души хохочет над ним. В романах же писателя изображение «смеющегося человека», так или иначе, сопряжено с определенными трудностями в общении персонажей. Александр Адуев боится насмешек дяди, они становятся причиной постоянного напряжения в отношениях героев. Если Обломов в момент появления Штольца в квартире на Гороховой улице даже не замечает того, что друг смеется над ним, потому что сам от души рад его появлению и встречает его ответным смехом, то даже и добродушные рассказы Штольца Ольге о том, что Обломов надевает разные чулки и не заботится о чистоте в квартире, или ласковые насмешки Ольги задевают самолюбие героя, напоминают ему о его человеческой несостоятельности и не способствуют сближению с другом и возлюб-

ленной. Только благодаря своему «золотому сердцу», добросердечию и умению прощать обиды герой преодолевает этот психологический барьер.

В творчестве Гончарова есть и такие смеющиеся герои, которые не только не принадлежат «гармоничному мироустроению», а, напротив, противопоставляют себя ему. Их смех чужд стихии жизнерадостности, обращен на окружающих и предполагает их неравенство смеющемуся, который ставит себя выше их, а насмешка его — это насмешка злая, саркастическая. Так смеются Тарантьев и Мухояров над Обломовым («Обломов»), Тычков — над Крицкой, Марк — над обитателями города и над Райским («Обрыв»), светские посетители салона Уранова — над Кряковым («Литературный вечер»), Валентин — над своим хозяином («Слуги старого века»). Во всех этих случаях Гончаров использует смех героя как средство его нелицеприятной характеристики. Героям же он не прощает подобный смех и в большинстве случаев находит способ осмеять их: обличены и наказаны Мухояров и Тарантьев, отвергнут, «посрамлен» в глазах окружающих Марк, публично осмеян Тычков, испытывают угрызения совести перед талантливым и бескорыстным бедным актером богатые гости Уранова, высмеян автором Валентин.

В произведениях Гончарова немало комических персонажей. Образы Евсея и Аграфены в «Обыкновенной истории», Захара в «Обломове», Егорки в «Обрыве», Валентина в «Слугах старого века» могут быть в полной мере названы образами комическими: этим понятием исчерпываются личностные потенции названных персонажей. Иное дело матросы во «Фрегате “Паллада”». Сопутствующий им комизм все-таки не дает права называть их комическими героями. Автор не может не уважать матросов за их трудолюбие и верность долгу, за стойкость и мужество в тех тяжелых испытаниях, которые выпали на долю всей команды во время плавания, за готовность, если потребуется, принять участие в войне с врагами России, пойти на смерть. Рядом с непонятными и непривлекательными иностранцами русские матросы выглядят молодцами, и авторские юмористические сравнения подчеркивают их силу, ловкость, мужественность, слаженность действий: «Наши матросы молодцы: в белых рубашках, с синими каймами по воротникам, в белых же фуражках, с расстегнутой грудью, они при слове “Навались! дай ход!” разом вытягивали мускулистые руки, все шесть голов падали на весла и, как львы, дерущие когтями землю, раздирали веслами упругую влагу» (II, 277). Или: «Матросы, как мухи, тесной кучкой сидят на вантах, тянут, крутят веревки, колотят деревянными молотками» (II, 299). Фаддеев, «как мандарин», «точно медведь среди стаи собак, отбивался от китайцев» (II, 292); «Такой ловкости и цепкости, какую обладает матрос вообще, а Фаддеев в особенности, встретишь разве в кошке» (II, 20). Матросы фрегата — в полном смысле положительные герои, однако автор не раз показывает их в комических ситуациях.

Комические персонажи бывают «не только отрицательные, но и положительные» [22, с. 137] — это убеждение особенно близко Гончарову. В его произведениях юмор чаще всего используется как средство возвышения образа, создания вокруг него атмосферы особой привлекательности. Героям писателя часто сопутствует авторская усмешка, за которой кроется то, что Л. Е. Пинский называет «целью юмора» — «оправдание “чудака”» [21, с. 521]. Все главные герои романов Гончарова — Александр Адуев, Обломов, Райский — являются объектом вышучивания, но это не отменяет авторской симпатии к ним, а скорее оттеняет, усиливает ее. Подобный же прием Гончаров использует и в отношении к священнику о. Аввакуму, к «деду»

(А. А. Халезову), П. А. Тихменёву, О. А. Гошкевичу и другим своим спутникам в «очерках путешествия», в отношении к слуге Матвею в «Слугах старого века». Использование Гончаровым юмора в качестве средства возвышения образов создает в произведениях атмосферу любования героями, присутствия спокойного, созерцательного, как бы устранивающего противоречия, мудрого авторского взгляда на мир.

Материалом для различного рода преувеличений и преуменьшений, травестирования и окарикатуривания, для неожиданных сближений и сопоставлений далеких по своей сути явлений, для показа тех или иных несоответствий, отклонений от нормы, для иных приемов, обеспечивающих комический эффект, Гончарову служит быт. В то же время именно быт дает возможность приблизить понимание юмористической ситуации к жизненному опыту читателя и тем самым объективировать ее. Отношение к быту как к явлению, достойному большого внимания, а подчас и воспевания, определяет в произведениях писателя такие приемы создания комических ситуаций, когда «моменты одобрения уравновешены с моментами отрицания, иногда первые преобладают», что и рождает юмор, но не сатиру [10, с. 91].

Одним из первых произведений Гончарова, в которых быт используется в комических целях, является очерк «Иван Савич Поджабрин». Все любовные сцены и диалоги в нем построены с обязательным привлечением бытовых деталей. Так, знакомство Ивана Савича с Анной Павловной начинается с разговора о пирожках и заканчивается тем, что с потолка капает вода на голову ее «опекуна» Стрекозы; знакомство с Машей, начавшееся с того, что барин сам мажет ваксой свои сапоги, заканчивается тем, что Маша возвращает ему 45 рублей; знакомство с баронессой начинается с разговора о покупке лошади, а заканчивается требованием вернуть долг; знакомство с Прасковьей Михайловной, начавшееся с разговора о дымящей печи, заканчивается приказанием Авдею перетаскать вещи на другую квартиру.

Быт используется Гончаровым с целью пародирования, которое в его раннем творчестве становится одним из заметных способов выражения комического взгляда на мир. В повести «Счастливая ошибка» писатель создает пародию на романтическую светскую повесть, чуждую бытового начала, как явление уходящей в прошлое культурной эпохи. Имея четкие представления о характерах, сюжете, стиле жанра, Гончаров намеренно преувеличивает узнаваемые его приметы с целью окарикатуривания. Будущий романист убежден: в настоящее время необходимо писать по-другому — его жанрами будут очерк и роман.

Для создания пародийного эффекта в первом своем очерке «Иван Савич Поджабрин»³ Гончаров противопоставляет в одном эпизоде высокое и низкое, вкладывая слова и выражения высокого романтического стиля: «блаженство», «не всем рок судил счастье», «хоть на время забыть удары судьбы» — в уста героини, пытающейся убедить героя в любви к нему, но обеспокоенной только личными корыстными, меркантильными соображениями. Характеризуя поведение героини, автор намеренно употребляет в отношении к ней просторечное выражение: «Она чаще бывала у него: обедала, завтракала, — словом, как говорят, живмя жила» (I, 125).

³ О том, что образ главного героя очерка — это своеобразная пародия на Дон Жуана, пишет М. В. Отрадин [19].

В романе «Обыкновенная история» писатель высмеивает излишнюю экзальтированность Александра Адуева, его оторванность от реальности, романтические представления о дружбе и любви, претензии на избранность и позу «разочарованного». В то же время Гончаров отдает должное романтическому миропониманию, не отвергая любви и дружбы как глубоко духовных поэтических чувств: без поэзии в отношениях с мужем гибнет душевно тонкая и любящая Лизавета Александровна, растерявший романтическую одухотворенность Александр Адуев в глазах автора и читателей утрачивает свое обаяние.

Пародийное начало присутствует и в романе «Обломов»: вместо романтического «героя во фраке» здесь появится «человек в халате» [11, с. 54], но это тоже романтик. Подчеркивая с помощью бытовой приметы — своеобразной одежды героя — то внутреннее несоответствие, которое есть в его облике, автор уже на первых страницах произведения создает вокруг него комическую атмосферу, шуточно восхваляя неопределимые достоинства халата, насмешливо описывая образ жизни Обломова, его комнату, Захара, манеру общения барина со слугой.

Во «Фрегате “Паллада”» Гончарова появляются малохарактерные для мировой литературы юмористические описания природы: «На улице темнота, как сажа в трубе» (II, 201); «Тишина и теплота ночи были невыразимо приятны: ни ветерка, ни облачка; звезды так и глазели с неба, сильно мигая...» (II, 187); «Ночной воздух стоит, как церемонный гость, у дверей и нейдет в каюту, не сладит с спершимся там воздухом» (II, 268); «...нас ветер кидал лишь по морю, играл нами как кошка мышью...» (II, 295). Приведенные цитаты свидетельствуют об активном использовании Гончаровым сравнений, метафор, олицетворений, противопоставлений — самых популярных средств создания живых картин, эффекта новизны и занимательности, привлекательности для читателя.

У Гончарова встречается и такого рода смех, который В. Я. Пропп называет «беспричинным», смех, являющийся выражением игры жизненных сил, смех «жизнерадостный» [22, с. 161]. Однако у писателя он возникает всегда по определенному поводу. В романе «Обломов» Гончаров говорит о «гомерическом» смехе обломовцев: «“Вот если б Маланья Петровна приехала, уж тут было бы проказ-то! Чего она не затеет! И олово лить, и воск топить, и за ворота бегать; девок у меня всех с пути собьет. Затеет игры разные... такая, право!” — “Да, светская дама! — заметил один из собеседников. — В третьем году она и с гор выдумала кататься, вот как еще Лука Савич бровь расшиб...”»

Вдруг все встрепенулись, посмотрели на Луку Савича и разразились хохотом. “Как это ты, Лука Савич? Ну-ка, ну, расскажи!” — говорит Илья Иванович и помирает со смеху.

И все продолжают хохотать, и Илюша проснулся, и он хохочет» (II, 129). Обитатели Обломовки, в представлении писателя, связаны с детством человечества: герои «Сна Обломова» представляют доличностный тип сознания. Л. В. Карасёв считает, что смех обломовцев «заказывает не ум, а плоть, и она же сообщает ему свою энергию сытости и довольства» [14, с. 54].

Излюбленные приемы создания комической ситуации в творчестве Гончарова — сравнение и противопоставление. Именно они органичны для народного видения мира, выразившегося в фольклоре. Юмористические сравнения у Гончарова бывают и положительными, и отрицательными. Чаще

всего сравнение осуществляется в простейшей двучленной форме при помощи союзов «как будто», «как», «словно», «будто», «так», «просто», «точно»: «...не человек, просто солома» (IV, 48); «У меня руки чисты, — заметил Захар, показывая какие-то две подошвы вместо рук» (IV, 86); «После чая <...> сядет к окну и ловит глазами каждое мимолетное явление: пробежит ли кошка по двору, пролетит ли галка, наблюдатель и ту, и другую преследует взглядом и кончиком своего носа, поворачивая голову то направо, то налево. Так иногда собаки любят сидеть по целым дням на окне, подставляя голову под солнышко и тщательно оглядывая всякого прохожего» (IV, 114). Комические сравнения могут вводиться в текст и без союзов: «...в ковре, пропитанном пылью и пятнами, он прочел печальный аттестат своего усердия к господской службе» (IV, 90) — или представлять собой фразеологический оборот: «И так не вникнул! — смиренно отвечал Захар, готовый во всем согласиться с баринном, лишь бы не доводить дела до патетических сцен, которые были для него хуже горькой редьки» (IV, 86). Иногда автор прямо вводит указание на сходство предметов: «Он походил на петуха с мокрым хвостом, прячущегося от непогоды под навес» (I, 273); «Если, например, мода требовала распашных фраков, так его фрак распахивался до того, что походил на распростертые птичьи крылья; если носили откидные воротники, так он заказывал себе такой воротник, что в своем фраке он похож был на пойманного сзади мошенника, который рвется вон из рук» (I, 351).

Комические противопоставления у Гончарова нередко рождаются в результате столкновения героев с разным уровнем культуры. В романе «Обломов» такие ситуации возникают в сценах с участием барина и слуги, Обломова и Захара: «“Понимаешь ли ты, — сказал Илья Ильич, — что от пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стене!” — “У меня и блохи есть!” — равнодушно отозвался Захар. — “Разве это хорошо? Ведь это гадость!” — заметил Обломов. Захар усмехнулся во все лицо, так что усмешка охватила даже брови и бакенбарды, которые от этого раздвинулись в стороны, и по всему лицу до самого лба расплылось красное пятно. — “Чем же я виноват, что клопы на свете есть? — сказал он с наивным удивлением. — Разве я их выдумал?”» (IV, 12). Несоответствие уровней культуры барина и слуги Гончаровым чаще всего осмыслено как непреодолимая преграда, существующая между разными сословиями.

С помощью комических сравнений Гончаров нередко апеллирует к мифологическому или религиозному сознанию читателя: «Кто не знает Антона Иваныча? Это Вечный жид. Он существовал всегда и всюду, с самых древнейших времен, и не переводился никогда. Он присутствовал и на греческих и на римских пирах, ел, конечно, и упитанного тельца, закланного счастливым отцом по случаю возвращения блудного сына» (I, 185). Или: «Поглядел Адуев пристально на начальника отделения: точно Юпитер-громовержец...»; «...откроет рот — и бежит Меркурий с медной бляхой на груди» (I, 227). В устах автора и образованных героев Гончарова нередко вызывающие улыбку мифологические сравнения, ассоциации с античной культурой, с культурой книжной, преимущественно западной, в устах слуг, матросов — с народно-поэтическими представлениями.

Традиционные для народного сознания представления обнаруживает Захар, когда рассуждает о немцах: «“А где немцы сору возьмут... Вы поглядите-ко, как они живут! Вся семья целую неделю кость гложет. Сюртук с плеч отца переходит на сына, а с сына опять на отца. На жене и дочерях пла-

тышки коротенькие: все поджимают под себя ноги, как гусыни... Где им сору взять? <...> У них и корка зря не валяется: наделают сухариков да с пивом и выпьют!» — Захар даже сквозь зубы плюнул, рассуждая о таком скаредном житье» (IV, 13). Японский язык вызывает комические ассоциации у Фаддеева: «“Что там такое рядом в каюте?” — спросил я. — “Известно что, японец!” — отвечал он. — “Зачем они приехали?” — “А кто их знает?” — “Ты бы спросил”. — “А как я его спрошу? нам с ним говорить-то все равно как свинье с курицей...”» (II, 324).

Во «Фрегате “Паллада”» при описании чужих стран и народов Гончаров пользуется широко распространенным в народной культуре приемом создания комической ситуации: он сравнивает «свое» и «чужое», часто насмехаясь над «чужим», как это делали скоморохи и разного рода участники увеселительных зрелищ на площади, когда противопоставляли русского любому «немцу», называя этим словом людей, говорящих на чужом языке и в этом смысле «немых» для русского человека. Комическое сравнение в данном случае возникает как бы совершенно естественно: угощение японцами русской делегации и русскими японских дипломатов автор сравнивает с угощением друг друга Журавля и Лисицы (II, 359); одежду малайца — с одеждой «наших баб» (II, 255). Внешний вид, поведение и разговор иноземцев не раз рождают у автора комические ассоциации: «...около нас ходит будто сам индийский идол — эмблема обилия и плодородия, Вампоа» (II, 281); о переводчице Кичибе: «...он продолжает улыбаться, показывать свои фортепиано изо рта, хикает и перед губернатором, и перед нами» (II, 353); «“Хи, хи, хи!” — слышалось только из Кичибе, который, как груда какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверх дном шляпку, лежал на полу, судорожно подергиваясь от этого всем существом его произносимого “хи”» (II, 364); «Кичибе вертелся на полу во все стороны, как будто его кругом рвали собаки» (II, 475).

Своеобразие обращения писателя к народной культуре для создания комического эффекта в произведении особенно заметно на фоне творчества А. Н. Островского, юмор которого писатель признавал близким себе. Гончаров писал: «Только юмор и объективность Островского, приближавшие его к Гоголю, удовлетворяли меня до значительной степени» [12, с. 217]. Островскому, как и Гончарову, близко народно-поэтическое образное мышление, которым он наделяет и своих героев. Драматург считал комическое начало одним из неотъемлемых качеств русского национального сознания, выразителем которого всегда стремился быть. Его герои несут на сцену образность народной речи, ее красоту, тот юмор, который живет в языке народа. Комические сравнения в пьесах Островского, как правило, не авторские, а почерпнуты из национальной культуры, осмыслены в народной поэтической традиции, взяты из пословиц и поговорок.

Уже в первой пьесе «Семейная картина» можно увидеть общие особенности стиля драматурга, который вкладывает целый ряд прямых и отрицательных комических сравнений в уста разных героев. Марья Антиповна — о себе: «...а ты сиди в четырех стенах, как монашенка какая-нибудь» [18, I, 3]; жениха, предлагаемого братом, она сравнивает с уродом и говорит о нем: «...от него и в мясоед всегда луком пахнет, а в пост-то так просто ужась» (O, I, 10). Матрена Савишна — в ответ свекрови: «...что я вам за злодейка такая» (O, I, 9). Антип Антипыч — о жене: «Да она у меня как разрядится-то, так лучше всякой барыни, вальжнее, ей богу!» (O, I, 8); о Ширялове: «А Ширялов-то — да это словно жид какой: отца родного обманет» (O, I, 13); «Экой

вор мужик-то! Тонкая бестия» (О, I, 21—22). Ширялов — о сыне: «Ведь это словно как решето. <...> Яма бездонная» (О, I, 19); «...он теперь и без денег-то вертится, как угорелый, а попадись ему деньги-то, так он такой кранболь сделает — только пшик, да и все тут, как порох» (О, I, 20); о себе во хмелю: «Вовсе смиренный... как дитя малое» (О, I, 21). Степанида Трофимовна — сыну о невестке: «Да вот как с тобой вместе-то выедет она куда-нибудь, разодеется-то, знаешь ли, да перо-то на сажень распустит, то-то, чай, она, бедная, думает: “Эко, дескать, горе мое: муж-то у меня пузастый да бородастый какой, а не фертик, дескать, какой-нибудь раздушенный да распомаженный!”» (О, I, 8); о дочери: «...ты у нас не голь сарацинская, невеста с приданым»; о женихах из благородных: «Только что чванится собой... а сам-то ведь голь какая-нибудь, так, выжига, прости господи» (О, I, 10). На девятнадцати страницах текста пьесы подобного рода сравнений более двадцати. Если сопоставить их со сравнениями в творчестве Гончарова, то можно уверенно утверждать, что Островскому ближе фольклор, чем мифология: мифологические представления его героев как бы апробированы в фольклоре.

Некоторые герои Островского и Гончарова умеют посмеяться и над собой, представляют свои недостатки, откровенно стремясь к саморазоблачению и самоуничтожению. Эту особенность романа «Обломов» подметил еще И. Анненский, который писал о том, что «резонерство Гончарова *чисто русское*, с юмором <...> сердечное, а главное, без тени *самолюбования*» [1, с. 264]. Обломов сам видит в себе смешное. «Любить меня, смешного, с сонным взглядом, с дряблыми щеками...» (IV, 217), — думает он об отношении Ольги к нему. В пьесах Островского «В чужом пиру похмелье» и «Тяжелые дни» обнажает все свои недостатки, смеется над собой Андрей Брусков, жалуясь, что ему «рзвязки никакой не дано», что у него «крылья ошиблены» (О, II, 15, 14), называя себя «уродом», «арестантом», «дураком», «невежей», «обломом». О себе он говорит: «Поленом бы меня в те поры хорошенько» (О, III, 323—324). В словах Андрея не только насмешка над собой, но и угроза: он ищет веревку, чтобы «подвесить себя за петельку на гвоздик» (О, II, 17). Смех этого персонажа, как и смех Обломова, приобретает ту двуплановость, которая делает героя для невежд смешным, а для понимающих — грустным. За саморазоблачением, самоуничтожением героя видятся его ум и высокие нравственные качества. Подобного рода осмеяние характерно для русской средневековой культуры [16, с. 4]. Приобщенность Гончарова и Островского к архаичным формам смеховой народной культуры свидетельствует об эпической составляющей юмора писателей.

Характерно для Гончарова и Островского и использование приемов народной комедии. В качестве примера можно привести следующий эпизод из «Фрегата “Паллада”»: «Однажды в Портсмуте он [Фаддеев] прибежал ко мне, сияя от радости и сдерживая смех. “Чему ты радуешься?” — спросил я. “Мотыгин... Мотыгин...” — твердил он, смеясь. (Мотыгин — это друг его, худошавый, рябой матрос.) “Ну, что ж Мотыгин?” — “С берега воротился...” — “Ну?” — “Позови его, ваше высокоблагородие, да спроси, что он делал на берегу?” Но я забыл об этом и вечером встретил Мотыгина с синим пятном около глаз. “Что с тобой? отчего пятно?” — спросил я. Матросы захохотали; пуще всех радовался Фаддеев. Наконец выяснилось, что Мотыгин вздумал “поиграть” с портсмутской леди, продающей рыбу. Это все равно что поиграть с волчицей в лесу: она отвечала градом кулачных ударов, из которых один попал в глаз. Но и матрос в своем роде тоже не овца: оттого эта волчья

ласка была для Мотыгина не больше, как сарказм какой-нибудь барыни на неуместную любезность франта. Но Фаддеев утешается этим еще до сих пор, хотя синее пятно на глазу Мотыгина уже пожелтело» [II, 59]. Описанная Гончаровым сцена как будто ориентирована на эстетику народного театра, в котором ситуация «заигрывания» героя с героиней и расплаты за него является одной из наиболее популярных.

В ряде пьес Островского комическая ситуация выстраивается подобно разговору глухих из народной площадной комедии. В пьесе «В чужом пиру похмелье», например, в разговоре с квартирной хозяйкой Аграфеной Платоновной учитель Иванов заявляет, что он не понимает слова «самодур», это «варварский язык». На что собеседница резонно замечает: «Уж и вы, Иван Ксенофонович, гляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда». Аграфена Платоновна, в свою очередь, не понимает слов Ивана Ксенофоновича. Он восклицает: «Послушайте: Плутарх в одной книге...» — и слышит в ответ: «А насчет плутовства — это верно, он старик хитрый» (О, II, 9). Нечто подобное можно увидеть и в произведениях Гончарова. Диалог Обломова и Захара о «другом» из первой части романа строится по тому же принципу, что и в пьесе Островского: «“Чувствуешь ли ты свой проступок?” — спросил Илья Ильич. “Что это за «проступок» за такой? — думал Захар с горестью, — что-нибудь жалкое; ведь нехотя заплачешь, как он станет этак-то пропекать”» (IV, 90).

Гончарову не свойствен фольклоризм, характерный для многих пьес Островского, его юмор редко «подслушан» у народа. Юмористические ситуации в произведениях Гончарова в большинстве своем «сконструированы» самим писателем. В этом смысле «объективирующий» характер в юморе Гончарова менее выражен, чем в юморе Островского.

Анализируя творчество Гончарова 1840—1850-х годов, М. В. Отрадин утверждает, что развитие его романного искусства «отмечено возрастанием в нем роли юмора» [20, с. 137]. Думается, что роман «Обрыв» вряд ли дает основания для такого вывода, однако очевидно, что в поздних очерках дарование Гончарова-юмориста выразилось не менее ярко, чем в романе «Обломов». Не отказываясь от внешнего комизма (комических сравнений, противопоставлений, сенок, ситуаций), Гончаров в «Обрыве» и «Слугах старого века» все чаще использует юмористические характеристики и сцены для раскрытия психологии, внутреннего мира героев (комические портретные зарисовки, юмористические описания занятий, манеры поведения и общения с окружающими, речи персонажей).

В юморе Гончарова проявились оптимистическая, уравновешенная позиция гармоничного приятия мира, стремление к созданию объемного и многоцветного образа в произведении. Прямым доказательством эпического потенциала юмора является его присутствие в разного рода фольклорных жанрах, отразивших особенности народного сознания. Комическое является обязательным признаком национального эпоса, в основе которого — показ человеческого единения («Война и мир» Л. Н. Толстого, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского).

Библиографический список

1. *Анненский И. Ф.* Гончаров и его Обломов // Анненский И. Книги отражений. М. : Наука, 1979. С. 251—271.
2. *Багаутдинова Г. Г.* Комическое как средство выражения авторской позиции в «Слугах старого века» И. А. Гончарова // И. А. Гончаров : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск : б. и., 2008. С. 253—260.
3. *Балакишина Ю. В.* Комическое в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» : (юмор как эстетическая доминанта художественного целого) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 18 с.
4. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 1. 736 с.
5. *Борев Ю.* Комическое. М. : Искусство, 1970. 273 с.
6. *Гейро Л. С.* История создания и публикации романа «Обломов» // Гончаров И. А. Обломов : роман в 4 ч. Л. : Наука, 1987. С. 561—646. (Лит. памятники).
7. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 1997— . Т. 2. 747 с. ; Т. 4. 495 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.
8. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Правда, 1952. Т. 8. 542 с.
9. *Гончаров И. А.* Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 8. 560 с.
10. *Дземидок Б.* О комическом. М. : Прогресс, 1974. 224 с.
11. *Журавлёва А. И.* А. Н. Островский — комедиограф. М. : Изд-во МГУ, 1981. 216 с.
12. *И. А. Гончаров : новые материалы и исследования.* М. : Наследие, 2000. 736 с. (Лит. наследство ; т. 102).
13. *И. А. Гончаров в кругу современников : неизданная переписка.* Псков : Изд-во Псков. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 1997. 455 с.
14. *Карасёв Л. В.* Философия смеха. М. : Рос. гос. ун-т, 1996. 221 с.
15. *Краснощёкова Е. А.* Иван Александрович Гончаров : мир творчества. СПб. : Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
16. *Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л. : Наука, 1984. 296 с.
17. *Недзвецкий В. А.* И. А. Гончаров — романист и художник. М. : Изд-во МГУ, 1992. 176 с.
18. *Островский А. Н.* Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959—1960. Т. 1. 424 с. ; Т. 2. 456 с. ; Т. 3. 448 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием после буквы «О» римской цифрой тома, арабской — страницы.
19. *Отрадин М. В.* Первый «идеалист» Гончарова : («Иван Савич Поджабрин») // Рус. лит. 1992. № 3. С. 27—38.
20. *Отрадин М. В.* Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 168 с.
21. *Пинский Л. Е.* Юмор // Лит. энцикл. слов. М. : Сов. энцикл., 1987. С. 521—523.
22. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М. : Лабиринт, 1999. 288 с. (Собр. тр. В. Я. Проппа).
23. *Сомов В. П.* О юморе Гончарова // Вопросы стиля художественной литературы. М. : б. и., 1964. С. 156—170.
24. *Хализев В. Е.* Человек смеющийся // Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М. : Гнозис, 2005. С. 301—354.
25. *Эстетика : слов.* М. : Политиздат, 1989. 447 с.

ББК К 83-8 Мозгалов К. Б.

Д. Л. Лакербай

К ИСТОРИИ ПОЭЗИИ ИВАНОВСКОГО КРАЯ: ВЕРТИКАЛЬ КОНСТАНТИНА МОЗГАЛОВА

Статья посвящена одному из главных представителей «неофициальной» поэзии Ивановского края: рассматриваются основные особенности поэтического стиля и житнетворческого мифа Константина Мозгалова. Автор также стремится описать наиболее общие параметры художественного сознания и филологической рефлексии поэта.

Ключевые слова: творческий миф, поэтический стиль, художественное сознание, филологическая рефлексия.

This article is devoted to one of the main representatives of «informal» poetry of the Ivanovo region. The basic peculiarities of poetic style and creative myth of Konstantin Mozgalov are considered. The author also aspires to describe the most general features of art mentality and philological reflection of the poet.

Key words: creative myth, poetic style, art mentality, philological reflection.

В том условном (ибо достаточно разновозрастном) «поколении свободы», которое на рубеже 1980—1990-х сумело отряхнуть прах «советской литературы» в ее «ивановском изводе» [1], отдельно, в стороне от прочих, видится фигура Константина Мозгалова, пришедшего к поэзии (как органическому единству свободы и духовности) в 37 лет, в возрасте личностной зрелости, и не прекращавшего работу над стихами до своей безвременной смерти 12 ноября 2001 года. Он абсолютно сознательно проделал уникальный путь: от журналиста с филологическими интересами до автора семи поэтических книг, каждая со своим «лица необщим выраженьем», но тиражом 1—5 экземпляров. «Триада» восхождения здесь выглядит наоборот: не опыты юношеской «стихийной гениальности» — ученичество/инициация — «артист в силе», а филолог по образованию и складу (однако вне профессиональной среды) — возвращение к Слову длинным и тернистым путем — обретение поэтического голоса. Личностная цена и статус обретаемого через поэзию Слова-мира оказываются в таком случае совсем иными, вбирают в себя всю жизнь человека, рождают его заново (человек «выстрадывает» в себе поэта, дорастает до него, а не разбазаривает творческую «наличность») и, при сочетании несомненного дара с бескомпромиссностью, очищают, возвышают житейскую суету до бытия, биографию до судьбы и мифа. Самое жестокое — смерть — одновременно и последнее необходимое условие, окончательно оформляющее этот переход.

В подобном случае путь не менее важен, чем его результат — поэзия. Принципиальна ранняя маргинальность выпускника-филолога, находящего «свое» в литературе (книги собирал с 7-го класса), пишущего «для себя» исследовательскую работу. Как свидетельствует в своих записях вдова поэта, «К. Мозгалов в стихах и социум (идеологизированный, общественный) —

субстанции совершенно не совместные. И дихотомия их не лишена взаимности. Даже в журналистике КМ был более литератором, чем репортером быстroteкущей жизни»¹. Внутреннее размежевание с позднесоветским болотом стало необходимым условием для выживания духа; «общественные вопросы его не трогали, комсомольский задор потешал» (НВМ). Ничего необыкновенного в этом как будто нет: многие выпускники-филологи подвизались на ниве провинциальной журналистики, производя муру и спиваясь. Однако не спился и не опустил, прежде всего потому, что замещением отсутствующей Цели «была литература, в которой он находил себя свободным читателем=человеком, вольным филологом <...> “на лодке слов” да по “книжному морю”, когда сам себе выбираешь вектор пути и обретаешь, в сущности, свет, потому что в настоящей литературе всегда сыщется гармония» (НВМ).

Дальнейшее закономерно: «Мир литературы был слишком интересен для КМ, чтобы просто так вот сгинуть. Но мир литературы еще не вытеснил социума» (НВМ). Дихотомия тотальна, причем по одну сторону — весь «бред» обыденности, неприемлемые «гонки по горизонтали» (так именовались «в кухонном пространстве» карьера, погоня за материальными благами и т. п.), по другую — космос культуры с потенциалом Света, Добра, Красоты, Веры. Искусство, подобно вере, растет, как известно, из любых интеллектуальных предпосылок (в данном случае компенсаторной идеализации искусства, и прежде всего словесности, что свойственно трудно живущей провинциальной интеллигенции), и без этого ослепительного душевно-духовного утопизма не было бы никакого поэта. Оставалось лишь пересечь границу, властно переместить себя из быта в бытие, но для смены миров по законам физики требовались огромная личностная энергия, техническая подготовленность и мощный духовный «разряд». Перемещение долго готовилось и шло этапами.

Первый, конечно, — это тщательно сохраняемая ситуация «внутреннего эмигранта» в журналистской деятельности, по определению обращенной к профанному слову и миру. Журналистика осуществлялась не как общественная трибуна, а как словесная фактура, по недоразумению используемая для низких целей. В статье под названием «Зазеркалье» (апрель 1991 г.), выставя счет советской эпохе в целом, Константин Мозгалов на самом деле манифестирует свой будущий выход из коллективности социума в творческий подвиг одинокой личности [2, с. 7]. Второй этап — в связи с окончательным внутренним освобождением от безличного «надо» и на пути к не просто свободе («хочу»), но к свойственной русским тотальности творческого жизневоплощения («хочу-могу-должно») Константин Мозгалов приходит к Богу (июнь 1991 г.).

С весны 1994-го начинается третий этап — стихотворчество-инициация, самоиспытание с весьма жесткими правилами, протекающее в лабораторном космосе «серебряновечных» традиций (лабораторном, поскольку внеисторичном, наделенном априорной идеальностью). Монументально-изысканная и снаружи и внутри книга «Pro forma» (1996 г., вторая после «Стихотворений») не прихоть стилизатора, но «испытательный стенд таланта», необходимый для дальнейшего «отделения» поэта от повседневности: «...нужно было постичь тайные смыслы поэтической формы, открыть в

¹ Личный архив Н. В. Мозгаловой. Далее ссылки на него приводятся в тексте статьи в скобках с указанием аббревиатуры *НВМ*.

себе энергию роста, чтобы ощутить право считать стихи делом жизни. Тогда же КМ и отзыв профессора Л. Н. Таганова принял как награду и “зачтено” одновременно, по принципу “необходимо и достаточно”, чтобы далее пребывать в свободном полете над горизонталью» (НВМ). Бесплезно рассуждать, чем был бы этот вариант стихотворчества без религиозной веры: как известно, поэзия отчасти соприродна молитве, а Литература и сама по себе может быть Церковью. Суть в том, что вера оказалась в данном случае как раз метафизическим основанием идеальности поэзии, и это видно из сформулированных КМ (позволим себе эту аббревиатуру для удобства) максим: 1) Ощущение Бога; 2) Догмат света; 3) Ты — царь: душа, молния, гармония; 4) Диктат «я»; 5) Космос традиций. «Телом» этой литературы-церкви стал своеобразный поэтический стиль, эскиз которого мы попытаемся набросать.

В силу высокого культурного уровня «начинающего» и выстраданности выбора черты этого стиля ощутимы уже в первой небольшой книжке «Стихотворения» (1995 г.), представляющей принципиальные координаты творческого бытия. В ней обозначились (пока только) самые разные виды программного филологизма автора: акцентированное богатство поэтического лексикона (в том числе любовь к редким или маркированным словам) и свободное переключение лексико-стилистических регистров; сквозная цитация, полуцитация, реминисцентность; компендиумичность тщательно выстраиваемого образа лирического героя; восприятие жизни в терминах словесности, алфавита, книжной графики; движение к Смыслу через контролируруемую языковую игру; «синонимия» строки и жизни и пр. Цитировать можно почти наугад, но уже первый текст книги содержит оживающие вместе с узнаваемыми стилями соответствующие неоромантические топосы:

Пусть стихотворцем бесполезным
жизнь на слова перевожу,
на лист в отчаянье гляжу
и рву его пером железным.

Молю себе о Божьем даре,
по вечерам гулять хожу
и до заставы ворожу
в эзотерическом угаре.

<...>

И мышь в углу, и шелест книги,
и нервный окрик за углом,
и торжествующий псалом —
ловлю магические миги².

Открывающий в себе с гумилевской отвагой «дар дерзкий и напрасный», готовый впасть «в столбняк косноязычия», КМ наследует не столько конкретную традицию, сколько поэтический универсум как целое (с акцентом на любимом Серебряном веке), поэтому «на выходе» — синтетический продукт, обобщенные, но узнаваемые мифологемы, призванные удостоверить бытие сначала стихотворца, затем поэта. Как филолог КМ прекрасно понимает анахроничность своего реставрационного замысла, но настаивает на его вневременности как онтологического проекта. Так М. Булгаков восстанавливал онтологию Добра и Зла (в «Мастере и Маргарите»), а И. Бродский — онтологию языка и поэзии. Если эта вера есть, остальное не страшно: важи-

² Стихотворения без указания страниц цитируются по электронной версии книг, подготовленных Е. Н. Панюшкиной.

лонское смешение культурных языков, трезвая самоироничность не мешают трагическому откровению:

Все рифмы перепутаю,
размер не подберу
и триолет укутаю
в лубочную кору.

Перекосятся строфика
и бисером — в подбор.
Неологизмов до фика,
с жаргоном в перебор.

Асимметричной зауемью
влечу в шаманский транс,
где залопочет I love you
мой inferнальный станс.

А где-то ближе к полночи
у бездны на краю
для пришибашной сволочи
я песенку спою.

Читатель новой мистики
в ней вряд ли что поймет,
в сердцах отбросит листики,
вина в стакан нальет.

Он не увидит, сплющенный,
уснув в своем углу,
как мой язык прокушенный
запляшет на полу.

Пока «аукается» культура (например, Мандельштам: «Катится Август — больной император / неповторимого календаря»), от социума, конечно, можно отказаться (тем более что «порочная складка / пролегла от основ до основ / между Римом эпохи упадка / и Москвой девяностых годов», т. е. в первой книжке есть и ядовитый сатирический портрет эпохи — «Кому на Руси жить»). Но от принадлежности к рефлексирующей игровой культуре *своего* времени — вряд ли, поэтому пафос мгновенно оборачивается метапоэтикой:

Когда умрем,
тогда пойдем:
не жизнь вел раб —
двустопный ямб.
Одна стопа:
весна глупа,
но лето бьет
Ярилом влет.

Один размер:
осенний перл
махнем на дар —
зимы удар.
Небесный мэтр
явил нам метр.
Прожили строк,
кто сколько смог.

Того же игрового плана (что не отменяет «серьеза») и «автоперсонажные» перемещения в условно-литературное время:

Моего романа героиня
(если жизнь — словесности игра),
будешь ты сиятельство, княгиня,
ну и я — мелкопоместный граф.

Пусть раскомиссарили поместье
и усадьбу занял сельсовет —
мы уедем в тихое предместье
отдохнуть от пережитых лет.

Там за палисадником — сирени,
полудеревянные дома
через тротуар бросают тени
прямо на афишу синема.

<...>

Соблазним извозчика алтыном,
в экипаж закрытый упадем
и подкатим к дому с мезонином,

и по черной лестнице взойдем.

Заживем покойно и безбедно,
рыжую собаку приютим...

Однако не «колдовской ребенок» занят «словесной ворожбой» — «аристократ духа», и намерения самые серьезные. Полем романтической битвы с жизнью, местом подвига становится словесность, и это обратный вариант «гумилевского» мифа (книжную мечту сделать жизнью), в современной культуре наиболее последовательно воплощенный Бродским (извлечь из жизни ее «книгу»), о котором еще пойдет речь. Пока же разворачивается масштабная самопроверка, вылившаяся в книги «Pro forma» (1996 г.) и «Эклектида» (1997 г.). Собственно говоря, в первой книге уже были и «галантно-развратный» веночек сонетов «Расстегнутый аграф», и акrostихи, и терцины, и «двойная секстина», но «Pro forma» поражает воображение. Перед нами поэтическая лаборатория самой высшей пробы. Цель ее указана в заглавном сонете:

Иезуит, стиха живую душу
я умерщвлю лукавством дерзких форм
и дьявольской метафоры не струшу,
сдавая кровь сонету на прокорм.

Ты пей вино, ешь наливную грушу:
ценней они рифмующихся норм.
и молнией Творца ни твердь, ни сушу
не озарит таланта жалкий гром.

Тропа и троп! единого наследства
в саду-рондо один сияет свет.
Равны все здесь, где смерть — лишь память детства,

где миллион рифмующихся лет
поэзия оправдывает средства,
как Орден свой мистический — поэт.

Это не брюсовская установка (при всей цитатности и реминисцентности от «Сонета к форме» до «все в жизни лишь средство для...»), а высокая игра с ней, реставрация не результата, а Пути: заново пройдя искус форм, войти в «мистический Орден» и получить право на Слово. Любая книга КМ достойна отдельного исследования, поэтому ограничимся сообщением, что 235 текстов «Pro forma» — настоящая энциклопедия стиховых форм, по которым эти тексты и распределены (видимо, и созданы) («одностопные ямбы», «трибрахий», «ионик восходящий», «пеоны», «пентоны», «асклепиадов стих», «риторнели», «чосерова строфа» и пр.). Эксперимент не превращает поэзию в версификационный самоэкзамен: «поэзия оправдывает средства», т. е. на данный момент *они и есть поэзия* перед (а вернее, *над*) житейской мутью, та самая армия, которую поэт выводит на поединок с косной жизнью, как это сделал Маяковский в «Во весь голос». Поэтому заглавие книги имеет не только игровое, но и онтопоэтическое измерение. «Тропа и троп! единого наследства / в саду-рондо один сияет свет» — поэтическая *форма* изначально бытийна, «миллион рифмующихся лет» она противостоит хаосу, не-бытию. Сама интенсивность (и качество) формотворчества в «Pro forma» говорит о поставленной *духовной* сверхзадаче, которую извне можно трактовать как одержимость, а изнутри... Это опять-таки уже вопрос веры. Во всяком случае, поиск стиля идет через рефлекссию поэзии как высшей человеческой формы бытия, через рефлекссию

технических (пока что) возможностей этой формы — и, несколько забегая вперед, мы можем говорить о несомненной *телеологичности* стиля КМ. В свете такого подхода понятны и общий вектор поэтического развития, и филологизм в разных его измерениях (например: «После того как текст набело переписан в тетрадь поэтом, филолог вершит разметку=паметку карандашом <...> особенности формы (размер, строфика, рифмы), включая языковые особенности <...> “Мы будем жить, лексемы шевеля, / бытийные сезоны в быте для...” — прелюбимое и священное занятие»; НВМ).

Здесь говорится о значимости для поэта трех категорий: Эталон, Выбор, Путь. О второй уже было сказано; первая и третья определяют вектор развития: за «Pro forma» следует «Эклектида», свободное парение по ритмам, эпохам, «сиятельным теням», «именным» и массовым жанрам и стилям. Череда лирических масок героя не скрывает Поэта:

На земле Сулавеси отлетают во сны золотистые веси, не дождавшись луны.	открываю истоки, ворожу и дрожу. И неслышные стоны до зари стерегу, и слагаю центоны на глухом берегу
Только, желтый, высокий, я один здесь брожу,	

(очень точное слово «центоны», соединяющее чужое и свое, старое и новое, античность и постмодерн). Или:

Ждет меня баккара, ждут друзья и шалавы,
зря вином наполняя мехи.
Я уже не хочу их запойной отравы:
я теперь сочиняю стихи.

Здесь сюжеты покруче, светлее финалы
без ментовских погон и погонь,
здесь извивы души, откровений каналы —
вдохновения вечный огонь.

Вот присел у огня — отхожу, согреваюсь
и цежу антиспаст на разлив.
Забиваю «косяк» ипостас, раздеваюсь
и тащусь от затасканных рифм.

<...>

Я по жизни нашел переливы, нюансы...

(последнее словечко у КМ весьма значимо, встречается 11 раз, о его смысле будет сказано ниже). Любовное перечисление редких слов оборачивается вроде бы иронической метапоэтичностью:

Асмодеи, лигейи, орфеи —
непонятные ныне слова,
наподобие эльфа иль феи,
ортодоксы, нули, острова.
Аониды, друиды, сильфиды —
кто их, черт побери, разберет! —
излучают дурные флюиды
и читаются наоборот.
Для Паллады — баллады Эллады
(лезет строчка шутя в каламбур)...

но финализируется по-гумилевски торжественно:

Не найти поименного смысла
помертвевших прапраязыков...
И качаются, что коромысла,
тайны Слова на чашах веков.

А дальше:

Конкистадор, куда исчезли кости,
в которые с тобой играли гости
на канонерках, в скалах и в ЧК,
где сами гости, из парчи река
и пену отряхающие трости?

(поэтическую тему ведут сразу несколько гумилевских сигналов из разных текстов, но в словесных масках возникает сам Поэт-«конкистадор», чье назначение — «бытийствовать вечно» с созданными им мирами); тень Северянина:

Ослезив благодарностью мрамор, покидали дворец эксцессерки —
миньонеты мешая с шампанским, до утра вспоминал их король;

считалки:

Мальчики дебилные	катают на «порше».
стреляют: «Трах-тах-тах!!!»	Княжичи удельные
Девочки субтильные	злорадствуют в душе.
ложатся впопыхах.	Гамлеты увечные
Женщины модельные	гадают: «Быть — не быть?»;

жестокие романсы:

Он служил на военном заводе,
получал в месяц двести рублей,
а она у купца пожилого
прислужала: подай да налей.

Оказывается, внутри постмодерной эпохи и отчасти на ее языке выражается индивидуальный Космос Поэта:

Шифр Средиземья, к запястью Зевеса прикованный,
холст полустертый и вяжущий, как параноя.
диск Эльдорадо, оплавленный в белый июль,
лоб прокуратора, жест гамадрила рискованный,
хор от Введеня, на «Sotheby's» истерзанный Гойя,
Лебедь-царевна, прожженный сигарою тюль.
Sic, Эклетида! Я мчусь на кентавре в язычество,
ворох эклеров к седлу приторочив небрежно, —
чистый эклектик, элита, — мелькает Эльзас.
Избраны вирши, струится в альков электричество...

Так открывается идеальный план, бессмертие etc., поскольку «Кожедубам, прилизанным асам, / не поразить в стратосфере витающий слог». И в следующую, может быть, лучшую книгу — «Канитель» (1997 г.), где была набрана необходимая высота свободного полета, переходит уже готовый поэтический стиль, важнейший принцип которого — вдохновенная свобода словоупотребления.

КМ не играет функционально-стилевой окраской слов — принцип словоупотребления нестилевой. В этом отношении он родствен Бродскому: поэ-

тический лексикон представляет собой неиерархизированный «словарь культуры» (культуры), в котором, кроме онто- и метапоэтических констант (типа «ямба»), почти нет привилегированных элементов, но царят — вполне постмодерно — *филологические рефлексия и экспрессия*, свободное сочетание разнородных — стилистически, «географически» — языковых единиц; актуализируются любые стороны — фоника, фоносемантика, риторическое мастерство, «раритетная» лексика, подчеркнутая «книжность» и/или разговорность, культурная топка и сигнальность и пр.:

С Днем ангела! Финифть на панании неба — персеевым щитом от каверз и медуз. Сегодня все лафа, надежа и потреба,	и рваный ритм зажат в пружинах анакруз. От солнца отломаясь, луч тезоименитства еврейки продувной ерошит древний кров;
--	---

[3, с. 18]

Солнышко гложет, лучами рихтует зеркальную лужиц финифть — покой суверенный тревожит кандалной воды. И если сравненье развить, нам утренник к завтра разложит биномы беды. Да пусть! Разберемся, спасем, в ладонях шегла унесем	на клирос, к укрытью. Принцесса в сиреновом шарфе лабает на сломанной арфе без нот, по наитью. Конфеты, ликер и при сем мотор на полуночном фракте — въезжаем в Ломы: развилка с бетонным лосем, годами бегущем на драфте вяателей тьмы.
--	---

Даже «словарное» перечисление разнородных лексических единиц в этих отрывках заняло бы очень много места. Подчинена закону филологической экспрессии и образность: «лось, годами бегущий на драфте вяателей тьмы» представляет собой весьма сложную «антистилевую» метафорическую конструкцию с несколькими уровнями абстрагирования. То, что НВМ называет «стереоскопичностью» текстов КМ, есть особая (создаваемая прежде всего словоупотреблением) поэтическая модальность: текст не столько «раскрывает тему», сколько реализует онтологизированную эстетическую функцию; воспаряя от референции, обращен сам на себя, создает собственную реальность между мирами, в которой изображаемое есть одновременно изображающее. Когда А. Вознесенский провозглашал: «Метафора — мотор формы», анаграмматически-омофонно-паронимическая энергия самой этой фразы была лучшим показателем существа его стиля (испорченного публицистикой); к «мотору» стиля КМ мы обратимся чуть ниже.

Яркая и в то же время «умозрительная» образность снова заставляет вспомнить Бродского. Он явно в ряду тех, кто «надышал» на КМ (вместе с Брюсовым, Гумилевым, Набоковым и др.). Это не только прямое цитирование («словая готика» в «Линии»), это — игра с авторитетной традицией, причем нередко с конкретными текстами. Так, финал стихотворения «Неведома, словно гот...»:

Ну ладно бы Лиля Брик,
а то какой-то старик,
уже умерший, небось.
И что он делал, бродяга,
в лесу? Сосна как ось,

смещенная у Сантьяго —
(46)

немедленно вызывает в памяти известные строчки Бродского: «Мозг как айсберг с потекшим контуром, / сильно увлекшийся Куросиво». Граничащее со стилизацией «О волхвах, о погоде...» содержит отсылку сразу к нескольким текстам, но «финализируется» в духе «Конца прекрасной эпохи»:

Беспольность потуг преломить и раззять
подвигает химеры и тени ваять,
раскачав перекладину буквы «ять»,

содержа, однако, и более общую отсылку — к книжной графике, маркирующей бытие. «К ноябрю сад — сплошное сиротство...» аukaется с «В декабре все немного волхвы...». «На голубой стреле» своим пятистопным ямбом с анжамбманами, ритмикой, интонацией, тематикой заставляет вспомнить программные пятистопники Бродского середины 1960-х. Иногда филологическая экспрессия, дистанцирование от открытой эмоции, «объектная» описательность, «инструментальная» ирония, античная «статуарность» как тема, анжамбманы, характерные «бродские» образы и обороты доводят игру до сходства:

Смягчается мороз, скрипя зубами
деревьев. Алебастровыми лбами
соприкоснувшись, грации во двор
с ущербного сбегают постамента
и в окруженье кобелиных свор
испытывают двойственность момента,
не ведая про скорый оговор
на лавочке у третьего подъезда
в тенетах склеротического съезда;
(49)

Смещая взгляд
привычный на предметы обихода,
на гривенник заката и восхода,
приобретаю кличку Верхогляд
и тем уже лишая обезличку
стерильного отсутствия лица
<...>

Вид сверху раздвигает горизонты,
а не колени сбитые гетер,
в том виде невозможен адюльтер
вещей на пляже Белу-Оризонти;
(43)

Нет ничего, кроме
запаха резины в «Сельпроме»,
неотвязного, как параноя,
да еще — июльского зноя,
чьих игл, забивающих рот,
хватит на заморозки вперед.

Примеры можно множить; слово КМ нестилевое, но «культуроскопичное», поэтому с Бродским в последней цитате «дружит» Маяковский, но об этом далее.

Столь многообразные «созвучия» вызваны, конечно, и авторитетностью для КМ текста-мифа Бродского (в таком случае и Бродский-

формотворец — сильнейший «раздражитель» для КМ-формотворца), и программным филологизмом, и особенно страстью «гипостазировать» материальный облик текста/письма, превращать его в метафору жизни/творчества поэта (в то время как сами «стихотворцы» — «метонимия реальности»). Филологизм означает и включение в качестве равноправных элементов прямых цитат и реминисценций (здесь не берутся в расчет «Pro forma» и «Эклектида», представляющие сплошную игру цитатами и стилями): «...закопали миллионы терзаний» (29); «...и выпадает за грань поверья / недотыкомка из-за куста» (30); «Наконец замечаешь: химера / целый вечер плелась по пятам, / притворялась жилицей...» (90); «Безграничен и волен покой / и спокойна бескрайняя воля!» (78); «...тятя, тятя, наши сети / притащили этот стих!» (118); «...на желтой луне через миг повстречают друг друга / чудака-баянист и косматый породистый пес» (70); «Замечаю: на старом джинне чудесная обнова — / клетчатый пиджак и чесучовая пара брюк» (97), причем в качестве свободно комбинируемых знаков, нередко в игровом фоносемантическом ключе:

Вновь змеями, писал Шеншин,
 Россию снег запорошил,
 но пало с плеч воскресшей Геллы
 манто из барсов и шиншилл:
 мы отбывали на Сейшелы.
 (88)

Целая книга — «Эпиграф» (2000 г.) — «отталкивается» от обязательных «серебряновечных» (и около) эпиграфов (от Фофанова до Балтрушайтиса, от Льдова до Белого), чтобы развязать свободную игру поэтического воображения. Культурные горизонты КМ, при явных предпочтениях, тем не менее безграничны: «...русские былины и “Гильгамеш”, книги Екклесиаста и Ездры, Маяковский и Пушкин, Ершов и Басё, Вийон и Камюэнс, Юон и Кара-Караев, Шагал и Данте, Бисти и Оссиан, Катулл и труверы...» (9).

Огромное количество стихов КМ содержат метапоэтические элементы из сферы словесности: «...и зафлиртует шрифт с коррозией, лубочный, / и распадется связь, и весь исчезну я» (15); «Морозом ямб хрустит, / частит косматый конь <...> Сегодня все лафа, / надежа и потреба, / и рваный ритм зажат / в пружинах анакруз» (18); «Пасмурно. Самое время / бросить созвучие “бремя” / в гулкий колодец двора — / эхо окликнет: “Ора- / тай, пропахал ли полосу?” / Я пропашу-пропишу...» (41); «...и, содрогаясь, рифма серебрится / струной на силлабическом колке. / До новизны и фабулы охочи, деревья ставят корни в стремена...» (43); «...и будешь чистить снег у дома, / как побелевший черновик / несуществующего тома / отягощающих улик» (51); «Мы с ним наметим дорогу: / до пустыря, а потом — / к косноязычному слогу / чревоуничтожительным ртом» (55); «В заезжем шапито Письма / на трапециях склянки чернил / кувыряться душам весьма / опасно. Под бумвинил / грядущей книги взлетать, / срываться в опилки листа / и факелы слов глотать...» (56) и т. д. Если добавить к этому сквозную семантику рта/речи/говорения («...и вела деревянную речь / с гостем чревоуничтожительно печь, / рот держа на чугунной заслонке»; 93) и абсолютную филологическую окультуренность пейзажа («Как положено бабе при родах, / шевелит языками природа <...> Ветр листает дубовый увраж, / как семейный альбом фотографий»; 32), «ситуация Бродского» предстанет частью (и не единственной) новой стилиевой тотальности.

Что же стягивает в один тугой узел эту грандиозную «эклетику» языков, манер и культур, что организует этот почти барочный мир-текст, что поднимает из глубин океана времени призрачную Атлантиду духа? Для примера. Зрелый стиль Бродского — объективно-описательный, с редуцированием лирического «я» и его «частных» эмоций, сведением их к философской рефлексии и экзистенциальному «трепету». Отсюда парадокс — обилие объектов описания (и обвинения в поэтическом «туризме») при минимуме «заветных» тем. На самом деле парадокс мнимый: между объектами и темами, грубо говоря, лежит поэтический язык, и эта языковая оптика превращает различное в подобное, а общее раскрывает веером нюансов. НВМ констатирует отказ КМ-поэта от эмоциональной открытости и прямого лиризма — и при этом то же соотношение объектов и тем: «Бытийное пространство стихов КМ свободно от засилья лексемы “я” <...> Круг тем невелик, но на просторах лирики КМ пре/ивольно душе!» Случай явно сходный: при «описательности» многих текстов КМ («объектно» и эмпирическое «я» — «златоротец», «валет крестей» и пр.) решающую роль играют не объекты, а «идейно-художественные» константы. Одна из них — филологизм во всех его проявлениях — уже обозначена; интенсивность ее тематизирования, постоянная рефлексия словесности внутри текстов говорит о том, что важнейшая опора стиля КМ — онтологизированная словесность как порождающая стихия самой поэтической темы. Перед нами новая «Одиссея стихосложения» (М. Айзенберг о Бродском), но в несколько иных координатах и с иной стратегией (предмет отдельного исследования). Нередко стихосложение в широком смысле — парадигматический каркас лирической сюжетности, основное событие лирики, рассказываемое/ющее само себя, героя на языке формы:

Я иду к ивану-чаю
 чистой улицей листа,
 у разбитого моста
 ямб деньгами выручаю.

(75)

Однако поскольку так понимаемая словесность есть строй бытия, возникает и более общий план (то же стихотворение заканчивается так: «...то ли стихи живут на свете, / то ли жизнь бытует в них»; 76) — не случайно «бытие» и «бытийный» встречаются в текстах КМ около 30 раз, а всего слова, содержащие «быт» (небытие, событие, быт и пр.), — более 170. Причем «быт» по отношению к «бытию» не выступает однозначным антонимом. Настоящая поэтическая истина всегда процессуальна и тяготеет к целостности, вбирающей внешние — логические — противоречия: «Субстанция (совсем не зловеща) / на цветных билетах бытия и быта / равнодушным кондуктором ставит проколы»; «Опять оцарапал сознание / о края бытия...»; «Ведал соленый искус / грызть бытие зубом “арт” / в шкуру спеленутый Сартр»; «Бытийная жила — без края и дна — / одна во спасенье убогих дана / эфирным Клондайком сиянья и блеска, / где дух не ломают во мгле рудников / двухвостая плетка с браслетом оков, / где в акте трагедий мерцает бурлеска» (86); «И, познав наважденье сие, / обращается быт в бытие».

«Средостение» быта и бытия — живая жизнь, к которой КМ очень чуток, которую знает не понаслышке и эстетизирует порой с наслаждением («с хрустом ложится на водку ранет!») и «тоска» которой неотменима, потому что размещена «до» и «от»: между человеческим уделом и божественным

промыслом, между небом духа и юдолью скорбей. В романтической иронии достаточно мудрости:

А вечером пришли нафабранные гости —
под самогон и пыл поджаренных котлет
мы песенки поем, швыряя на пол горсти
заведомой тоски и пропыленных лет.
Зеленый абажур цепляется за оси
не сущностей — теней, гудит кабриолет,
и спяну я шепчу на ухо доброй сватье:
«Бытописание — бытийное занятие...»
(132—133)

Но главное — эта живая жизнь содержит в себе бытийные ритмы, которые ждут, чтобы их темный строй был с трепетом узнан («Я понять тебя хочу, темный твой язык учу...» — Пушкин в изложении Жуковского). Так возникает сама бытийная возможность поэзии:

Бывает: пролетит бестрепетная птица —
не гриф, не Гамаюн, — задев крылом окно, —
и пятна колятся по шкуре далматинца,
и на столе само морщинится сукно,
и зависает дробь былых речевок, но
без слов, за зеркала уходят постиженья
химер, гарцующих по буклям у Левши,
все ближе холода вселенского сближенья,
звонят ко всенощной, и врут карандаши.
(61)

Отсюда выстраивается и общая жизнотворческая стратегия:

Фауна — это флора,	вывернуть наизнанку
жертва — изыска фора,	шапку, как мир-ушанку,
сытая стая — свора... —	прыгнуть на оттоманку
взгляд претекает в шанс	и созерцать нюанс!

(28)

Уже отмеченный «нюанс» (иногда в сочетании с «переливами») оказывается прихотливой динамической медиацией бытия, души и стиха:

Семантики резные коромысла
качаются меж призрачных болот;
на вечно темной переправе смысла
легко пропасть: уйти под хрупкий лед
нюансов, чья расцвеченная буква
приветит, как развесистая клюква.

Или:

Молвлено: «Ты царь: живи...»
Не верь, не бойся, не дешеви,
остри перо на случай
нюансировки души своей,
иначе метр не мучай —
просто духовно говей.
(66)

«Тема бытия перетекает из книги в книгу <...> не цепляясь за реалии общественного быта, не ведая знаменательности злобы дня. Бытие — “на медовой оси”, пересекающей пространство мира поэта, куда посторонний не вхож, а посему там исключено недопонимание, — душе комфортно на белом свете избранного мира» (НВМ). Осталось дообозначить «символ веры» — вневременной синклит посвященных, «вольный club», где «стихи стекают с небесной Этны», где

От «Гильгамеша» и до Рубцова
Барков гуляет, Сафо, Венцлова,
квартал сжигая озоном Слова.

Им всем не важно, какая школа,
какая лира, комуз, виола
исполнит *urbi et orbi* соло.

И тут же рядом, за поворотом,
пьют ром и виски Верлен с Вордсвортом,
гоняет Данте кровь по аортам.

Перебывая в одной отчизне,
струят флюиды от смерти к жизни,
хуле не внемля и укоризне.

(67—68)

Это источник высшей свободы:

Ни ветер, ни ангел, ни гений
тебе не указ, не судья,
ты поп и приход, попадья
и колокол в тьме озарений

собора, где хоры мгновений
слагают канон Бытия.
Пльви, своеволия ладья,
по ауре стихотворений.

(66—67)

И если вспомнить Путь КМ к поэзии, абсолютно естественной выглядит взаимоукрепляющая неразделимость словесности и веры — уникальный результат для современной эпохи (Бродский, «педализовав» словесность, относился к вере с гораздо большим скепсисом и трагизмом — во всяком случае, приписывал бесконечность поэзии, а не вере). У КМ, идущего и от неоромантических топосов, и от религии, и от «бродской» идеи Языка, выстраивается новый догмат:

Петруха, хлыщ, фетюха, свищ — язык!

Не заливной телячий — львиный зык,
не пленный враг — марихуанный бзик,
не племя, не грамматика музык,

не хрящик с типуном — интимный храп,
не в колоколе болт, не ЛЕФ, не РАПП —
оттуда на юдоль звенящий трап.

И кто услышит скорбный перезвон,
и кто увидит литерный амвон,
спешит от суеты и тлена вон.

«*Оттуда* на юдоль звенящий трап» — и лучшая формула поэтического мироотношения, и объяснение эволюции КМ, которую мы оставляем за пределами этого разговора, чтобы не заходить слишком далеко в интимные вопросы религиозного оправдания бытия. Ведь если «на векторе света лежит благодать, / которую нам не купить, не продать», если бытийствуешь «на пажитях родного слова» вместе с поэтами всех времен — остается быть верным своей «вертикали», как гласит формула самого КМ: «В юности очень важно понять, что на вертикали «земля — небо» у человека есть своя, предназначенная Богом, высота. Он достигает ее в том нечастом, но счастливом случае, когда личное “хочу” совпадает с “могу”». И, как добавляет НВМ,

• Серия «Гуманитарные науки»

«бытие распаивает свои горизонты, когда “вектор света” держит вертикаль “земля — небо”, ни на мгновение не допуская отчаяния (вдох мгновения = вдохновение)». Отметим лишь, что столь программная «трансцендентность» поэтической вселенной миру эмпирики, где живет и умирает автор, неизбежно порождает неразрешимую антитезу, и дальше у каждого вектор свой.

Жизнетворческий миф КМ во всех его основных координатах — безусловный анахронизм с литературоведческой точки зрения, но как тут не вспомнить и цветаевское «ибо мимо родилась времени», и грандиозную поэтическую «империю» Бродского, тем более что заплачено за все сполна. Цветаевский вектор — «миропорядок трагичен чисто фонетически»; вектор Бродского — «кладбище классиков», над которым в «астрономически объективный ад» падает одинокий ястреб. «Подлинное бытие» уже неотличимо от небытия, и только горячая вера позволяет «ни на мгновение не допускать отчаяния». Однако тогда — и это случай КМ — земная жизнь как бы теряет плотность, становится все прозрачней; призрачный свет иномира проникает ее насквозь, и поэту остается идти в одном направлении, «преодолевая отчаяние» упованием... На что?

Я еще возвращусь самураем Басё
в окруженье поэзии великолепном...

(40)

Я потерялся, но я отыщусь —
мартовским снегом по льду проташусь.

Нежинским соком сиротских рябин
перетеку в предзакатный кармин.

Облаком темным, как Ветхий Завет,
переключу электрический свет.

Сбросив тревог ягуарьи меха,
мы отдохнем на просторах стиха.

Слышишь: совсем уже недалеке
Ангел и Товий плывут по реке.

(152)

Соединение поэтического и религиозного бессмертия основано на безоговорочной вере в Слово, как если бы на человеческом слове лежал отсвет Божьего. Еще одна тотальная реализация «вечной альтернативы», возможность которой всегда содержится в искусстве и на которую отваживаются немногие.

На наш скептический взгляд, наиболее интересен КМ посередине пути, когда даже канонический жанр «памятника» оборачивается вдохновенной игровой рефлексией, раскрывающей всю звенящую полноту поэтической экзистенции, отряхнувшей случайное и набравшей высоту, с которой можно увидеть тайну собственной жизни — увидеть как мгновенную озаренную вечность над той бездной, откуда не будет возврата. Это сумасшедшее ощущение воплощено, быть может, в лучшем стихотворении КМ — «Константин» (13—15). Его шестистопный ямб и отчасти пафос сходны со знаменитым «До слова» И. Жданова, однако ждановское «ты сцена и актер в пустующем театре» величественно проблематизирует экзистенциальный горизонт скорее самой поэзии; КМ выбирает более классический вариант, но устанавливает великолепный по простоте и изяществу мифопоэтический код.

Что стоят имена в распаханном пространстве?
Какой наносный вздор приписывают им,
как украшают их — и в литерном убранстве
ландскнехтами живут, обороняя Рим —
оплот души святой, и умирают молча,

фонемы вознося на беспристрастный суд,
 где званию царя равна и кличка волчья,
 где принят аноним как фирменный сосуд.
 А кто-то на земле, язвительный и тонкий,
 подумает с тоской: «Он имя оправдал...» —
 и возвратится звук, невидимый и звонкий,
 и суффиксом-крылом заденет о бокал.

Пафос «приземляется» почти бытовой тональностью («С фамилией не то: ни мистики, ни смысла...») и ироничностью, которая лишь подчеркивает серьезность темы. «Нервом» разговора о главном, призмой времени, разгадкой души и судьбы становится само античное имя поэта:

Я имя рассеку, как вивисектор плоть:
 конечно, Константин не Будда или Цезарь,
 но тоже хорошо, коль корень прополоть.

И виртуозная «прополка»:

Констант — и на латынь — *constantis* (постоянный).

Ну, в общем, да, хотя... смотря когда и где:
 я не меняю стиль на стол обедованный
 и не сдаю других в соломенной беде

<...>

Стан — гривуазный слог особого ранжира,
 не полевой отнюдь, не ткацкий, не врага —
 сокрыт в нем корпус дев, без складок и без жира,
 пленительная грудь и талии игра,
 сокрыт кандалный след кодированных генов,
 но дальше умолчу, дабы не впасть во грех

<...>

Таинственное *тин* имеет продолженье,
 которое сейчас пытаюсь угадать.
 Тинэйджер? Может быть: инфантилизм, круженье
 по свету мотыльком — то я ни взять ни дать —

приводит вовсе не к анахроничному «весь я не умру», а к тому единственно возможному, что дано современному человеку и поэту: усмешка скрывает вопрошание, прямой взгляд в глаза адресата. И надежду — которая чем немыслимее, тем неизбежней:

Да что там разбирать! Мои слога порочны,
 их тина засосет в болото бытия —
 и зафлиртует шрифт с коррозией, лубочный,
 и распадется связь, и весь исчезну я.
 Возможно, не один, возможно, с Тинной Тёрнер
 (тут явный перебор); над толщей глин и тин
 прочтет потомок-мяч, запущенный на корнер,
 мой ответ на воде неверный: *Константин*.

Библиографический список

1. Лакербай Д. Л. Поколение свободы: к вопросу об «ивановской региональной поэтической школе» конца XX века // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2008. № 1. С. 29—43.
2. Мозгалов К. Зазеркалье // Вольное слово. 1991. Апр. С. 7.

3. Мозгалов К. Избранное. М.: Фонд С. Дубова, 2006. 159 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в скобках с указанием страницы.

ББК. 83.01

П. В. Николаева

ЛИНГВИСТИКА ЛЖИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Проблема лжи в произведениях Гоголя, ее важность для понимания гоголевского отношения к миру и языку отмечались еще в современной писателю критике. Чем объясняется столь широкая распространенность лжи в произведениях писателя? В чем специфика гоголевской лжи? В статье предпринимается попытка углубить представление о феномене лжи в художественном мире Гоголя, уточнив ответы на эти и некоторые другие вопросы.

Ключевые слова: феномен лжи, речевые жанры, функции языка, художественный мир Н. В. Гоголя.

The problem of falsehood in Gogol's works, and namely its great significance for the most adequate understanding of the author's attitude to the world and to the language was mentioned first in Gogol's contemporary criticism. How could be explained so serious diffusion of lie in his masterpieces? What is special about Gogol's lying? In this article an attempt to intensify the conception of the lying phenomenon in Gogol's art world is undertaken.

Key words: lying phenomenon, genres of speech, function of language, Gogol's art world.

В своей последней работе о Гоголе Ю. М. Лотман писал: «Мышление Гоголя как бы трехмерно, оно все время включает модус: “а если бы произошло иначе”. <...> ...В многомерном пространстве гоголевского искусства каждая реальность — как бы “реальность”, потому что на ее месте могло бы быть бесчисленное множество столь же вероятных реальностей. Реальность для Гоголя — всегда одна из многих тысяч возможностей, случайно выхваченных жизнью из бесконечного пространства ее потенциалов» [7, с. 694]. На наш взгляд, это суждение актуально и для Гоголя, жизнь которого была полна различных мистификаций, и для его героев. Выдуманная реальность и настоящая равноценны для Гоголя не только в художественном и эстетическом, но и в сюжетном плане. То, что герои иногда нечаянно или намеренно путают реальность и вымысел, становится оригинальным источником сюжетных коллизий, свойственным творческому методу писателя.

Понятие реальности в его произведениях тесно переплетается с проблемой языка (точнее сказать, с проблемой истинного и ложного в языке), что, в общем-то, закономерно, поскольку объясняется особенностями мышления зрелого Гоголя: «В неравной борьбе с реальностью, начавшейся с постановки “Ревизора”, Гоголь столкнулся с необходимостью отыскания какого-то особого средства, равномошного реальности, подобного ей, способного тягаться с ней самой и оказывать прямое воздействие на нее, *преобразжать* ее. Слово и стало таким средством» [4, с. 352].

© Николаева П. В., 2012

2012. Вып. 1. Филология •

Отформатировано: интервал
Перед: 10 пт, После: 10 пт

Отформатировано: Шрифт: не
полуужирный

Отформатировано: интервал
Перед: 4 пт

Отформатировано: интервал
Перед: 6 пт

Проблема истинного и ложного в языке непосредственно связана с проблемой информации. Истинными или ложными являются не слова сами по себе, не предложения и не речевые жанры (термин М. М. Бахтина [1]), а информация об окружающем мире, передаваемая с помощью языковых средств от адресанта к адресату. Истина — это «такое свойство языка, которое дает нам возможность информировать друг друга» [2, с. 29]. Если вспомнить модель коммуникативного акта, предложенную Р. О. Якобсоном, то станет понятно, что данное свойство имеет непосредственное отношение к референту, то есть к «контексту» (context), о котором идет речь» [8, с. 198]. Референту соответствует знаковая функция языка, реализуемая в основном в информативных речевых жанрах. Таким образом, референт (информация об окружающем мире, являющаяся ядром информативного сообщения) может быть верным или неверным, в зависимости от того, соответствует он реальности или нет.

Ложь, вмешиваясь в коммуникацию по воле одного или обоих собеседников, рассчитана на «изменение референтного компонента знания собеседника об обсуждаемой действительности» [6, с. 15]. Тем самым она препятствует осуществлению референтивной (знаковой, когнитивной) функции. Именно об этом пишет Х. Вайнрих в известной работе «Лингвистика лжи»: «Язык должен делать мысли очевидными, а не скрывать их. Знаковая функция языка оказывается в опасности. Это самая простая функция языка, но именно поэтому и самая основная. Ложь — ее извращение» [3, с. 44].

«Намерение солгать» (выражение Августина Блаженного) не может быть беспричинным: оно, как правило, объясняется желанием говорящего воздействовать на адресата. Ложь обычно рассчитана на то, что адресат воспримет ложное сообщение как истинное и под влиянием этого сообщения совершит действия, по тем или иным причинам выгодные адресанту. Ложь всегда является манипуляцией, позволяющей «режиссировать» поведение другого человека, который попадает в зависимое положение и не может самостоятельно и осознанно принимать решения, вести себя адекватно, так как не вполне владеет ситуацией.

Таким образом, ложь, как правило, направлена на то, чтобы в ущерб референтивной (знаковой) функции языка была реализована регулятивная функция — функция воздействия на адресата. В рамках обычной жизненной логики практически бесспорным представляется соотношение «ложь как намеренное действие — определенный результат (эффект), на который рассчитывает отправитель ложного сообщения». Данное соотношение можно считать неким инвариантом, который хотя и вызывает отрицательную оценку с позиций морали, но поддается пониманию и объяснению. Тем не менее даже в повседневной жизни мы иногда встречаем случаи, нарушающие закономерность «намеренная ложь — достижение эффекта». Немало таких случаев и в произведениях Гоголя, виртуозно разрабатывавшего «типологию» лжи. Попытаемся выделить наиболее яркие гоголевские варианты отклонений от общей формулы.

1. Ложь не предусмотрена, результат не просчитан адресантом, но эффект именно тот, который нужен в настоящий момент (Чичиков, убеждая Коробочку продать ему мертвые души, «прилгнул, хоть и вскользь, и без всякого дальнейшего размышления, но неожиданно удачно» [5, т. 6, с. 54]¹;

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.

то же происходит и в гостях у Бетрищева, когда Павел Иванович на ходу сочиняет историю о генералах двенадцатого года).

2. Ложь предусмотрена, продумана (и, судя по всему, неоднократно успешно применена в подобных случаях), но оказывается ненужной, хотя в других обстоятельствах могла бы спасти ситуацию (узнав о приезде ревизора, городничий принимает спешные меры — первое действие комедии посвящено его попыткам «поправить действительность», сделать ее более привлекательной; возможно, эти экстренные меры ввели бы в заблуждение настоящего ревизора, но порядки в тюрьмах, богоугодных заведениях, училищах и т. п. вызывают у Хлестакова лишь праздный интерес).

3. Ложь, провоцируемая языком, не имеющая практической цели, спонтанная, вдохновенная, возникающая сама собой; адресант не рассчитывает ни на какой эффект, а врет просто так, от полноты души. Это ложь-поэзия с элементами художественного творчества и поэтического вымысла, и поэтому можно говорить о сочетании информативной (вернее было бы сказать псевдоинформативной) и эстетической функций языка (так, Ноздрев сочиняет вымышленную версию биографии Чичикова и внезапно ловит себя на том, что «солгал вовсе напрасно и мог таким образом накликасть на себя беду, но языка никак уже не мог придержать. Впрочем, и трудно было, потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказать...» (VI, 209).

4. Ложь спонтанная, хотя и намеренная (герой понимает, что он говорит неправду), направленная на достижение результата. Результат как будто бы не заставляет себя ждать, но вскоре оказывается бесполезным, потому что изменились обстоятельства (в комедии «Женитьба» Кочкарев лжет женихам, что невеста Агафья Тихоновна совсем не так хороша, и тем самым избавляет Подколесина от конкурентов; но в итоге ложь оказывается бесполезной, так как Подколесин все-таки не решается жениться).

5. Ложь, тщательно просчитанная и как будто бы согласованная героем с товарищами, но губящая его, потому что находится ложь еще более виртуозная и хитроумная («Игроки»).

Таковы самые яркие, характерные для Гоголя варианты обмана. Как видим, писатель не был склонен придерживаться единственно возможной для обычного сознания зависимости «намеренная ложь — достижение результата». Вместе с тем трудно не заметить, что непреднамеренное или умышленное искажение референта почти всегда приводит к тому, что знаковая функция языка замещается регулятивной. Адресат не получает верных сведений о действительности и начинает действовать иначе, зачастую вопреки здравому смыслу.

Драматический «Отрывок», написанный на основе одной из сцен «Владимира третьей степени» и опубликованный в 1842 году, нечасто обращает на себя внимание исследователей. Тем интереснее обратиться к анализу этого гоголевского текста в интересующем нас аспекте.

4. Ложь спонтанная, хотя и намеренная (герой понимает, что он говорит неправду), направленная на достижение результата. Результат как будто бы не заставляет себя ждать, но вскоре оказывается бесполезным, потому что изменились обстоятельства. (В комедии «Женитьба» Кочкарев лжет женихам, что невеста Агафья Тихоновна совсем не так хороша, и тем самым избавляет Подколесина от конкурентов; но в итоге ложь оказывается бесполезной, так как Подколесин все-таки не решается жениться.)

Формат: Список

Формат: Список

5. Ложь, тщательно просчитанная и как будто бы согласованная героем с товарищами, но губящая его, потому что находится ложь еще более виртуозная и хитроумная («Игроки»).

Таковы самые яркие, характерные для Гоголя варианты обмана. Как видим, писатель не был склонен придерживаться единственно возможной для обыденного сознания зависимости «намеренная ложь — достижение результата». Вместе с тем трудно не заметить, что непреднамеренное или умышленное искажение референта почти всегда приводит к тому, что знаковая функция языка замещается регулятивной. Адресат не получает верных сведений о действительности и начинает действовать иначе, зачастую вопреки здравому смыслу.

Драматический «Отрывок», написанный на основе одной из сцен «Владимира третьей степени» и опубликованный в 1842 году, нечасто обращает на себя внимание исследователей. Тем интереснее обратиться к анализу этого гоголевского текста в интересующем нас аспекте.

Наверное, стоит в двух словах обозначить фабулу «Отрывка». Марья Александровна, «пожилых лет дама», объявляет своему великовозрастному сыну Михаилу Андреевичу, что ему следует изменить образ жизни: перейти на военную службу и жениться на княжне Шлепохвостовой. Сын согласен переменить род занятий, но наотрез отказывается жениться, потому что влюблен в девушку редких добродетелей, но без состояния. Марья Александровна обращается за помощью к «мерзавцу, картежнику», отъявленному сплетнику и лгуну Собачкину. Просьба Марьи Александровны заключается в следующем: «Мой сын влюблен до дурачества и воображает, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли как-нибудь, знаете, представить ее не в том виде, как-нибудь эдак, что называется, немножко замарать? Если вы, положим, не произведете на нее действия и она не сойдет с ума от вас...» (V, 133).

Как видим, каким бы неблагоприятным ни был замысел почтенной дамы, он все же имеет своей основой «действие», или, вернее, последовательность действий: знакомство Собачкина с девицей Одосимовой, роман между ними и — как следствие — испорченная репутация девушки. Слухи, которые разубедят Михаила Андреевича в совершенстве возлюбленной, все же возникнут, по мысли его матери, не на пустом месте. В ответ Собачкин заверяет Марью Александровну в исключительном расположении к ней и в готовности выполнить любую ее просьбу, а заодно одалживает у нее денег. Однако его останавливают хлопоты и опасности, связанные с подобной затеей: «Но все эти влюбленные... вы не поверите, какие у них несообразности, неуместные ребячества разные: то пистолеты, то... чорт знает что такое... Конечно, я не то, чтобы этим как-нибудь... но знаете, неприлично в хорошем обществе» (Там же).

Проблема решается с помощью губительной для репутации девушки ложной информации, которую несет в себе любовное письмо: «Написать письмо от имени этой девушки, да и выронить как-нибудь нечаянно при нем [Михаиле Андреевиче] или позабыть на столе в его комнате» (V, 134). Опасность быть побитым его не смущает, но имеется препятствие другого рода: «Смерть не люблю писать, то есть, просто, хоть зарежь. Чорт его знает, так, кажется, на словах все бы славно изъяснил, а примешься за перо — просто как будто бы кто-нибудь оплеуху дал, конфузия, конфузия, не подымается рука, да и полно» (V, 134—135). В поисках выхода из непростой ситуации Собачкин перебирает адресованные ему женские письма. Он хочет подбросить одно из них Михаилу Андреевичу. За каждым письмом стоит определенная информация: образ адресанта (вычитываемый из стиля) и адресата (раскрываемый бла-

годаря тематическому содержанию письма), история отношений, степень близости между влюбленными, а также — что немаловажно — возможность дальнейшего развития отношений. Все эти сведения, безусловно, абсолютно верные, если иметь в виду Собачкина и дам, писавших ему письма. Но как только меняется хотя бы один из параметров модели речевого жанра (в данном случае — адресант), ситуация становится в корне ложной и должна повлечь за собой определенные последствия — как раз те, каких ожидает Марья Александровна. Таким образом, Собачкин подменяет «действие» видимостью действия, состоящей в обмане. Искажая один из параметров речевого жанра «письмо», он создает иную реальность и начинает управлять чужой судьбой с помощью слова. Посмотрим, как он подыскивает наиболее удачный вариант языковой реальности, необходимый для решения поставленной задачи.

Таких «вариантов» у него много, на что указывает авторская ремарка: *«Вынимает из кармана пучок писем»* (V, 135). Вот первое из них: «Я очинь слава богу здарова но за негогаю от боле. Али вы душенька совсем позабыли. Иван Данилович видел вас душиньку в тиатере и то пришли бы успокоили веселостями разговора» (Там же). Стиль и орфография письма восстанавливают образ сентиментальной полуграмотной барышни низкого сословия, брошенной своим благодетелем и пытающейся вернуть его упреками, нежностью и нехитрыми уловками: «Я для вас душинька вышила подвязку» (Там же). Пластичность и характерность стиля позволяют даже представить ее манеры: неторопливые, жеманные, чуть-чуть заискивающие. У девушки есть свое, пусть и весьма своеобразное, представление о хорошем тоне, соответствующее ее среде и воспитанию: «...пришли бы успокоили веселостями разговора», — пишет она (вместо более нейтрального «веселым разговором»). Понятно, что такой речевой портрет никак не соотносится с дочерью чиновника, «столоначальника или начальника отделения».

Еще меньше похожа на возлюбленную Михаила Андреевича девушка, написавшая второе письмо: «“Лю-без-ный друг!” Нет, это, однако ж, не любезный друг; что же, однако ж? “Нежнейший, дражайший”? Нет, и не дражайший, нет, нет. *(Читает)*: “Ме, ме, е... рзавец”. Хм! *(Сжимает губы)*. “Если ты, коварный оболъстителъ моей невинности, не отдашь задолженные мною на мелочную лавочку деньги, которые я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа *(последнее слово читает почти сквозь зубы)*... то я тебя в полицию”» (Там же). Трудно выразиться яснее, и, вполне вероятно, у автора письма есть основания для подобной стилистической экспрессии. Сквозь претензию на некоторую светскость и чувствительность, заимствованную, скорее всего, из дешевых романов («коварный оболъстителъ моей невинности», «по неопытности сердечной»), прорывается страстное желание высказать всё наболевшее и решительный, несдержанный, грубый характер. Заметим, что девушка раздражена не тем, что Собачкин соблазнил ее и бросил, а тем, что занял у нее денег и не собирается отдавать. Одним словом, такая история любви и такая «героиня романа» тоже не подходят для реализации замысла Собачкина, да и угроза обратиться в полицию компрометирует его больше, чем нужно. В поисках «чего-нибудь сильного, где виден кипяток, кипяток» (Там же), он останавливается на письме, начинающемся со слов: «Жестокий тиран души моей! <...> Тронься сердечной моей участью!» (Там же). Среди достоинств письма Собачкин отмечает то, что оно написано «пре-благородно» и «чувствительно», и в то же время не содержит оскорблений; хорошо и то, что отсутствует подпись — не придется ее выскабливать.

На этом драматическое действие обрывается. Мы располагаем лишь завязкой сюжета. Неизвестно, чем Гоголь хотел закончить пьесу, но для нас это не так уж важно. Интрига в «Отрывке», создаваемая на протяжении одного сценического монолога, держится за счет того, что Собачкин, выбирая письмо, на наших глазах как бы выбирает вторую реальность — языкового плана. Что означает любовное письмо, которое он хочет подбросить Мише? Только то, что за небольшим фрагментом текста стоят безусловно верные факты, а письмо — лишь их знак. В этом мире, параллельном реальному и существующем лишь в воображении, добродетельная девушка вовсе не добродетельна, а как раз напротив — любовница всем известного мерзавца Собачкина; и пишет ему письма пусть и «преблагородные», но зато свидетельствующие о непозволительно близких отношениях между ними. Хуже всего то, что выдуманная Собачкиным действительность имеет все шансы оказаться столь же достоверной, как и настоящая, и разрушить любовь героев.

Представим себе, что похожий сюжет возник в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Допустим, кому-то нужно было бы поссорить дивчину и парубка, влюбленных друг в друга. Что (или кто) было бы движущей силой действия? Вероятно, целый сонм ведьм, чертей и других inferнальных существ. А в «Отрывке» вместо всей этой забавной нечисти мы видим лишь несколько письменных текстов, соответствующие им затекстовые реальности и человека по фамилии Собачкин, получившего благодаря своей беспринципности и лживости возможность распоряжаться чужой судьбой по своему усмотрению. Данной расстановки сил вполне достаточно, чтобы испортить жизнь влюбленной паре. Причина такого положения дел — то же самое «бесовское обморачиванье», которое в ранних повестях Гоголя способствовало восстановлению добра и справедливости (если не в замысле, то в своем конечном итоге), а здесь служит удовлетворению тщеславия глупой маменьки, желающей выгодно женить сына.

Какие-то моральные оценки здесь вряд ли уместны. Да, конечно, поведение Марьи Александровны не выдерживает никакой критики. Да, спору нет, Собачкин — подлый, низкий человек, но кто ж заставляет Михаила Андреевича верить ему?

Дело здесь не только в законах комедийной условности, игнорирующих логику обычной жизни. Интрига Собачкина имеет все шансы оказаться успешной еще и потому, что вымышленная реальность, создаваемая письмами, не так уж сильно отличается от настоящей, «истинной» действительности. Изменчивость, обманчивость, «бесовское обморачиванье» вообще свойственны миру Гоголя, в котором даже без вмешательства нечистой силы возможно всё. Если однажды утром заботливая мамаша убеждает взрослого сына переменить службу (кстати говоря, только потому, что некая Вотрушкова пренебрежительно отзывалась о молодых людях, носящих штатскую одежду), а тот после недолгих колебаний соглашается (как тут не вспомнить тетюшку Василису Кашпоровну: «...ще зовсим молода дытына, ничего не знает!» (I, 306), то почему бы девушке, «ангелу и лицом и душою» (V, 123), не оказаться совсем не такой, какой она видится влюбленному мужчине?

Не мешает вспомнить и то, что в произведениях Гоголя женская сущность не единожды подвергается трансформации, разоблачению, изумляя тем самым и героя, и читателя. Так, в «Вие» двойственность героини означена переменой ее физического облика: отталкивающая старуха-ведьма оборачивается красавицей-панночкой, а потом красота и уродство соединяются в

образе молодой красавицы, лежащей в гробу: «Такая страшная, сверкающая красота!» (II, 206). В «Невском проспекте» «чудная, совершенно Перуджинова Бианка» (III, 15) предстает «странным, двусмысленным существом» (III, 21), в котором внешняя красота и внутреннее безобразие соединены каким-то непостижимым способом. В «Отрывке» девица Одосимова не появляется на сцене. Мы можем судить о ней лишь по двум словесным образам — настоящему (лучше сказать, как будто бы настоящему), созданному Михаилом Андреевичем в беседе с матерью, и ложному, возникающему в рамках реальности, основой которой служит письмо. Итак, здесь дается своеобразный инвариант ситуации, когда в женщине соединяются взаимоисключающие качества. Если в первом случае («Вий») в противоречии находились внешние черты, а о внутреннем мире можно было только догадываться, то во втором («Невский проспект») внешнее состояло в отчетливом противоречии с внутренним. В «Отрывке» же расходятся два представления о нравственном облике женщины, причем оба они могут оказаться одинаково ложными или истинными — читатель не может составить свое мнение на этот счет. Он не видит на сцене героиню и остается в неведении относительно ее истинной сущности. Конечно, необходимо сделать скидку на незавершенность произведения. Но ведь Гоголь включил «Отрывок» в свое собрание сочинений 1842 года, придавая ему тем самым относительно самостоятельный статус и предоставляя читателям право судить о его художественных смыслах.

«Отрывок» интересен еще и тем, что ложь как будто бы возникает здесь за счет искажения референта: вероятно, Михаила Андреевича каким-то образом знакомят с содержанием письма, написанного якобы девицей Одосимовой, и он должен будет сделать соответствующие выводы (без сомнения, не без помощи Марии Александровны). Выдуманная Собачкиным реальность вступит в свои права. Но есть один нюанс. Искажение референта возникает за счет замены адресанта, и в этом специфика гоголевского текста. Ложным является не референт, а адресант, то есть ложь вроде бы минимальная. Но за счет минимальных изменений картина становится полностью ложной, и это должно повлечь за собой определенные последствия — скорее всего, разрыв отношений между влюбленными. Так ложь в информативном жанре приводит к реализации регулятивной функции языка.

Возвращаясь к изначальной мысли Лотмана о трехмерности гоголевского пространства, отметим, что вымышленная, мнимая реальность, создаваемая за счет лживого использования средств языка, в некоторой степени наделяется свойствами «волшебного» пространства. Это далеко не случайно. Ложь, лживое слово, по Гоголю, идет от черта. Но проведенный анализ убеждает, что ложь чрезвычайно плодотворна в сюжетном плане.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 159—286.
2. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс, 1987. С. 126—170.
3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Там же. С. 44—88.
4. Виралайнен М. Н. Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. СПб. : Амфора, 2003. 503 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937—1952.

6. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопр. психологии. 1993. № 2. С. 9—16.
7. Лотман Ю. М. О «реализме» Гоголя // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 2006. С. 694—711.
8. Якобсон Р. О. Поэтика и лингвистика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.

ББК 83.3 — 1(7)

М. Н. Павлова

НАУЧНО-ПРОМЫСЛОВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ РОМАНТИКОВ

Статья посвящена произведениям писателей-романтиков о научно-промысловых экспедициях в Америке в XIX в. Подробный контекстуальный анализ произведений позволяет продемонстрировать, что содержащиеся в них документальные фрагменты, будучи сходными стилистически, несут различную идейно-смысловую нагрузку в зависимости от модуса повествования и эстетической задачи писателя, которая, в свою очередь, коренится в его отношении к современной науке.

Ключевые слова: американский романтизм, взаимодействие науки и литературы, Э. По, «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», «Дневник Джулиуса Родмена», В. Ирвинг, «Астория», документальные фрагменты в художественном произведении.

The article explores the works of American romanticists about scientific and commercial expeditions in nineteenth-century America. A detailed contextual analysis demonstrates that the documentary insertions contained therein, while being stylistically of the same type, carry different meanings depending on the narrative mode and the aesthetic objective of the author which, in its turn, stems from his attitude to contemporary science.

Key words: American romanticism, interaction of science and literature, E. Poe, «Narrative of Arthur Gordon Pym», «The Journal of Julius Rodman», W. Irving, «Astoria», documentary insertions in a work of fiction.

По словам американского историка науки Джорджа Дэниелса, в 1960-х годах в Америке начинающим историкам, желавшим посвятить свое исследование американской науке XIX в., советовали обратиться к истории науки во Франции, Германии или Англии «за отсутствием соответствующего объекта исследования в американской истории»¹ [10, p. vii]. Все историки американской науки XIX в. отмечают значительное отставание США от Англии и континентальной Европы [12, p. viii]. Как отмечает Дэниелс, само словосочетание «американская наука» (*American science*) не употреблялось и заменялось парафразом «наука в Америке девятнадцатого века» (*science in America in the nineteenth century*) [10, p. vii]. Дж. Дэниелс, считающийся одним из наиболее авторитетных историков науки в США XIX в., по сути, положил

© Павлова М. Н., 2012

¹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, перевод с английского языка автора статьи.

начало исследованию этого предмета серией монографий, вышедших в конце 1960-х — начале 1970-х гг. [9, 10, 11].

С деятельностью Дж. Дэниелса можно связать формирование новой методологии в изучении американской науки, согласно которой наука рассматривается как национальное явление, взятое в социальном и культурном контексте эпохи. В рамках этого подхода американская наука XIX в. становится объектом, заслуживающим внимания историков, несмотря на отсутствие в ней значительных достижений по сравнению с европейской.

Прежде чем перейти к анализу описаний научно-промышленных экспедиций американскими романтиками, необходимо определить, с какого периода можно говорить об американской науке как о культурном явлении, которое могло быть запечатлено в художественной литературе.

Среди первых поселенцев Америки, «отцов-основателей» колоний Новой Англии (1620-е годы), помимо плотников, ткачей, купцов и мастеров других специальностей присутствовали и «ученые мужи» (*learned men; scholars; men of science*) [22, p. 4], привезшие с собой книги из Англии. На этом этапе еще рано говорить о науке в современном ее понимании. Однако некоторые общие тенденции развития науки, характерные для США по сей день, были заложены уже в XVII в. Так, первые «ученые мужи» в Новой Англии происходили из городов на побережье Атлантического океана, где купцы уже тогда проявляли интерес к математике, медицине, астрономии и метеорологии из коммерческих соображений [22, p. viii]. Это культурно обусловленное тяготение к прикладным наукам при слабости фундаментальных, теоретических исследований надолго закрепилось в США.

Выходцы из Англии и их потомки, составлявшие большую часть населения Новой Англии, в XVII и XVIII вв. по возможности сохраняли связи с Англией, в том числе в сфере науки [22, p. 4].

После Войны за независимость (1775—1783), в конце XVIII — начале XIX вв., ситуация в американской науке коренным образом изменилась. Немногочисленное научное сообщество Америки оказалось резко изолированным, оторванным от Европы, от новых веяний в науке. С экономической точки зрения Америка лишилась важного источника финансирования исследований в лице Лондонского королевского общества, а также возможности получать новые книги и оборудование из Англии, посылать студентов туда учиться и приглашать английских профессоров в качестве преподавателей.

Оказавшись в столь сложных условиях, американцы начали активно создавать собственную национальную науку на той материальной и методологической базе, которую они могли себе позволить. Основным предметом изучения должна была стать природа США — флора, фауна, ландшафты и т. п., что обусловило распределение методологических акцентов научно-исследовательской деятельности в Америке.

В 1780 г. была основана Американская академия наук [22, p. vii]. С этого периода (конец XVIII — начало XIX вв.) можно говорить о зарождении национальной науки США как самостоятельного культурного явления. Следует заметить, что это происходило параллельно с первыми попытками создания собственной национальной литературы США, воплотившимися в американском романтизме.

В начале XIX в. в США активно происходит превращение науки в значимую сферу общественной жизни ~~государства~~. Формирование науки как

института включало выделение ученых как социальной группы, образование научных сообществ, создание первых специальных журналов.

При ~~создании~~ формировании национальной науки Америка обильно использовала опыт Европы, но приспособливала его к собственным условиям. Определяющую роль в развитии и институционализации науки в Америке сыграла личность президента Томаса Джефферсона (президент США в 1801—1809 гг.). Не будучи профессиональным ученым, он так или иначе проявил себя практически во всех существовавших на то время областях науки [12, р. ix]. Джефферсон был приверженцем эмпиризма Френсиса Бэкона. Он заказал портреты Бэкона, Ньютона и Локка для своего кабинета в Государственном департаменте. Этот факт символичен, поскольку эмпиризму и индуктивной методологии Бэкона суждено было безраздельно господствовать в американской науке в течение по крайней мере полувека. Иными словами, эмпиризм и индукция стали научной парадигмой — общепринятой методологической установкой в Америке XIX в. Впоследствии восхваление метода Бэкона приобрело условный, ритуальный характер, его философия породила своеобразный культ. Считалось модным и даже полагалось начинать любую статью или трактат с «оды» Бэкону [9, р. 63].

Безусловно, важную роль в этом сыграла не только личность Джефферсона. Историческая ситуация в Америке XIX в. представляла благодатную почву для эмпиризма. Во-первых, метод Бэкона, сводящийся к сбору и описанию фактов естественной истории, не требовал какой-либо специальной подготовки. Заниматься этой научной деятельностью ~~в принципе~~ мог любой желающий, что отвечало принципам американской демократии. Во-вторых, подход Бэкона, с его акцентом на прикладной, утилитарной значимости науки, соответствовал духу американского протестантизма, коренящегося еще в пуританских воззрениях «отцов-основателей» колоний. Как отмечает П. П. Гайденко, «знание, не приносящее практических плодов, вполне в духе протестантизма, Бэкон считает ненужной роскошью» [1, с. 439].

Наиболее характерной чертой науки была строго таксономическая направленность исследований, то есть наука сводилась к известной формуле французского биолога Жоржа Кювье *nommer, classer, décrire* («называть, классифицировать, описывать») [9, р. 66]. В связи с этим одним из основных способов ведения научного исследования стали экспедиции. В США они были, как правило, научно-промышленными, а не чисто научными. Как отмечает Дж. Дэниелс, «прагматизм, который был характерен для американских ученых, объясняется тем фактом, что федеральное правительство и власти штатов отказывались финансировать научные исследования, не сулившие непосредственной коммерческой выгоды. Примером такой утилитарной ориентированности служат ранние научно-исследовательские экспедиции и геологические разведки, которые рассматривались с точки зрения экономической пользы, которую они приносят общественности; вклад в фундаментальную науку явно расценивался как второстепенная цель» [9, р. 21].

Процессы, происходившие в американской науке XIX в., нашли отражение в литературе, в произведениях романтиков. Ряд писателей ~~включают~~ включает в свои произведения описания промысловых и научных экспедиций («Астория» (1836) В. Ирвинга, «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» (1837—1838) и «Дневник Джулиуса Родмена» (1839—1840) Э. По, «Моби Дик» (1851) Г. Мелвилла).

Важно отметить, что степень знакомства писателей-романтиков с современной наукой сильно различалась. Отсюда вытекает различная эстетиче-

ски-смысловая нагрузка на первый взгляд схожих по стилю фрагментов описания экспедиций в их произведениях.

Американским романтиком, в наибольшей степени заинтересованным наукой, по праву считается Эдгар Аллан По. Как свидетельствуют многие из его произведений и рецензий, По был детально знаком с современной ему европейской и американской наукой. Поскольку По в качестве журналиста прочитывал огромное количество научных публикаций — книг, статей, отчетов об экспедициях, — от его внимания не ускользнули и негативные тенденции в развитии американской науки, подмеченные в XX в. Дж. Дэниелсом.

Рецензия, написанная Эдгаром По на роман В. Ирвинга «Астория», показывает, что По был подробно знаком со многими научно-промышленными экспедициями в современной ему Америке [15]. Роман Ирвинга и публикация доклада американского исследователя Джереми Рейнолдса перед Конгрессом США стали импульсом для написания Эдгаром По собственного произведения о морской экспедиции. Им стала «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» (*Narrative of Arthur Gordon Pym*, 1837—1838). Роман «Астория» послужил для По источником фактографической информации о научно-промышленных экспедициях [21, р. 5], тогда как доклад Рейнолдса задал модус повествования и одну из идейно-смысловых линий произведения.

К 1837—1838 гг., когда была написана «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», Дж. Рейнолдс уже в течение десяти лет пытался организовать экспедицию к Южному полюсу [16, р. 68]. 3 апреля 1836 г. он произнес по этому поводу доклад перед Палатой представителей Конгресса США. Доклад был опубликован, и в 1837 г. Э. По написал рецензию на него. Свою речь перед Конгрессом Рейнолдс открывает, как и полагалось, обоснованием экономической значимости экспедиции. Однако вслед за этим Рейнолдс вопрошает: «Если бы мы даже не были заинтересованы коммерчески в этом предприятии, разве оно, тем не менее, не почетно? Разве не заслуживает покровительства Конгресса? Разве не является наилучшим применением наших морских сил? <...> Разве мы не продемонстрировали, что эта экспедиция — дело нашей национальной чести и достоинства? <...> Кто положит предел человеческому познанию?» [16, р. 70] По всему заметно, что Дж. Рейнолдс вдохновенно воспринимает свою миссию. Э. По чрезвычайно ценит его как личность, как ученого и как писателя. Не случайно По называет исследователя душой всего предприятия [16, р. 68]. Тем не менее в 1838—1842 гг., когда экспедиция состоялась, сам организатор, «вследствие постыдного крючкотворства» [14, р. 164], был отстранен от участия в ней — эту несправедливость Э. По отмечает в рецензии 1843 г. на отчет об экспедиции. Как показывают обе рецензии Э. По (1837 и 1843 гг.), писатель проявлял живой интерес к научно-исследовательской экспедиции, подготовленной Дж. Рейнолдсом. Однако ему были знакомы и нелицеприятные моменты ее подготовки; возможно, поэтому чисто познавательный и утилитарный мотивы экспедиций отображены в повести об Артуре Гордоне Пиме в своем сложном взаимодействии.

К 1837—1838 гг., когда была написана «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», Дж. Рейнолдс уже в течение десяти лет пытался организовать экспедицию к Южному полюсу [16, р. 68]. 3 апреля 1836 г. он произнес по этому поводу доклад перед Палатой представителей Конгресса США. Доклад был опубликован, и в 1837 г. Э. По написал рецензию на него. Свою речь перед Конгрессом Рейнолдс открывает, как и полагалось, обоснованием экономической значимости экспедиции. Однако вслед за этим Рейнолдс вопрошает: «Ес-

ли бы мы даже не были заинтересованы коммерчески в этом предприятии, разве оно, тем не менее, не почетно? Разве не заслуживает покровительства Конгресса? Разве не является наилучшим применением наших морских сил? <...> Разве мы не продемонстрировали, что эта экспедиция — дело нашей национальной чести и достоинства? <...> Кто положит предел человеческому познанию?» [16, р. 70] По всему заметно, что Дж. Рейнольдс вдохновенно воспринимает свою миссию. Э. По чрезвычайно ценил его как личность, как ученого и как писателя. Неслучайно По называет исследователя душой всего предприятия [16, р. 68]. Тем не менее, когда экспедиция состоялась, в 1838—1842 гг., сам организатор, «ведетствие постыдного крючкотворства» [14, р. 164], был отстранен от участия в ней — эту несправедливость Э. По отмечает в рецензии 1843 г. на отчет об экспедиции. Как показывают обе рецензии Э. По (1837 и 1843 г.), писатель проявлял живой интерес к научно-исследовательской экспедиции, подготовленной Дж. Рейнольдсом. Однако ему были знакомы и неблагоприятные моменты ее подготовки; возможно, поэтому четко познавательный и утилитарный мотивы экспедиций отражены в повести об Артуре Гордоне Пиме в своем сложном взаимодействии.

Можно отметить, что большая часть повествования в «Пиме» представляет собой нагромождение формульных сюжетных ходов и характерных стилистических оборотов для их оформления, которые были, очевидно, почерпнуты Эдгаром По из большого количества появившихся в Америке в 1830-е годы «посредственных, дешевых, бездарно-эпигонских сочинений, стоящих практически за пределами искусства» [2, с. 96], авторы которых зачастую не имели опыта мореплавания. Это сигнализирует о том, что в эстетическую задачу По в данном случае не входило как можно более правдоподобное описание экспедиции, как, например, в романе Ирвинга «Астория», о котором По отзывался весьма положительно в своей рецензии [15].

Неискушенный читатель может воспринять «Пима» как увлекательное повествование о невероятных приключениях на море. Однако это лишь один из пластов повести. За ним кроется идейная заостренность произведения, которую ему придают именно документальные фрагменты описания фауны. Объединяет их то, что они встречаются в самых неподходящих, психологически необоснованных моментах повествования, что указывает на наличие в них пародийно-сатирического подтекста.

Приведем лишь два показательных примера². В двенадцатой главе повести трое уцелевших после кораблекрушения героев (Пим, Август и Петерс) в целях самосохранения вынуждены съесть четвертого (Паркера), бросив жребий. После этой ужасающей сцены, которая якобы навсегда останется в их памяти, им удается выловить из кладовой ушедшего под воду судна, наряду с кое-каким продовольствием, галапагосскую черепаху. Здесь рассказчик приводит обстоятельное, научное описание этого вида черепах, занимающее около страницы и выстроенное по схеме энциклопедической статьи: упоминается место обитания черепахи, этимология ее названия, размеры, внешний вид и некоторые повадки, включая подробности о том, что этот вид черепах питается «по преимуществу дикой петрушкой и сельдереем, а также портулаком, мор-

² Подробнее об этом см.: Павлова М. Н. Пародирование научно-исследовательских экспедиций в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Э. По // Художественное слово в пространстве культуры. Национальная специфика, жанровая типология, интертекстуальность : межвуз. сб. науч. ст. Иваново, 2010. С. 16—27.

скими водорослями и опунцией; особенно на пользу им идет последнее растение, которое обычно в обилии произрастает на склонах прибрежных холмов» (пер. Г. Злобина) [5, с. 275] (*Their food is chiefly wild parsley and celery, with purslain, sea-kelp, and prickly pears, upon which latter vegetable they thrive wonderfully, a great quantity of it being usually found on the hillsides near the shore wherever the animal itself is discovered* [20, p. 107] (здесь и далее выделено мной. — М. П.)) [20, p. 107]). При описании рациона черепах По использует независимый причастный оборот (он подчеркнут в цитате) — сложную синтаксическую конструкцию, характерную для англоязычного научного текста. Лишь по окончании этой пародийной энциклопедической справки герои, «дружно упав на колени... возблагодарили господ за своевременную помощь» [5, с. 275]. Столь детальное научное описание черепахи представляется тем более неуместным, если учесть, что к тому времени герои «от длительных лишений, выпавших на [их] долю, и постоянного страха почти помешались, и [их] вряд ли можно было считать разумными существами» [5, с. 261].

В восемнадцатой главе Пим с остальными членами экипажа попадает на необыкновенный остров Тсалал, где обитают чернокожие туземцы. Особенность острова в том, что здесь всё черного цвета: даже зубы туземцев и вода в источниках. Однако поразительный остров и его обитатели вызвали у путешественников не столько удивление, сколько «желание тщательно исследовать остров с целью извлечь выгоду из своих открытий» [5, с. 307]. Отметим, что это стремление оказалось сильнее желания некоторых членов экипажа продолжать путь к Южному полюсу ради совершения великого открытия.

Приведем лишь два показательных примера². В двенадцатой главе повести трое уцелевших после кораблекрушения героев (Пим, Август и Петер) в целях самосохранения вынуждены съесть четвертого (Паркера), бросив жребий. После этой ужасающей сцены, которая якобы навсегда останется в их памяти, им удается выловить из кладовой ушедшего под воду судна, наряду с кое-каким продовольствием, галапагосскую черепаху. Здесь рассказчик приводит обстоятельное, научное описание этого вида черепах, занимающее около страницы и выстроенное по схеме энциклопедической статьи: упоминается место обитания черепахи, этимология ее названия, размеры, внешний вид и некоторые повадки, включая подробности о том, что этот вид черепах питается «по преимуществу дикой петрушкой и сельдереем, а также портулаком, морскими водорослями и опунцией; особенно на пользу им идет последнее растение, которое обычно в обилии произрастает на склонах прибрежных холмов» [5, с. 275] (пер. Г. Злобина). (*Their food is chiefly wild parsley and celery, with purslain, sea-kelp, and prickly pears, upon which latter vegetable they thrive wonderfully, a great quantity of it being usually found on the hillsides near the shore wherever the animal itself is discovered* [20, p. 107] (здесь и далее выделено мной. — М. П.)) При описании рациона черепах По использует независимый причастный оборот (он подчеркнут в цитате) — сложную синтаксическую конструкцию, характерную для англоязычного научного текста. Лишь по окончании этой пародийной энциклопедической справки герои, «дружно упав на колени... возблагодарили господ за своевременную помощь» [5, с. 275]. Столь детальное научное описание черепахи представляется тем более неуместным;

² Подробнее об этом см.: Павлова М. Н. Пародирование научно-исследовательских экспедиций в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Э. По // Художественное слово в пространстве культуры. Национальная специфика, жанровая типология, интертекстуальность: межвуз. сб. науч. ст. Иваново, 2010. С. 16—27.

если учесть, что к тому времени герои «от длительных лишений, выпавших на [их] долю, и постоянного страха почти помешались, и [их] вряд ли можно было считать разумными существами» [5, с. 261].

В восемнадцатой главе Пим с остальными членами экипажа попадает на необыкновенный остров Теалал, где обитают чернокожие туземцы. Особенность острова в том, что здесь все черного цвета: даже зубы туземцев и вода в источниках. Однако поразительный остров и его обитатели вызвали у путешественников не столько удивление, сколько «желание тщательно исследовать остров с целью извлечь выгоду из своих открытий» [5, с. 307]. Отметим, что это стремление оказалось сильнее желания некоторых членов экипажа продолжать путь к Южному полюсу ради совершения великого открытия.

Стилистическим сигналом того, что на острове участниками экспедиции движут прагматические цели, является «каталог» — длинное перечисление обнаруженных на острове рыб. Он указывает на то, что путешественники преимущественно обращают внимание не на чудеса, которыми полон остров, а на обилие уже знакомых им промысловых животных. Сочетание рассказа о невиданных, фантастических явлениях природы с неизменно прагматическими целями экипажа корабля порождает сатирический эффект.

Само по себе стремление путешественников добыть какие-либо промысловые культуры или животных вполне естественно; в контексте документального дневника оно предстало бы нейтральным и не служило бы сигналом пародийности. Однако в произведении искусства знак «может одновременно проектироваться на несколько (или на множество) фонов, становясь в каждом случае носителем различной семантики» [3, с. 63]. В главе 19 за счет введения в повествование элементов фантастики — описания небывалых чудес природы на острове — изменяется фон, на который проецируется поведение героев. Лишь в этом контексте, при равнодушии путешественников к увиденным ими чудесам, их прагматизм предстает гиперболизированным и становится сатирической аллюзией на утилитаризм американских исследовательских экспедиций. Подчеркнем, однако, что к этому выводу позволяет прийти лишь детальный контекстуальный анализ произведения, с учетом биографии Э. По, состояния современной ему науки и истории создания «Пима».

Показательно, что Э. По создает своеобразное полемическое переосмысление «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» в незавершенном произведении «Дневник Джулиуса Родмена» (*The Journal of Julius Rodman, 1839—1840*), написанном в совершенно ином ключе, нежели «Пим». Э. По следующим образом характеризует Джулиуса Родмена — вымышленного автора дневника о переходе через Скалистые горы: *The peculiar character of the gentleman who was the leader and soul of the expedition, as well as its historian, has imbued what he has written with a vast deal of romantic fervor, very different from the luke-warm and statistical air which pervades most records of the kind* [17, p. 44] («Личные качества человека, бывшего главою и душою экспедиции и одновременно ее летописцем, придали написанному большую долю романтичности, весьма не похожей на статистическую скуку, отличающую большинство подобных описаний» (пер. З. Е. Александровой) [6, с. 224]). Родмен поэтически воспринимает природу; он готов подвергнуть себя риску и пренебречь материальной выгодой ради совершения открытия и созерцания удивительных пейзажей. С этой точки зрения Джулиус Родмен является романтическим персонажем. О преобладании в его личности романтического начала говорит сам стиль дневников Родмена: *The style, indeed, could scarcely be improved — it is simple*

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

and very effective; giving evidence of the deep delight with which the traveller revelled in the majestic novelties through which he passed, day after day. There is a species of affectionateness which pervades his account, even of the severest hardships and dangers, which lets us at once into the man's whole idiosyncrasy. He was possessed with a burning love of Nature; and worshipped her, perhaps, more in her dreary and savage aspects, than in her manifestations of placidity and joy. He stalked through that immense and often terrible wilderness with an evident rapture at his heart which we envy him as we read. He was, indeed, the man to journey amid all that solemn desolation which he, plainly, so loved to depict. His was the proper spirit to perceive; his the true ability to feel [17, p. 45] («Слог ее [рукописи] едва ли нуждался в исправлениях; он прост и весьма выразителен и свидетельствует о глубоком восхищении путешественника величавыми зрелищами, которые день за днем представляли его глазам. Его повесть, даже там, где говорится о жестоких лишениях и опасностях, написана с увлечением, раскрывающим нам все особенности его характера. Он пылко любил Природу и поклонялся мрачным суровым ее зрелищам, пожалуй, даже больше, чем когда она представляла светлой и безмятежной. Огромную и зачастую страшную чащу лесов он прошел с восторгом в сердце, вызывающим у нас зависть. Именно такому человеку подобало путешествовать среди угрюмого безмолвия, которое он описывает с такой явной охотой. Он обладал подлинной способностью воспринимать и чувствовать» [6, с. 226]).

Показательно, что Э. По создает своеобразное полемическое переосмысление «Новести о приключениях Артура Гордона Пима» в незавершенном произведении «Дневник Джулиуса Родмена» (*The Journal of Julius Rodman*, 1839—1840), написанном в совершенно ином ключе, нежели «Пим». Э. По следующим образом характеризует Джулиуса Родмена — вымышленного автора дневника о переходе через Скалистые горы: *The peculiar character of the gentleman who was the leader and soul of the expedition, as well as its historian, has imbued what he has written with a vast deal of romantic fervor, very different from the luke warm and statistical air which pervades most records of the kind [17, p. 44].* («Личные качества человека, бывшего главою и душою экспедиции и одновременно ее летописцем, придали написанному большую долю романтичности, весьма не похожей на статистическую скуку, отличающую большинство подобных описаний» (пер. З. Е. Александровой) [6, с. 224].) Родмен поэтически воспринимает природу; он готов подвергнуть себя риску и пренебречь материальной выгодой ради совершения открытия и созерцания удивительных пейзажей. С этой точки зрения Джулиус Родмен является романтическим персонажем. О преобладании в его личности романтического начала говорит сам стиль дневников Родмена: *The style, indeed, could scarcely be improved — it is simple and very effective; giving evidence of the deep delight with which the traveller revelled in the majestic novelties through which he passed, day after day. There is a species of affectionateness which pervades his account, even of the severest hardships and dangers, which lets us at once into the man's whole idiosyncrasy. He was possessed with a burning love of Nature; and worshipped her, perhaps, more in her dreary and savage aspects, than in her manifestations of placidity and joy. He stalked through that immense and often terrible wilderness with an evident rapture at his heart which we envy him as we read. He was, indeed, the man to journey amid all that solemn desolation which he, plainly, so loved to depict. His was the proper spirit to perceive; his the true ability to feel [17, p. 45].* («Слог ее [рукописи] едва ли нуждался в исправлениях; он прост и весьма выразителен и свидетельствует о

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

глубоком восхищении путешественника величавыми зрелищами, которые день за днем представляли его глазам. Его повесть, даже там, где говорится о жестоких лишениях и опасностях, написана с увлечением, раскрывающим нам все особенности его характера. Он пылко любил Природу и поклонялся мрачным суровым ее зрелищам, пожалуй, даже больше, чем когда она представляла светлой и безмятежной. Огромную и зачастую страшную чащу лесов он прошел с восторгом в сердце, вызывающим у нас зависть. Именно такому человеку подобало путешествовать среди угрюмого безмолвия, которое он описывает с такой явной охотой. Он обладал подлинной способностью воспринимать и чувствовать» [6, с. 226].)

Несмотря на то что первоначальной целью экспедиции Родмена была добыча ценных шкур, на смену ей приходят более высокие мотивы, лишь только путешественники начинают движение вверх по Миссисипи. Родмен следующим образом описывает охвативший его «благоговейный восторг» от созерцания природы: *As I looked up the stream... and reflected on the immensity of territory through which those waters had probably passed, a territory as yet altogether unknown to white people, and perhaps abounding in the magnificent works of God, I felt an excitement of soul such as I had never before experienced, and secretly resolved that it should be no slight obstacle which should prevent my pushing up this noble river farther than any previous adventurer had done. At that moment I seemed possessed of an energy more than human; and my animal spirits rose to so high a degree that I could with difficulty content myself in the narrow limits of the boat* [18, p. 83] («Глядя вверх по реке... и размышляя об обширных пространствах, по которым протекли эти воды, — пространствах, еще не известных белому человеку и, быть может, изобилующих редчайшими творениями бога, — я почувствовал никогда прежде не испытанное волнение и тайне решил, что только неодолимые препятствия помешают мне плыть по этой величавой реке дальше всех моих предшественников. В эти минуты я ощущал в себе сверхчеловеческие силы и испытывал такой душевный подъем, что лодка показалась мне тесной» [6, с. 237]). Именно этот романтический по своей сути душевный подъем, вызванный созерцанием природы, способствовал научно значимому, впервые осуществленному Родменом (согласно замыслу повести) переходу через Скалистые горы, который, однако, так и не был описан Эдгаром По — лишь заявлен в предисловии. Заметим, что на сюжетном уровне в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» познавательные цели участников экспедиции неоднократно подменялись чисто прагматическими, тогда как в «Дневнике Джулиуса Родмена» имеет место обратный процесс.

Несмотря на то что первоначальной целью экспедиции Родмена была добыча ценных шкур, на смену ей приходят более высокие мотивы, лишь только путешественники начинают движение вверх по Миссисипи. Родмен следующим образом описывает охвативший его «благоговейный восторг» от созерцания природы: *As I looked up the stream... and reflected on the immensity of territory through which those waters had probably passed, a territory as yet altogether unknown to white people, and perhaps abounding in the magnificent works of God, I felt an excitement of soul such as I had never before experienced, and secretly resolved that it should be no slight obstacle which should prevent my pushing up this noble river farther than any previous adventurer had done. At that moment I seemed possessed of an energy more than human; and my animal spirits rose to so high a degree that I could with difficulty content myself in the narrow limits of the boat* [18, p. 83]. («Глядя вверх по реке... и размышляя об обширных пространствах, по

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

Отформатировано: английский (США)

которым протекали эти воды, пространствах, еще не известных белому человеку и, быть может, избыточных редчайшими творениями бога, я почувствовал никогда прежде не испытанное волнение и тайно решил, что только неодолимые препятствия помешают мне плыть по этой величавой реке дальше всех моих предшественников. В эти минуты я ощущал в себе сверхчеловеческие силы и испытывал такой душевный подъем, что лодка показалась мне тесной» [6, с. 237].) Именно этот романтический по своей сути душевный подъем, вызванный созерцанием природы, способствовал научно значимому, впервые осуществленному Родменом (согласно замыслу повести) переходу через Скалистые горы, который, однако, так и не был описан Эдгаром По — лишь заявлен в предисловии. Заметим, что на сюжетном уровне в «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» познавательные цели участников экспедиции неоднократно подменялись чисто прагматическими, тогда как в «Дневнике Джулиуса Родмена» имеет место обратный процесс.

Несмотря на всю свою восторженность, Родмен никогда не прибегает к преувеличениям. Романтическое начало в повести о Джулиусе Родмене заключается в безыскусных, полных неподдельного восхищения описаниях природы; в героизме, искренности и бескорыстии самого Родмена, которые можно назвать исключительными на фоне господствовавшей в Америке философии утилитаризма. По мнению Э. Ф. Осиповой, описание того, как бобры строят плотину, содержащееся в «Дневнике Джулиуса Родмена», принадлежит к немногочисленным лишенным иронии фрагментам прозы Э. По и находится в контрасте с гротескной вычурностью пейзажей в других рассказах писателя [4, с. 104]. Действительно, в отличие от «Пима», здесь нет пышных шаблонных гиперболических или резких стилистических перепадов.

Исследуя американскую природу, Родмен и члены его экспедиции руководствуются бескорыстными мотивами, поэтому их порыв к открытию нового можно назвать романтическим. В этом не оставляет сомнения следующее признание руководителя экспедиции: *[We] would leave behind without a sigh an entire cache of fine beaver skin rather than forego the pleasure of pushing up some romantic-looking river, or penetrating into some craggy and dangerous cavern* [19, p. 207] («Без сожаления [мы] готовы были покинуть целый тайник, полный отборных бобровых шкур, ради удовольствия проплыть по какой-нибудь романтической реке или проникнуть в опасную скалистую пещеру» [6, с. 257]).

Для современной Эдгару По Америки, проникнутой духом утилитаризма, был нехарактерен такой подход к экспедициям. Писатель создает своеобразный идеал исследователя, испытывающего «пламенную страсть к природе и к неизведанному» [6, с. 258] (*No sooner had I examined one region than I was possessed with an irresistible desire to push forward and explore another... for the full enjoyment of my burning love of Nature, and of the unknown*, [19, p. 207—208]), живущего «дерзкими надеждами и фантастическими планами» [6, с. 257] (*Thornton... was almost the only one, to whom I could... freely unburthen my heart, with all its wild hopes, and fantastic wishes*, [19, p. 207]), подобно-го ему сложно было бы найти в окружавшей Э. По действительности. Попытка создания антагониста «Пиму» является скрытой, косвенной формой критики культа «полезных знаний» и утилитаризма в науке.

Исследуя американскую природу, Родмен и члены его экспедиции руководствуются бескорыстными мотивами, поэтому их порыв к открытию нового можно назвать романтическим. В этом не оставляет сомнения следу-

Отформатировано

... [1]

Отформатировано

... [2]

ющее признание руководителя экспедиции: *[We] would leave behind without a sigh an entire cache of fine beaver skin rather than forego the pleasure of pushing up some romantic looking river, or penetrating into some craggy and dangerous cavern* [19, p. 207]. («Без сожаления [мы] готовы были покинуть целый тайник, полный отборных бобровых шкур, ради удовольствия проплыть по какой нибудь романтической реке или проникнуть в опасную скалистую пещеру» [6, с. 257].)

Для современной Эдгару По Америки, проникнутой духом утилитаризма, был нехарактерен такой подход к экспедициям. Писатель создает своеобразный идеал исследователя, испытывающего «пламенную страсть к природе и к неизведанному» [6, с. 258] (*No sooner had I examined one region than I was possessed with an irresistible desire to push forward and explore another... for the full enjoyment of my burning love of Nature, and of the unknown* [19, p. 207—208]), живущего «держкими надеждами и фантастическими планами» [6, с. 257] (*Thornton... was almost the only one to whom I could... freely unburthen then my heart, with all its wild hopes, and fantastic wishes* [19, p. 207]), подобно ему сложно было бы найти в окружавшей Э. По действительности. Попытка создания антагониста «Пиму» является скрытой, косвенной формой критики культа «полезных знаний» и утилитаризма в науке.

Другими примерами использования американскими романтиками научных описаний флоры и фауны в объемных прозаических произведениях являются «Астория» (*Astoria*, 1836) В. Ирвинга и «Моби Дик» (*Moby Dick*, 1851) Г. Мелвилла. Отметим, что в этих случаях они выполняют иные функции, нежели в произведениях Э. По.

В «Моби Дике» участники экспедиции занимаются китобойным промыслом, и среди них нет ученых в полном смысле слова. Тем не менее подробные сведения об анатомии китов и их классификация, даваемые рассказчиком, в сущности, отвечают требованиям к научному тексту в первой половине XIX в. Как известно, в данном случае Мелвилл передает собственный опыт устами рассказчика. На наш взгляд, анатомическое описание кита, являющегося центральным образом и символом в романе, не несет какой-либо пародийной функции, но, напротив, способствует созданию дополнительного измерения, дополняет масштабную картину особого материального и духовного пространства, создаваемого в произведении.

В «Астории» В. Ирвинга, которую исследователи называют одним из вероятных источников фактической информации для повестей Э. По «Артур Гордон Пим» и «Дневник Джулиуса Родмена» [21, p. 5], участники экспедиции занимаются добычей ценных шкур для компании Джона Джейкоба Астора. В городе Сент-Луис, находящемся на востоке центральной части штата Миссури, к экспедиции присоединяются два британских естествоиспытателя — Джон Бредбери и некий мистер Наттэл. Описанию занятий естествоиспытателей посвящено всего несколько небольших эпизодов объемного произведения, и эта малая доля присутствия научных элементов на сюжетном уровне в «Астории» символична. Она соответствует тому поистине скромному месту, которое собственно наука, лишенная элементов утилитаризма, занимала в общественной жизни США того времени, хотя демонстрация этого факта вряд ли входила в художественную задачу Ирвинга.

Автор называет мистера Наттэла «рьяным ботаником» (*a zealous botanist* [13, p. 135]), поскольку он использует любую возможность для сбора образцов растений в ходе экспедиции: *...all his enthusiasm was awakened at*

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

Отформатировано: русский

beholding a new world, as it were, opening upon him in the boundless prairies, clad in the vernal and variegated robe of unknown flowers. Whenever the boats landed at meal times, or for any temporary purpose, he would spring on shore, and set out on a hunt for new specimens. Every plant or flower of a rare or unknown species was eagerly seized as a prize. Delighted with the treasures spreading themselves out before him, he went groping and stumbling along among the wilderness of sweets, forgetful of everything but his immediate pursuit, and had often to be sought after when the boats were about to resume their course [13, p. 135] («...Весь его энтузиазм пробуждался, когда перед глазами разворачивался новый мир с его бескрайними прериями, усеянными пестрыми, свежими, неизвестными цветами. Всякий раз, когда члены экипажа ненадолго высаживались из кораблей, чтобы перекусить или с какой-либо другой целью, он выскакивал на берег и отправлялся на охоту за новыми образцами. Каждое растение или цветок редкого или неизвестного вида он восторженно срывал, словно долгожданную награду. Наслаждаясь лежащими у его ног сокровищами, он бродил наугад, спотыкаясь, по диким местностям, наполненным благоуханием, и часто, когда участники экспедиции намеревались возобновить путь, им приходилось разыскивать его»). Очевидно, что мистер Наттэл — биолог сугубо эмпирической направленности. Однако у Ирвинга это не вызывает критической оценки, в отличие от По. В его описании присутствует легкая ирония, но при этом автор подчеркивает искреннее восхищение Наттэла предметом своего изучения, его материальную незаинтересованность и энтузиазм, который делает его похожим на ребенка, увлеченного игрой. Остальные участники экспедиции посмеиваются над занятиями Наттэла и считают его безумцем, поскольку, на их взгляд, он занимается сбором «бесполезных сорняков» (*useless weeds* [13, p. 135]).

Автор называет мистера Наттэла «рьяным ботаником» (*a zealous botanist* [13, p. 135]), поскольку он использует любую возможность для сбора образцов растений в ходе экспедиции: *...all his enthusiasm was awakened at beholding a new world, as it were, opening upon him in the boundless prairies, clad in the vernal and variegated robe of unknown flowers. Whenever the boats landed at meal times, or for any temporary purpose, he would spring on shore, and set out on a hunt for new specimens. Every plant or flower of a rare or unknown species was eagerly seized as a prize. Delighted with the treasures spreading themselves out before him, he went groping and stumbling along among the wilderness of sweets, forgetful of everything but his immediate pursuit, and had often to be sought after when the boats were about to resume their course [13, p. 135].*

(«...Весь его энтузиазм пробуждался, когда перед глазами разворачивался новый мир с его бескрайними прериями, усеянными пестрыми, свежими, неизвестными цветами. Всякий раз, когда члены экипажа ненадолго высаживались из кораблей, чтобы перекусить или с какой-либо другой целью, он выскакивал на берег и отправлялся на охоту за новыми образцами. Каждое растение или цветок редкого или неизвестного вида он восторженно срывал, словно долгожданную награду. Наслаждаясь лежащими у его ног сокровищами, он бродил наугад, спотыкаясь, по диким местностям, наполненным благоуханием, и часто, когда участники экспедиции намеревались возобновить путь, им приходилось разыскивать его»). Очевидно, что Мистер Наттэл — биолог сугубо эмпирической направленности. Однако у Ирвинга это не вызывает критической оценки, в отличие от По. В его описании присутствует легкая ирония, но при этом автор подчеркивает искреннее восхи-

~~нение Наттэла предметом своего изучения, его материальную незаинтересованность и энтузиазм, который делает его похожим на ребенка, увлеченного игрой. Остальные участники экспедиции поспеивают над занятиями Наттэла и считают его безумцем, поскольку, на их взгляд, он занимается сбором «бесполезных сорняков» (*useless weeds* [13, p. 135]).~~

Как мы видим, сами по себе описания научных экспедиций и деятельности ученых не несли в себе чего-либо негативного, в особенности для неискушенного наблюдателя, не посвященного во все тонкости исторического развития науки в тот период. К таковым, по-видимому, можно отнести и В. Ирвинга, у которого биографы не отмечают специального интереса к естественным наукам. Для По, в подробностях знавшего подоплеку научных событий и способного прогнозировать процесс развития науки, они выглядели иначе. Отсюда другая эстетическая установка и модус повествования.

Сама полярность в изображении исследователей Эдгаром По подчеркивает его критическое отношение к современной науке. С точки зрения художественной репрезентации исследовательских экспедиций По, порой жертвуя достоверностью, рисует две крайности (Родмен и Пим), соответствующие двум полюсам художественного осмысления науки в его творчестве: возвышенно-романтическому и пародийно-сатирическому.

В. Ирвингу, напротив, присущ некий «синтезирующий» взгляд. Вместе с ранними исследователями он будто бы находится на пороге открытия, давая возможность и читателю принять эту точку зрения. Упоминание об одном из двух ученых в начале ряда глав «Астории» заставляет при чтении последующего описания взглянуть на американскую природу глазами естествоиспытателя-первопроходца и проникнуться схожим чувством восхищения. Подробные описания явлений природы в «Астории» весьма поэтичны, что не противоречит представлению о научных заметках начала XIX в., поскольку, как отмечает историк Роберт Брюс, в то время «наука и художественная литература еще значительно не размежевались» [8, p. 118]. Едва уловимая ирония по отношению к мистеру Наттэлу, которого Ирвинг рисует в соответствии с расхожим представлением об ученом-энтузиасте как человеке «не от мира сего», лишь подчеркивает симпатию автора к нему.

Позиция Ирвинга имеет нечто общее с установкой Дж. Грина — историка, который, в отличие от Дж. Дэниелса, не проявляет какой-либо критичности по отношению к американской науке. Он пишет: это «не история великих открытий или теоретических прорывов... Ее драматичность заключается не в блестящих научных достижениях, но в том, что отдельным ученым удавалось осуществить перед лицом огромных трудностей» [12, p. 2].

Сатирическое изображение исследователей-эмпириков Эдгаром По, по-видимому, связано с неприятием эмпиризма и утилитаризма, развившимся в ходе его многолетней деятельности в качестве редактора и рецензента, и с наличием у писателя ярко выраженных методологических предпочтений в науке.

Итак, разница в художественном показе естествоиспытателей и фактов естественной истории романтиками обусловлена как идейным замыслом конкретных произведений, так и мировоззрением авторов, их системой взглядов.

Библиографический список

1. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII—XVIII вв.). Формирование научных программ Нового времени. М. : Наука, 1987. 447 с.

2. *Ковалев Ю. В.* Герман Мелвилл и американский романтизм. Л. : Худ. лит., 1972. 280 с.
3. *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 10—257.
4. *Осипова Э. Ф.* Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. 171 с.
5. *По Э. А.* Повесть о приключениях Артура Гордона Пима / пер. Г. Злобина // Собр. соч. : в 4 т. М. : Пресса, 1993. Т. 3. С. 193—344.
6. *По Э. А.* Полное собрание рассказов. М. : Наука, 1970. 800 с.
7. *Светлов В. А.* История научного метода. М. : Академический проект : Деловая книга, 2008. 700 с.
8. *Bruce R. V.* The Launching of Modern American Science, 1846—1876. N. Y. : Knopf, 1987. —446 p.
9. *Daniels G. H.* American Science in the Age of Jackson. N. Y. ; L. : Columbia University Press, 1968. 282 p.
10. *Daniels G. H.* Nineteenth-Century American Science : A Reappraisal. Evanston : Northwestern University Press, 1972. 278 p.
11. *Daniels G. H.* Science in American Society : A Social History. N. Y. : Knopf, 1971. 404 p.
12. *Greene J. C.* American Science in the Age of Jefferson. Ames : Iowa State University Press, 1984. 484 p.
13. *Irving W.* Astoria, or Anecdotes of an Enterprise beyond the Rocky Mountains. N. Y. : Trow's Printing and Bookbinding Company, 1895. 387 p.
14. *Poe E. A.* Review: A Brief Account of the Discoveries and Results of the United States' Exploring Expedition // *Graham's Magazine*. 1843. September. P. 164—165.
15. *Poe E. A.* Review of "Astoria" // *Poe E. A. The Works of the Late Edgar Poe* : In 4 vols. N. Y. : Redfield, 1856. Vol. 4. P. 420—447.
16. *Poe E. A.* Review of South-Sea Expedition // *Southern Literary Messenger*. 1837. January. P. 68—72.
17. *Poe E. A.* The Journal of Julius Rodman. Chapter I // *Burton's Gentleman's Magazine*. 1840. № 1. P. 44—47.
18. *Poe E. A.* The Journal of Julius Rodman. Chapter II // *Burton's Gentleman's Magazine*. 1840. № 2. P. 80—85.
19. *Poe E. A.* The Journal of Julius Rodman. Chapter V // *Burton's Gentleman's Magazine*. 1840. № 5. P. 206—210.
20. *Poe E. A.* Narrative of Arthur Gordon Pym // *Poe E. A. The Works of the Late Edgar Allan Poe*. Vol. 4. P. 13—188.
21. *Ridgely J. V.* The Continuing Puzzle of "Arthur Gordon Pym" // *Poe Newsletter*. 1970. Vol. 3, № 1, June. P. 5—6.
22. *Struik D. J.* The Origins of American Science (Yankee Science in the making). **Boston Boston** : Little, Brown and Company, 1948. 430 p.

английский (США)

Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [1] Отформатировано	User	05.03.2012 10:51:00
английский (США)		
Стр. 47: [2] Отформатировано	User	05.03.2012 10:54:00
русский		

ББК 81.432.1

О. М. Карпова

ШЕКСПИРОВСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЛОССАРИЕВ

Статья посвящена описанию принципов построения современных глоссариев к произведениям Шекспира, представленных в печатном и электронном формате. Особый акцент делается на описании микроструктуры глоссариев трудных и незнакомых слов, опубликованных за последние годы в англоязычных странах. Рассматриваются способы лексикографической обработки заглавных слов в писательских глоссариях нового поколения. Делается вывод о необходимости использования лексикографической формы глоссария в современной шекспировской лексикографии.

Ключевые слова: входная единица, дефиниция, иллюстрация, лексикография, глоссарий, микроструктура, помета, толкование, Шекспир.

The paper is devoted to the description of modern Shakespeare glossaries in printed and electronic format with special reference to glossaries of unfamiliar and hard words as well as their lexicographic treatment. The author claims that glossary as a lexicographic form of an author dictionary is up to date in modern Shakespeare lexicography.

Key words: definition, dictionary, entry, explanation, glossary, illustration, label, lexicography, glossary, microstructure, Shakespeare.

В последнее время в английской писательской лексикографии, имеющей многовековую историю и богатый репертуар различных типов лингвистических и энциклопедических словарей, происходят интересные явления и процессы, заслуживающие внимания и глубокого изучения. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что многие лексикографические формы словарей, которые возникли в начале формирования писательской лексикографии в XVI в. (конкордансы, индексы, глоссарии), вновь стали широко использоваться современными лексикографами. При этом, например, шекспировские глоссарии нового поколения выполняют ту же функцию, которая им предписывалась еще в XVIII в., а именно функцию толкования незнакомых и трудных слов (*unfamiliar, hard and difficult words*) из произведений Шекспира, которые в силу значительного интервала между нашим временем и временем их создания нередко требуют подробного объяснения [9].

Современную лексикографическую картину пополняют и многочисленные *прикнижные глоссарии* (краткие толкования трудных слов), которые раньше — особенно на первом этапе развития писательской лексикографии —

включались в собрания сочинений Шекспира в качестве приложений [2]. Новые издания сочинений Шекспира также нередко содержат такие глоссарии.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть новые характеристики *писательского глоссария* — самой старой лексикографической формы, которая сохранилась в течение многих веков в английской лексикографии.

Пожалуй, первую группу глоссариев нового поколения составляют словари так называемых *трудных слов* из произведений Шекспира. Среди них *Forgotten English* [8], *Shakespeare's Language : A Glossary of Unfamiliar Words in His Plays and Poems* [14], *Coined by Shakespeare. Words & Meanings First Penned by the Bard* [11], *Shakespeare Database Project* [13] и т. п. Их объединяют в первую очередь идентичные принципы построения словника, который формируется по дифференциальному признаку за счет определенной группы входных единиц. Это либо лексика, вышедшая из современного словоупотребления, либо введенные в английский литературный язык Шекспиром слова, которые имеют ярко выраженное индивидуально-авторское понимание.

Писатель ввел в английский язык елизаветинской эпохи многие слова, которые до сих пор употребляются во многих сферах деятельности: в бизнесе (например, *employer, manager, investment, retirement*), политике (*petition, negotiate*), юриспруденции (*circumstantial, evidence, foregone conclusions*), рекламе (*exposure, design*). Эти слова и выражения нашли отражение во многих глоссариях, в том числе в словаре «*Coined by Shakespeare. Words & Meanings First Penned by the Bard*» [11]:

DESIGN (noun) **plan; aim or intention**

A misdelivered love letter from the fantastical Spaniard in *Love's Labor's Lost* provides many laughs except to its sender. Don Adriano de Armado has signed the letter after proclaiming his gallantry with “Thine, in the dearest *design* of industry” (IV.i.86).

In *The Rape of Lucrece*, Shakespeare makes further use of the noun. When Lucrece calls for justice, she tells her avengers that “’tis a meritorious fair *design* / To chase injustice with revengeful arms” (1692-93).

The verb *design* dates back to Middle English with a sense of “to indicate or outline,” but Shakespeare is the first writer known to use the noun, employing to the mean “a purpose or plan”. The noun eventually became established as a common word in a variety of senses. By the nineteenth century it was possible to speak of doing something “by *design*,” that is, on purpose, and to describe a schemer as “having *designs* on” something, that is having underhanded plans to obtain it. A century ago, the psychologist William James used the noun more straightforwardly when he described religious experiences and suggested that people should consider nature as though “she were full of special *design*.”...

Словарный состав произведений Шекспира весьма многообразен, поэтому объектом лексикографического описания становятся самые различные группы слов, в том числе и так называемые *rare words*, которые не фиксируются даже в академических словарях английского языка, например:

CONSANGUINEOUS (adjective) **related by blood; descended from the same ancestor**

Sir Toby Belch, festive uncle of the countess Olivia in *Twelfth Night*, asks rhetorical questions to emphasize that he is a member of the countess's family: “Am not I *consanguineous*? Am I not of her blood?” (II.iii.77-78).

This long adjective is based on *sanquius*, the Latin term for “blood”. It is a close relative of English *sanguine*, a versatile word meaning, among other things, “bloodred”, “ruddy”, and “optimistic”. Shakespeare himself uses *consanguineous* only once, but does use an older noun form in another play. In *Troilus and Cressida*, the young Cressida protests her love for Troilus and refuses to be traded back to her Greek father, saying she no longer feels that blood relationship: “I have forgot my father, / I know no touch of *consanguinity*” (IV.ii.96-97)...

Как известно, Шекспир довольно свободно обращался с лексикой, употребляя многие слова и как глаголы, и как имена существительные, например, слова *dawn*, *champion*, *scuffle*, *film*:

FILM (verb) **to coat with a thin or transparent covering**

...*Film* as a noun meaning “a thin skin or membrane” dates back to Old English *filmen*. Shakespeare turns the old noun into a transitive verb meaning “to cover with a film”. The playwright uses the verb only once. The noun also occurs a single time in his works: in Mercutio’s “Queen Mab” speech in *Romeo and Juliet*, he describes a tiny fairy who delivers dreams and drives a miniature wagon with “Her whip of cricket’s bone, the lash of *film*” (I.iv.66)...

К этой же группе можно вполне отнести любимые современными пользователями *интернет-гlossарии*, которые в большом количестве представлены во всемирной сети: *Shakespearean Glossary* [14]; *William Shakespeare Glossary* [18]; *How Shakespearean are You?* [6] и многие другие.

В отличие от упомянутых выше *печатных glossариев*, авторы которых строят словарные статьи в соответствии с общепринятыми канонами писательской лексикографии (включение в микроструктуру различного рода помет, иллюстративных примеров словоупотребления, их точных адресов в произведениях писателя, описательных дефиниций), составители *интернет-гlossариев* стремятся дать лишь краткое толкование трудных для понимания слов.

Так, в *Shakespearean Glossary* [14], предназначенном прежде всего для носителей английского языка, толкования даются в первую очередь тем словам, значения которых отличаются от общепринятых в шекспировскую эпоху, и тем, которые получили новое значение в настоящее время:

- **Barn** No, it's not the thing that cows live in. In Shakespeare's time this was a child.
- **Bob** This isn't just a dude's name, Shakespeare used it to mean to strike something, or to insult someone or to get something from someone by insulting them.

Однако большинство входных единиц снабжено лишь краткой дефиницией без каких-либо объяснений:

- **Cross** A piece of [money](#) or a coin.
- **Aim** A guess.
- **Forsooth** In truth, or in fact.
- **Forbode** Forbidden or not allowed.
- **Guard** [A decoration](#) or to decorate something.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся примитивность лексикографической обработки слов, следует отметить положительную черту словаря. Слова, подчеркнутые в тексте толкования, активизируются, и читатели могут получить о них более подробную справку:

For more words from **Shakespeare**, [click here](#).

По такому же принципу построен и другой интернет-гlossарий к произведениям Шекспира — *William Shakespeare Glossary* [18], в котором словарные статьи имеют лишь синонимические толкования:

acknownd aware. (*Othello*)

adventure my discretion risk my reputation. (*The Tempest*).

Этот гlossарий, тем не менее, содержит отсылку к произведению писателя, где встречаются эти слова, хотя и без привычного указания на акт, сцену и строку, например:

aery nest. (*Hamlet*)

affectioned affected, one who puts on airs. (*Twelfth Night*).

Среди интернет-гlossариев находим и такие справочные ресурсы, которые имеют характер блогов, как, например, широко посещаемый пользователями *Shakespeare Dictionary* [15]. Сайт содержит описание 1700 слов, которые Шекспир создал и внес в английский язык и которые используются вплоть до настоящего времени: *harow*, *hurry*, *critic*, *apostrophe* и т. п. Эти слова именуются авторами сайта как «*That's usually what makes Shakespeare difficult to understand*».

Наряду с гlossариями для англоязычных читателей в Интернете встречаются многочисленные ресурсы, предназначенные немецким, японским, испанским пользователям, интересующимся творчеством Шекспира и особенно его языковыми особенностями. Таким представляется словарь *The Shakespeare Dictionary App* [17], включающий более 4500 шекспировских словоупотреблений. Примечательно, что он является приложением к популярным электронным девайсам *iphone* и *ipad*, что, безусловно, указывает на то, что шекспировские гlossарии востребованы в молодежной среде.

И наконец, современная шекспировская лексикографическая картина XX в. значительно обогатилась *терминологическими гlossариями* различных отраслей, которые ведут начало с середины прошлого века [1]. Их появление в шекспировской лексикографии обязано определенной группе пользователей — театральным режиссерам и постановщикам, которые испытывают понятные трудности при выборе музыкальных произведений, видов оружия, цветов, блюд, приборов для сервировки стола и т. п. при постановке шекспировских пьес [10, р. 158—178]. Правильно решить эти задачи помогают созданные не только лексикографами, но и самими режиссерами словари музыкальных, военных, кулинарных и других терминов: *Wilson Ch., Calore M. Music in Shakespeare : A Dictionary* [19]; *Edelman Ch. Shakespeare's Military Language : A Dictionary* [3]; *Fitzpatrick J. Shakespeare and the Language of Food : A Dictionary* [5]; *Innes P. Class and Society in Shakespeare* [7].

Поскольку все эти словари вышли в одной серии *Continuum Shakespeare Dictionaries*, специализирующейся на составлении специальных терминологических шекспировских словарей, построение их макроструктуры идентично. Словник во всех трудах является дифференциальным и включает термины, принадлежащие к той или иной предметной области, а словарные статьи имеют аналогичную структуру. Рассмотрим примеры словарных статей из «Словаря театральных терминов Шекспира» [12]:

discharge This verb sometimes has the sense in Shakespeare of 'enact on the stage', as when the workmen say of the missing Bottom in the role of Pyramus: 'You have not a man in all Athens able to discharge Pyramus but he' (*Dream*, 4.2.7-8). The implication is of meeting a challenge or completing an obligation: Ferdinand says of

his log carrying: 'The sun will set before I shall discharge What I must strive do' (*Tempest*, 3.1.22-3).

Как видно из примера, здесь отсутствуют привычные для глоссариев трудных слов грамматические, этимологические и т. п. пометы, являющиеся неотъемлемой частью добавочной семантико-функциональной характеристики заглавного слова. В то же время авторы словарей стремятся объяснить значение каждого термина, как его понимали в елизаветинскую эпоху, например:

fond This adjective now indicates moderate affection, but to Elizabethans it was a negative word indicating a truly foolish obsession: 'How many fond fools serve mad jealousy?' (*Comedy*, 2.1.116); 'a votary to fond desire' (*Two Gentlemen*, 1.1.52).

Более того, в большинстве терминологических словарей Шекспира, как, например, в справочнике С. Уильсона и К. Калоре «*Music in Shakespeare*» [19], приводятся иллюстративные примеры из его произведений, как это принято в глоссариях и толковых словарях писателей:

bear a part (A) In this context, a 'part' refers to the single line or **voice** of a part-song or, more generally, of vocal or **instrumental** polyphony. Thus the **performer** singing or **playing** a part would 'bear a part'. The sense of supporting or sustaining a line in a contrapuntal texture, in combination with other voices, is inherent in the phrase. To 'sing' or 'play' a part is more common in musical contexts and commentaries, but 'bear a part' occurs in several literary sources...

(B) A 'singing in parts' metaphor is employed in Shakespeare's *Sonnet* 8. The poet chides the beloved youth for becoming melancholy when he hears music, like Jessica in *The Merchant of Venice*, who is 'never merry' when she hears 'sweet music' (5.1.69). In the sonnet, the harmony of music is then compared with the **harmony** of marriage which the youth dislikes and rejects...

Составители этих словарей, как следует из материала данной словарной статьи, весьма подробно анализируют в дефиниции авторское понимание того или иного термина. Однако им не удалось унифицировать структуру словарных статей, которая помогла бы воссоздать саму терминосистему каждой предметной области. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на стремление и попытки авторов рассмотренных выше терминологических справочников Шекспира приблизить их к *толковым* словарям, они представляют собой глоссарии, поскольку их составители так и не выработали четкой системы лексикографической обработки входных единиц, присущей высшей лексикографической форме — толковому словарю. Скорее всего, создатели терминологических справочников справились с задачей толкования и иллюстрации терминов избранной ими области знания.

В заключение подчеркнем, что глоссарии не случайно вернулись в шекспировскую лексикографию XXI в.:

- во-первых, глоссарий является старейшей лексикографической формой, которая появилась в английской национальной лексикографии с самого начала ее существования и заложила основы создания первых толковых словарей английского языка;

- во-вторых, шекспировские глоссарии различных типов опираются на богатый исторический опыт формирования и развития этой группы писательских справочников, начиная с XVI в., когда появились первые глоссарии к произведениям Чосера;

- и наконец особенности данной лексикографической формы, а именно дифференциальный словник и дифференциальная обработка заглавных

слов, позволяют авторам современных глоссариев наиболее полно описать трудные и незнакомые современному читателю слова из произведений Шекспира, а также термины различных предметных областей, встречающиеся на страницах его произведений.

Библиографический список

1. *Карпова О. М.* Шекспир — профессиональная языковая личность? Казань : Изд-во КазГПУ, 2012.
2. *Карпова О. М.* Словари языка Шекспира : историко-типологическое исследование. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1994. 169 с.
3. *Edelman Ch.* Shakespeare's Military Language : A Dictionary. L., N. Y. : Athlone Press, 2004. 400 p.
4. *Findlay A.* Women in Shakespeare : A Dictionary. L. : Continuum, 2010. 546 p. (Continuum Shakespeare Dictionary Series).
5. *Fitzpatrick J.* Shakespeare and the Language of Food : A Dictionary. L. : Continuum, 2010. 480 p. (Continuum Shakespeare Dictionaries).
6. How Shakespearean are you? URL: <http://blog.oxforddictionaries.com/2011/08/how-shakespearean-are-you/> (дата обращения: 25.12.2011).
7. *Innes P.* Class and Society in Shakespeare. L. : Continuum, 2007. 608 p. (Continuum Shakespeare Dictionaries).
8. *Kacirk J.* Forgotten English. N. Y. : William Morrow and Company Inc., 1997. 256 p.
9. *Karpova O.* English Author Dictionaries (the XVIth — the XXIst cc.). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2011. 270 p.
10. *Karpova O.* Shakespeare Dictionaries of a New Generation // New Trends in Lexicography: Ways of Registrating and Describing Lexis. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 158—178.
11. *McQuain J., Malles St.* Coined by Shakespeare. Words & Meanings First Penned by the Bard. Springfield, Massachusetts : Merriam-Webster, 1998. 288 p.
12. *Richmond H.* Shakespeare's Theatre : A Dictionary of his Stage Context. L. : Continuum, 2003. 584 p. (Continuum Shakespeare Dictionaries).
13. Shakespeare Database Project. URL: <http://www.shkspr.uni-muenster.de/> (дата обращения: 10.01.2012).
14. Shakespearean Glossary. URL: <http://www.kidzworld.com/article/3989-shakespearean-glossary/> (дата обращения: 10.01.2012).
15. Shakespeare Dictionary. URL: <http://blogshakespeare.wordpress.com/shakespeare-dictionary/> (дата обращения: 12.01.2012).
16. *Shewmaker E.* Shakespeare's Language : A Glossary of Unfamiliar Words in his Plays and Poems. N. Y. : Checkmark Books, 1999. 628 p.
17. The Shakespeare Dictionary App. URL: <http://itunes.apple.com/br/app/the-shakespeare-dictionary/id475606334?mt=8> (дата обращения: 15.01.2012).
18. William Shakespeare Glossary. URL: <http://www.cliffsnotes.com/WileyCDA/Section/Shakespeare-Glossary.id-305499,articleId-30084.html> (дата обращения: 15.01.2012).
19. *Wilson Ch., Calore M.* Music in Shakespeare : A Dictionary. L. : Athlone Press, 2005. 528 p.

ББК 81.033

А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА ЖЕЛЕЗО

На основе данных словарей разных типов описывается история функционирования слова *железо* в русском языке. Показывается влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на формирование и изменение структуры многозначного слова.

Ключевые слова: лексикография, лексическая семантика, полисемия, структура значения слова, функционирование слова в языке.

The paper describes the history of the functioning of the word *iron* in the Russian language. It is based on the dictionaries' data. The influence of linguistic and extra linguistic factors on forming and changing the structure of polysemantic word is shown.

Key words: lexicography, lexical semantics, polysemy, structure of a word meaning, word functioning in the language.

Реалии окружающего мира и понятия, складывающиеся у человека в процессе освоения им этого мира, фиксируются в языке в виде слов и словосочетаний, которые составляют словарь (лексикон, словарный состав) языка. Слова и словосочетания фиксируются и описываются в словарях разного типа: энциклопедических и лингвистических (филологических), словарях нашего времени и предыдущих эпох, словарях общих (толковых) и словарях специальных (орфографических, синонимических и т. п.), словарях слов и словарях устойчивых выражений, и т. д. Знакомясь с данными словарей, мы можем узнать и то, что обозначает определенное слово и как оно употребляется в современном русском языке, и то, когда, как и в каком виде это слово появилось в языке, как оно жило, какие изменения претерпело и почему. Такие сведения дают нам много информации не только о самом слове, но и о предметах, событиях, понятиях, нравах, обычаях, истории, культуре народа, создавшего этот язык. Поэтому умение пользоваться словарями, умение извлекать из них нужную информацию важно для каждого человека, а для филолога в особенности.

1. Фиксация слова *железо* в словарях разных типов и разного времени. Слово *железо* относится к числу актуальных. Оно описывается в «Сводном словаре современной русской лексики» следующим образом: «*железо* с ср У Б М БСЭ9 (и ~) Ож Орф П СЭС9 (и ~) М-2 ОЭ» [10, с. 320]. Сводный словарь указывает, что слово *железо* зафиксировано в ряде толковых и специальных словарей, в которых описывается актуальная лексика, а именно в словарях Ушакова и Ожегова, в 17-томном, 4-томном, орфографическом, орфоэпическом словарях русского языка, а также в энциклопедических словарях (Большой советской энциклопедии и Советском энциклопедическом словаре).

Словом *железо* обозначается природное вещество, металл, из которого изготавливаются различные предметы. Следовательно, мы можем найти сло-

варную статью под заголовком «железо» в энциклопедическом словаре, куда нам следует заглянуть в первую очередь.

В словаре Брокгауза и Ефрона словарная статья описывает этот металл с разных точек зрения [2].

1. Железо в технической сфере

Ж. есть наиболее распространенный и наиболее употребительный из металлов. Ж. было известно еще египтянам во время постройки пирамид; у греков упоминается о нем в «Илиаде» Гомера, причем о нем говорится, как о трудно обрабатываемом металле, употребляемом в орудиях земледелия; о таком же назначении Ж. для хозяйственных предметов говорится в Библии (2-я кн. Царств, гл. 12, ст. 31). Несмотря на такую седую древность, современное приложение ко всем отраслям деятельности Ж. получило только в нынешнем столетии. Так, например, его лишь очень недавно начали употреблять на дело цепей для судовых якорей, до тех же пор якоря подвешивались на пеньковых канатах, а Ж. не доверяли. Только в 20-х и 30-х гг. нашего столетия его стали употреблять для мостов. Повсеместное же приложение — к железным дорогам, к судо- и машиностроению, к броням и фабрикации орудий — железо получило преимущественно во второй половине нынешнего столетия. Эти успехи сделались возможными благодаря великому металлургическому перевороту, произведенному г-ми Бессемером и Сименсом.

Описываются свойства железа, важные для технических целей, особенности их использования в технических изделиях, способы проверки качества и т. д. (текст снабжен рисунками, схемами, таблицами): Металлическое Ж. серого цвета, гибко, ковко и чрезвычайно вязко, оно разрывается при нагрузке в 75 кило на квадратный миллиметр; полированное, оно получает прекрасный блеск; наибольший удельный вес его 7,67 до 7,65; кристаллизуется в гексаэдрах и додекаэдрах. Ж. плавится только при температурах Бессемеровского конвертора и регенеративной печи Сименса. Оно обладает весьма замечательным свойством свариваемости, причем две чистые поверхности Ж., нагретые до появления искр ярко-белого каления (варовой нагрев), способны от ударов молота или сильного давления соединиться в одну цельную массу. Под ударами молота мягкое Ж. способно делаться более твердым — наклепываться; новым нагревом — отжигом — легко восстанавливается прежняя мягкость. Ниже температуры в 400° Ж. легко притягивается магнитом. Выше 600° и при сплаве с 30 % марганца Ж. не притягивается вовсе. Оно не изменяется на сухом воздухе, при обыкновенной температуре. При нагревании покрывается побежалыми цветами, при температуре же красного каления начинает окисляться и покрывается окалиной. <..> На влажном воздухе Ж. медленно окисляется и покрывается слоем гидрата окисла, называемого ржавчиной. На поверхности и в недрах земли существуют громадные скопления масс окисленного Ж. Эти последние, при содержании в них металлического Ж. не менее 35 %, служат материалом для получения металла, о чем будет сказано подробнее в статье Руды. <..> Один и тот же кусок Ж., смотря по способу механической обработки, может быть получен или в форме волкнистого, или в форме зернистого Ж. <..> В Ж., встречающемся в продаже, различают следующие сорта: 1) Ж. крепкое (le fer dur; hartes Eisen), оно же называется сталеватым — излом его мелкозернистый, серебристо-белый, для своейковки и обработки требует несравненно больших усилий; оно ближе всего подходит к стали; способность его свариваться гораздо меньше, чем у Ж. мягкого; 2) Ж. мягкое (le fer mou, weiches Eisen) — наиболее тягучее, очень удобно обрабатывается как на холоде, так и в горячем состоянии; этот вид Ж. есть наиболее употребительный для общежития; 3) Ж. хладноломкое (le fer tendre; kaltbruchiges) — излом его обыкновенно крупнозернистый, серебристо-блестящий; особенность эту Ж. получает вследствие присутствия фосфора; достаточно 0,5 % его, чтобы Ж. не могло выдержать холодную пробу изгибом на 180°. Полоса хладноломкого Ж., положенная на морозе на две подставки, ломается при ударе молотом в 16 фунтов (кузнечная балда). Хладноломкое Ж. сваривается и обрабатывается в раскаленном состоянии очень хорошо;

4) красноромкое Ж. (*fer metis; rothbruchiges*) — имеет обыкновенно жильное строение и очень часто даже чистую жилу; оно узнается тем, что при некоторой температуре между 600 и 800° Ж. не выносит механической обработки, под ударами молота оно дает разрывы, портящие изделия; свойство это зависит от присутствия серы; для этого достаточно содержания в 0,01 % серы. Замечательно, что как ниже, так и выше известной границы это Ж. (называемое также коллерным) прекрасно выдерживает механическую обработку и в холодном состоянии чрезвычайно прочно и вязко; коллерность Ж. узнают на пробе змейкой (о пробах смотри далее); 5) Ж. хрупко-ломкое, или Ж. грязной жилы (*fers gouvérains, faulbruchiges*) — излом его, как видно по названию, грязный, происходящий от массы шлаков. Ж. это хрупко и ломко как в холодном, так и в горячем состоянии; получается оно как результат плохой выработки. Кроме того, различают еще Ж. пережженное, перегретое, чешуйчатое и другие сорта. Всякое хорошее Ж. должно выдерживать следующие пробы: 1) проба изгибом. Для этого у куска сортового Ж. конец, дюйма в 3, загибают в холодном виде под углом в 180° до плотного соприкосновения загибаемого конца с полосой, затем образуют вторую такую же складку и т. д. При этом нигде не должно быть замечено ни малейшего разрыва. <..>

Как на особенность Ж. должно указать то обстоятельство, что листы даже самого лучшего металла, будучи нагреты только до температуры свечения в темноте, т. е. до так называемого темного нагрева, все без исключения делаются хрупкими, как будто они при этом подвергаются перегруппировке. <..> Ж., соединяясь с углеродом, способно давать многообразные соединения. Наименьшее количество углерода встречается в мягком Ж., где оно не превосходит сотых долей процента. В сортах, называемых твердым Ж., его не более 0,3 %. Литой продукт с большим содержанием углерода уже способен принимать большую закалку и трудно сваривается и называется уже сталью. Твердость стали, вместе с возрастанием углерода, постепенно увеличивается, и при содержании 1,2 % углерода металл получает особенную способность хорошо держать острие и обладает достаточной упругостью; это есть твердая инструментальная сталь. При более высоком содержании углерода Ж., по неудовлетворительности своих качеств, теряет всякое практическое назначение и получает название чугуноватой стали. При дальнейшем повышении содержания углерода, в 2 % с небольшим, Ж. снова получает практическое значение и называется уже чугуном. Наивысшее количество углерода, способное соединиться с Ж., может быть выражено следующей формулой: Fe_4C , что соответствует 5,08 % углерода. О получении металлического Ж. прямо из руд в горнах каталонских и из чугунов в горнах кричных — см. Горн <..>

<..> Сортовое железо, встречающееся в продаже, обыкновенно различается на квадратное, круглое, плоское, угловое и фасонное; профили этого последнего показаны на чертеже (см. Вальцы). <..> На Каменском заводе прокатывают (железо и сталь) свыше 500 различных поперечных профилей. Главнейшие из этих сортов следующие: 1) рельсы для паровых и конных дорог; 2) рудничные рельсы; 3) рельсовые скрепления; 4) бандажи; 5) паровозные, тендерные и вагонные оси; 6) рессорная сталь; 7) двутавровые балки и коробчатые железо и сталь; 8) колонное железо (*Quadranteisen*) для колонн; 9) листовое и универсальное железо и сталь; 10) катаные валы для приводов; 11) железная и стальная проволока; 12) тавровое, угловое, поло-совое, квадратное, круглое, колосниковое, шинное и обрубное железо и сталь; 13) волнистое и шаблонное листовое железо. Затем завод изготовляет: резервуары, металлические стропила, мостовые фермы, переносные рельсовые пути Дековилля и вагончики для них, однорельсовые пути системы Ляртига. <..> А. И. Скиндер.

2. Железо как химический элемент

Железо (хим., *fer, Eisen, iron*). — Химическое обозначение его Fe (*Ferrum*), атомный вес 56 (Деви, Сванберг и Норлин, Эрдманн и Маршан, Момене, Дюма). Обладая многими драгоценными для практики свойствами при своем широком распространении в природе и сравнительной простоте добывания, а потому и доступности по цене, металл этот справедливо считается самым полезным из всех. Ж. стало

известно человеку еще в доисторические времена. Первые железные изделия, вероятно, были приготовлены из тех кусков метеорного Ж. (см.), которые иногда встречаются на земной поверхности, куда попадают из междупланетного пространства, если на пути своем вокруг Солнца войдут в сферу земного притяжения. Эти куски бывают иногда довольно значительных размеров (Палласово Ж., см. Метеорное Ж.) и представляют самородное Ж. обыкновенно с подмесью других металлов, главным образом, никеля. Но и открытие способа непосредственного добывания Ж. [Так называемый каталонский или сыродутный способ добывания кузнечного или брускового Ж. в горнах, см. Горны.] из руд с помощью прокаливания их с углем, несомненно, принадлежит доисторическому человеку, ибо на самом деле добывание это не представляет особых затруднений и найдено европейцами уже в готовом виде у многих диких племен, как, например, у африканских негров. Открытие Ж. принадлежит странам Старого Света, в Америке же до появления там европейцев оно вовсе не было известно. Ж. принадлежит к числу наиболее распространенных в природе элементов, но в составе земной коры является почти исключительно в виде своих соединений, преимущественно кислородных, в свободном же или самородном состоянии представляет редкость в природе (см. Железные руды). Кроме уже упомянутых метеорных масс, самородное Ж. встречается лишь в некоторых лавах и породах вулканического происхождения (базальтах) в форме мелких зерен и включений, скопления которых, однако, могут достигать иногда размеров значительных масс. Так, в 1870 г. Норденшильд нашел в Гренландии на острове Диско базальтовые глыбы до 500 центнеров весом, состоящие местами на 50 % из самородного Ж. [О вероятном присутствии громадных масс Ж., подобного метеорному, в недрах земного шара — см. Д. Менделеев, «Основы химии», 5 изд., стр. 273 и 673.]. Что касается распространения в природе соединений Ж., то трудно найти горные породы, в которых они не находились, хотя бы в малых количествах. Главнейшими рудами Ж., о которых см. в ст. Доменное производство, служат его окислы и углекислая соль. Менее важны для добывания Ж. его соединения с серой, из которых наиболее обыкновенен так называемый серный колчедан или пирит FeS_2 (см. Пирит, Колчедан).

Кислородные и сернистые соединения Ж. являются также постоянной составной частью руд некоторых других металлов и образуют вместе с их сернистыми и кислородными соединениями многие минералы, каковы большинство медных, кобальтовых и никелевых руд, хромистый и титанистый железняки, франклинит и т. п. Окислы Ж. вместе с окислами других металлов, как основания, входят в состав силикатов (см.), или кремнекислых соединений, из которых построена главная масса горных пород, образующих толщу земной коры, каковы, например, особенно оливин, гранаты, авгиты, роговые обманки, некоторые слюды, а также минералы из группы полевошпатовых и множество других. Далее, они встречаются также в соединении с кислотами фосфорной, серной, вольфрамовой и др., образуя минералы сравнительно более редкие. В виде углекислой и других солей Ж. — и иногда в значительных количествах — находится в растворе в воде многих источников [Углекислая соль закиси Ж. (FeCO_3) в воде нерастворима, но растворяется в ней довольно значительно в присутствии углекислоты, которая во всех естественных водах содержится в большем или меньшем количестве.], сообщая ей известные терапевтические свойства, а в очень малом количестве является постоянной составной частью всяких естественных вод. В растениях оно представляет одну из необходимых составных частей их золы, поступаая в них из почвы, где обыкновенно находится в небольшом количестве. Почвы, вполне лишенные Ж., равно как и чересчур изобилующие им, совершенно неспособны для поддержания нормальной растительной жизни. В организме животных Ж. также присутствует и в количестве около 0,05 % является нормальной составной частью их крови. О нахождении и большом распространении Ж. за пределами земной поверхности свидетельствуют изредка падающие на нее метеорные камни, а главным образом астроспектральные (см. Астрофизика и Спектральный анализ) исследования, доказавшие присутствие его на Солнце и во многих других доступных наблюдению небесных телах.

Добывание металлического Ж. основано на способности его окислов восстанавливаться окисью углерода при возвышенной температуре и производится с помощью накаливания железных руд в особых печах и горнах с углем при вдувании воздуха (подробнее см. Доменное производство). Часть угля при этом сгорает, развивая угольную кислоту и вызывая накаливание остальной массы его смеси с рудой. Угольная кислота, приходя в соприкосновение с раскаленным углем, раскисляется и образует окись углерода, которая уже и действует на руду, отнимая от нее кислород и восстанавливая металл по уравнению: $Fe_2O_3 + 3CO = 2Fe + 3CO_2$. Поступая таким образом или непосредственно получают Ж. в виде губчатой массы, которую затем проковывают, или же получают сперва сравнительно более легкоплавкий чугун (см. это слово и Доменное производство), который уже затем перерабатывают на сталь (см.) и Ж. с помощью тех или других приемов (пудлингование, фришевание или кричный способ, бессемерование, томасирование, способ Сименса — Мартена, см.). Ж., употребляемое в практике и полученное одним из упомянутых приемов, не вполне чисто и содержит обыкновенно подмеси, содержащие углерод, кремний, марганец, серу и фосфор. Наиболее чистые сорта, почти вовсе не содержащие кремния, фосфора и серы, получают новейшими способами основного бессемерования (томасирования) и Сименса — Мартена. Бессемеровский и мартеновский способы дают, кроме того, Ж. в сплавленном виде, так называемое литое железо, а потому и более однородное, чем полосовое, кричное или пудлинговое, которые при своем производстве не сплавляются.

Химически чистое Ж. получают обыкновенно восстановлением осажденной аммиаком чистой окиси его при прокаливании ее в струе чистого водорода, по уравнению: $Fe_2O_3 + 3H_2 = 2Fe + 3H_2O$. Если при этом температура будет не очень высока, то восстановление идет лишь до закиси FeO; продукт такого восстановления получается в виде черного порошка, способного вследствие быстрого и энергичного окисления в закись-окись (Fe_3O_4) самовоспламеняться на воздухе (пирофорическое Ж.). При более высокой температуре получается серый порошок чистого металлического Ж., который в пламени гремучего газа легко сплавляется. Накаливанием в водороде безводной щавелевокислой соли закиси Ж. [Эта соль представляет порошок лимонно-желтого цвета, имеет состав $FeC_2O_4 \cdot 2H_2O$, трудно растворима в воде и применяется в фотографии в качестве проявителя.] также может быть получено и пирофорическое, и чистое Ж. При действии слабого гальванического тока на смесь водных растворов серно-железистой соли и нашатыря Ж. осаждается на отрицательном полюсе и получается в этом случае в сплошном виде непосредственно, но содержит довольно много окклюдированного водорода, а также и других газов, которые, впрочем, легко теряет при прокаливании. В кристаллическом виде, в форме блестящих микроскопических кубиков и октаэдров химически чистого Ж., может быть получено восстановлением хлористого Ж. ($FeCl_2$) водородом.

Далее описываются физические и химические свойства железа: *Физические свойства Ж.* Химически чистое Ж. представляет металл серебристого сероватобелого цвета, удельного веса 7,844. Удельный вес продажного Ж. изменяется в пределах от 7,6 до 7,9, в зависимости от степени чистоты иковки. Кованное и особенно тянутое Ж. имеет волокнистое строение; литое, напротив, зернистое с тонкозернистым блестящим изломом. Если волокнистое Ж. подвергается в течение продолжительного времени толчкам и сотрясениям, то оно приобретает кристаллическую структуру и становится вследствие этого ломким, что и наблюдается нередко на осях экипажей, вагонов и железных частях мостов, особенно висячих. Будучи перековано в горячем состоянии, оно вновь становится волокнистым. Температура плавления Ж. лежит выше температуры плавления серебра и золота, но ниже температуры плавления платины, а именно около 1500 °Ц. <...> Ранее начала плавления Ж. размягчается и в этом состоянии легко куется и сваривается. Ковкость Ж. и способность к свариванию вместе с его вязкостью и тягучестью, позволяющими, между прочим, вытягивать из него чрезвычайно тонкую проволоку и листы и определяющими его большое сопротивление разрыву (железная проволока диаметром в 2 мм разрывается лишь при грузе около 250 кг), и составляют важнейшие свойства Ж. применительно к тех-

нике. Ж., в противоположность стали, неспособно к закаливанию (см.) при быстром охлаждении. Если Ж. накалил и дать ему постепенно охлаждаться, то при температуре около 600° оно обнаруживает явление самонагрева или рекалесценции (см.). При этой температуре охлаждение как бы останавливается и температура в течение известного промежутка времени остается постоянной, что указывает на выделение скрытого тепла, обуславливаемое некоторой переменной внутреннего состояния Ж. Измерения теплоемкости Ж. показали, что выше 600° она быстро меняется, становясь вдвое большей, чем при 0° (Пионшон). Около той же температуры значительно изменяются магнитные (Беккерель) и другие свойства Ж. В накаливаемом докрасна состоянии Ж. (также чугун) становится проницаемым для газов, что надо иметь в виду при употреблении железных печек, так как через их стенки в отапливаемое помещение может проникать ядовитый угарный газ (окись углерода). <..> Теплопроводность (принимая теплопроводность серебра за 100) = 11,9, т. е. примерно в $8\frac{1}{2}$ раз меньше, чем у серебра. Электропроводность при 20° , отнесенная к электропроводности серебра при 0° , принимаемой за 100, равна 14,44, т. е. почти в 7 раз меньше, чем для серебра. Из всех употребляемых в практике ковких металлов Ж. отличается наибольшей твердостью, но по сравнению со сталью мягко, гибко и лишено упругости. Весьма замечательным свойством Ж. является его магнитность, относительно которой см. Магниты.

Химические свойства. Ж. на воздухе в обыкновенных условиях температуры и влажности, как известно, легко ржавеет, т. е. окисляется, покрываясь с поверхности бурным слоем гидрата своей окиси. Ржавление, вначале медленное, затем, когда уже ржавчина раз появилась, идет гораздо быстрее вследствие того, что окись Ж., будучи электроотрицательной относительно самого металла, составляет с ним гальваническую пару. От действия развивающегося тока следы присутствующей воды разлагаются, причем кислород выделяется на Ж., способствуя его скорейшему окислению, а водород, выделяющийся на окиси, соединяется частью с азотом воздуха в аммиак, следы которого и содержатся всегда в ржавчине в виде азотнокислой и углекислой солей. В совершенно сухой воздушной атмосфере при обыкновенной температуре Ж. вовсе не изменяется, но при накаливании соединяется с кислородом воздуха, превращаясь с поверхности в так называемую железную окалину, представляющую в главной своей массе состав магнитной окиси Fe_3O_4 . В очень раздробленном состоянии, например в виде порошка, получаемого при восстановлении железной окиси водородом, Ж. даже загорается на воздухе при соприкосновении с огнем, но горит без пламени, как бы тлея. Пример горения мелких частичек Ж. в воздухе представляют также искры, отскакивающие при ударе огнивом о кремень и при ковке раскаленного Ж. В сплошном виде (проволока) оно способно гореть лишь в атмосфере чистого кислорода, ибо в этом случае, благодаря развивающейся высокой температуре, образующийся на поверхности слой окисла сплавляется и, стекая, не препятствует дальнейшему соединению металла с кислородом. Под водой, так как она всегда содержит в растворе кислород воздуха, Ж. ржавеет весьма быстро. Присутствие в воде углекислоты и солей, особенно аммиачных, ускоряет ржавление, напротив, щелочные растворы, даже слабые, препятствуют ему.

<..> Ж. действует на растворы многих солей, выделяя из них металлы, причем само переходит в раствор. Так, например, оно осаждает медь из медного купороса и серебро из азотно-серебряной соли.

<..> Ж. хотя и способно давать сплавы с большинством других металлов, но они образуются с трудом, отчасти вследствие большой тугоплавкости Ж. Из сплавов Ж. употребляются в практике лишь немногие и они обыкновенно или содержат главную массу Ж. с подмесью других металлов, или же, наоборот, Ж. в них играет роль подмеси. Таковы ферроманган (см.), представляющий сплав Ж. с марганцем и содержащий, кроме того, около 6 % углерода, вольфрамовая, титанистая и хромистая сталь (см.). Сплав хрома и Ж., получаемый непосредственно при восстановлении хромистого железняка и содержащий 74 % хрома и 25 % Ж., обладает твердостью алмаза. При содержании хрома в количестве 2,3 % получается ковкий сплав. В неко-

торых сортах Ж. встречается медь в малом количестве и придает им хрупкость. Продажные никель и алюминий обыкновенно содержат до нескольких % Ж. В сплаве с никелем Ж. находится и в природе, в метеоритах. Самородная платина также обыкновенно содержит некоторую подмесь Ж. С ртутью Ж. в обыкновенных условиях не соединяется и амальгамы (см.) не образует, почему ртуть и можно с удобством сохранять в железных сосудах. <..>

Важнейшие соединения Ж. Большинство соединений Ж., к числу которых принадлежат и наиболее обыкновенные, всюду встречающиеся в природе и постоянно обращающиеся в практике, отвечают двум типам: типу *закиси* FeX_2 и типу *окиси* FeX_3 или Fe_2X_6 [Здесь под X разумеются одноатомные элементы группы подобных Cl и OH.]. По величине своего атомного веса (56) Ж. в периодической системе элементов (см. Периодический закон) помещается в VIII группе, многим элементам которой свойственно образовывать соединения высших типов, что с особой резкостью выступает в рутениевом и осмиевом ангидридах, в RuO_4 и OsO_4 (см. Рутений и Осмий), отвечающих типу RX_8 и достигающих предельной для окислов величины. То же свойство проявляется и в Ж. и выражается в способности его образовать высшую степень окисления — *железную кислоту*, отвечающую типу FeX_6 , и упомянутые выше своеобразные соединения с окисью углерода, относящиеся к типам FeX_8 и даже FeX_{10} . Наибольшей прочностью в обыкновенных условиях обладают соединения типа окиси FeX_3 , в которые с крайней легкостью переходят как низшая закисная форма, так и та, которая соответствует железной кислоте.

Из соединений типа FeX_2 , отвечающих закиси Ж. FeO , самое обыкновенное есть *серно-железистая соль*, или *железный купорос* (в продаже — зеленый купорос, аптек. Ferrum sulfuricum oxudulatum). Эта соль получается при действии разведенной серной кислотой на Ж. (см. Железный купорос). Ж. купорос прекрасно кристаллизуется из водных растворов. Кристаллы его прозрачные и иногда весьма крупные, принадлежат к одноклиномерной системе, окрашены, как и обыкновенные соли закиси Ж., в бледно-зеленый цвет и содержат 7 паев кристаллизационной воды, так что имеют состав $FeSO_4 \cdot 7H_2O$. <..>

В технике Ж. купорос находит большое применение. Его употребляют для получения дымящей серной кислоты и окиси Ж. (мумия, см. далее), в красильном деле для получения черного цвета и восстановления индиго, для приготовления чернил, берлинской лазури, для осаждения золота из растворов, для очищения светильного газа и многих др. производствах; наконец, он представляет дешевое дезинфекционное средство, уничтожающее зловоние. Другие соли закиси Ж. малоупотребительны. Из галогидных солей, которые все растворимы в воде, упомянем лишь о *хлористом Ж.* ($FeCl_2$), получающемся при растворении Ж. в соляной кислоте (см. выше) и при действии хлора на накаленное докрасна Ж. В первом случае оно выделяется из раствора в соединении с кристаллизационной водой в мелких кристаллах состава $FeCl_2 \cdot 4H_2O$, а во втором, улечиваясь, осаждается в приемнике в безводном состоянии.

<..> *Окись* Fe_2O_3 есть одно из самых постоянных соединений Ж. и составляет в естественном состоянии одну из лучших железных руд (железный блеск, красный железняк, см. Доменное производство). В технике она является как побочный продукт при добывании нордгаузенской серной кислоты из железного купороса (см. выше) и как остаток от обжигания пиритов при производстве камерной серной кислоты. По виду это аморфный порошок, известный в продаже под названием *мумии* (Carut mortuum vitrioli) или *колькотара* и употребляемый как дешевая красная краска. Та же мумия в состоянии самого тонкого измельчения носит название *крокуса* и идет для полировки металлов и стекла. <..>

Все сведения о Ж., а также литература собраны в подробных руководствах, на которые здесь и указываем для желающих: Gmelin-Kraut, «Handbuch der Anorganischen Chemie» (Bd. III, 6 Aufl., 1875); Ladenburg, «Handwörterbuch der Chemie» (Bd. III, 1885); Wurtz, «Dictionnaire de Chimie pure et appliquée» (t. I, prt. 2 и Suppl., t. I); Graham-Otto, «Ausführliches Lehrbuch der Anorgan. Chemie» (IV Abth.) и др. Новейшую литературу можно найти в «Jahresbericht über die Fortschritte der Che-

mie», в «Jahrbuch der Chemie», в «Zeitschrift für Anorganische Chemie» и др. периодических изданиях. *П. П. Рубцов.*

3. Железо как медицинский препарат

Железо (в медицине) — в животном организме представляет столь важную составную часть крови (см.), а именно кровяных шариков, что всякое отклонение от нормальных отношений его в организме ведет к целому ряду болезненных процессов. Так, по многочисленным исследованиям известно, что гемоглобин свиной крови содержит 0,399 % Ж., бычьей — 0,4 %, лошадиной — 0,335 %, собачьей — 0,333 % и что содержанием его обуславливается физиологическое значение гемоглобина поглощать кислород. Поэтому, если по каким-либо причинам содержание Ж. в организме уменьшено, приходится прибегать к назначению внутрь различных препаратов Ж., которые распределяются на 3 группы: 1) препараты, действие которых обуславливается главным образом содержанием Ж. и заключается в повышении процессов кроветворения и в благотворном влиянии на общее состояние здоровья; 2) обладающие побочными вяжущими действиями и 3) действие которых зависит не только от Ж., но и от других входящих в препарат средств. Число всех препаратов громадно, начиная от чистого металлического Ж. (*Ferrum pulveratum*, *Ferrum hydrogenio reductum*), препаратов окиси Ж. (например, растворимая окись Ж. с сахаром), далее углекислые препараты его, железные соли органических кислот (лимонной, яблочной, молочной), органические препараты Ж. (раствор натриево-железистого альбумината и др.). Побочным, сильно вяжущим действием отличаются серноокисное и хлорное Ж. Наконец, к III группе относятся такие препараты, как йодистая, виннокалиевая соль с винно-железной солью, как лимонно-хинная соль с лимонно-железной солью и др. Наконец, одна из весьма употребительных форм назначения внутрь Ж., это — железные минеральные воды (Спа, Пирмонт, Эссенуки № 18, Швальбах, Столыпинские источники и др.). Выбор того или другого назначения обуславливается всегда индивидуальными особенностями больного. *Г. М. Г.*

Таким образом, словарь Брокгауза и Ефрона дает очень подробные сведения о железе. В кратких однотомных энциклопедических словарях информация значительно сокращена. В них оставляются только самые важные и необходимые сведения, которые представляют интерес не для специалистов, а рядового пользователя. Поэтому здесь нет специальных терминов, формул, но приводятся основные сведения о физических и химических свойствах железа, использовании железа в различных областях науки и техники, хотя информация в целом носит обобщенный характер, ср. [15, с. 438—439]:

ЖЕЛЕЗО (лат. *Ferrum*) Fe, хим. элемент VIII группы периодич. системы Менделеева, ат. н. 26, ат. м. 55,847. Блестящий серебристо-белый металл. Образует полиморфные модификации; при обычной тепр-ре устойчиво α -Fe (кристаллич. решетка куб. объемноцентрированная) с плотн. 7,874 г/см³. α -Fe вплоть до 769 °С (точка Кюри) ферромагнитно; тпл 1539 °С. На воздухе окисляется — покрывается рыхлой ржавчиной. По распространенности элементов в природе Ж. находится на четвертом месте; образует ок. 300 минералов. На долю сплавов Ж. с углеродом и др. элементами приходится ок. 95 % всей металл. продукции (чугун, сталь, ферросплавы). В чистом виде практически не используется (в быту железными часто наз. стальные или чугунные изделия). Необходимо для жизнедеятельности животных организмов; входит в состав гемоглобина.

Когда это слово появилось в русском языке? «Сводный словарь современной русской лексики» первым указывает словарь Ушакова (в сводный словарь включены только 14 наиболее популярных словарей современного русского языка). Однако историко-этимологический словарь может дать сведения о времени появления этого слова в русском языке [20, с. 296]:

ЖЕЛЕЗО, -а, ср. — «химический элемент, самый распространенный в природе (после алюминия) металл, тяжелый, ковкий, серебристого цвета, в соединении с угле-

родом образует сталь и чугун». *Прил. железный, -ая, -ое, железистый, -ая, -ое.* Укр. <..> блр. <..> болг. <..> с.-хорв. <..> словен. <..> чеш. и словац. <..> польск. <..> в.-луж. <..> др.-рус. (с XI в.) **жѣлесо, жѣлезный** (Срезневский, I, 850—853). Ст.-сл. **желѣзо, желѣзнь, желѣзныи** (SJS, I: 11, 597). = О.-с.и.*zel(e)zo: *zelezo. <..> Ср. лит. gelezis, жем. gelzis — «железо»; латыш. dzelzs — тж.; др.-прус. gelso. <..> И.-е. база могла быть *ghel(ē)g'h- — «название металла» (Pokorny, I, 435). Т. о., это в сущности балто-славянское слово лучше считать неясным по происхождению, возможно, очень старым заимствованием из какого-то пока еще неизвестного нам древнего языка Европы. По Махеку, — «вероятно, праевропейское» (Machek, ES, 593).

Таким образом, словарь П. Я. Черных указывает на то, что слово *железо* является очень древним — общеславянским (а возможно и общеиндоевропейским) — по происхождению; в древнерусском языке слова *железо* и *железный* фиксируются с XI века. Ср. также «Полный церковно-славянский словарь» Г. Дьяченко [9, с. 180]:

Желѣзо — σιδῆρος = желѣзо, меч (Втор. 33, 25).

Словарь русского языка XVIII века дает более подробные сведения о значении и употреблении слова, которые сложились к этому времени [12, с. 105]:

ЖЕЛЕЗО, а, ср. □ им. мн. -а и -ы. 1. ед. *Металл.* Тут варят желѣзо и уклад и привозят на продажу к городу Архангельскому. Оп. путей 664. Желѣзо из всех металлов самое крепкое и самое полезное. Бюшинг 54. В оной крѣпости имѣется намѣстнический пространный и великолѣпный каменный дом, крытый по всему строению и службам листовым желѣзом. Пут. Зуева 187.

2. *также мн. Изделие из железа; заостренная железная часть какого-л. предмета, орудия, оружия.* Копье с малым желѣзом (вострѣем). ЛВ I 1. Соха употребляется самая легкая, о двух рожках, с небольшим железом. Рдщв ППС III 130. ◇ П я т н а т ь ж е л е з о м . К л е й м и т ь . От палача .. запятнан желѣзом. Артикул 71 (2 паг.). | *Ритор. О холодном оружии, о доспехах.* Стихотворцы, и самые историки, часто желѣзо вмѣсто оружия употребляют. Кнт. Сат.V 206. [Вестник:] Меч был в груди ево: мы ток кровавый зрѣли. Он пал к нам в руки: мы желѣзо извлекли. Сум. Синав 176. Хладное желѣзо пронзает Эмилиину грудь. МЖ I 70.

3. *мн. Оковы, кандалы на заключенных; узы.* Коль с невинных снял желѣзы, Ускорил коль правый суд; .. Делал то, что дѣлать должно: И без чина ты почтен. Држ. Соч. II 206. П о с а д и т ь , с к о в а т ь в ж е л е з а , б ы т ь в ж е л е з а х . Ежели кого скуют в желѣза, тот, естли оныя разорвать каким-либо образом может, уходит из неволи. АП 223. В желѣза, во оковы посадити. ВЛ 32. | *Образно.* И вольный Грек забыв желѣзы, Пролет пред ним сердечны слезы. Дмтр. I 27. Дерзнулъ сии разторгнуть узы, Сии желѣза нѣжной Музы. Бобр. Херс. 18.

∞ **Ковать желѣзо, пока горячо.** *Быстро пользоваться благоприятными обстоятельствами для осуществления чего-л.* Мы всѣ болѣе удивлялись тому, что полководцы и командиры наши не старались ковать желѣзо, покуда оно было еще горячо, и не спешили иттить вслѣд за убѣгшим неприятелем. Зап. Блтв I 556. [Марина:] Не теряйте времени: надобно ковать желѣзо, пока горячо. Левш. Свадьба 22.

Словарь XVIII века отмечает также ряд слов, производных от *железо*: **желѣзина** 'железная окалина', **желѣзистый, желѣзнистый** 'имеющий в своем составе железо', **желѣзко** 'небольшой металлический инструмент; металлическая часть некоторых инструментов', **желѣзник** 'тот, кто делает железные вещи, торгует ими', **железно** (значение не ясно), **желѣзноватый** 'с примесью железа', **желѣзный** I. 'Относящийся к железу (в I знач.), содержащий

в себе железо'; 2. 'Свойственный железу (в 1 знач.); такой, как у железа'; 3. *Перен.* 'Сильный, крепкий; стойкий, неколебимый'; **желѣзняк** 'камень, содержащий железную руду, не пригодную к плавке' **желѣзцо(це)** 1. 'Уменьш. к железо (во 2 знач.); железная часть какого-л. небольшого предмета, орудия, оружия; 2. мн. (редко) ласк. к железо (в 3 знач.)', а также группу слов с начальной частью **железо...**: **желѣзонагревательный, желѣзоплавильный, желѣзоплавящий, желѣзоплющильный, желѣзорезный** и т. п.; см. также: **желѣзоделаемый, желѣзоломка, желѣзоподобный, желѣзоцветный, желѣзо-красный, желѣзо-льдистый.**

В словаре В. И. Даля фиксируются те же значения слова *железо* и его производных, которые отмечены в словаре XVIII века [3, с. 532], ср.:

ЖЕЛѢЗО ср. *залѣ(и)зо юж. зап.* металл, крушець, выплавляемый изъ руды въ видѣ чугуна, и выковываемый из сего послѣдняго подѣ кричнымъ молотомъ. Въ соединеніи с углеродомъ, оно образуетъ сталь. Въ продажу желѣзо идетъ въ видѣ: *полосоваго* или *сортоваго*; первое прямо изъ-подѣ кричнаго молота; оно бываетъ: *широкое, узкое, круглое, брусковое* ипр. второе перековано: *шинное, резное, листовое* ипр. *Ржа желѣзо ѣсть. Моль одежду, ржа желѣзо, а худое братство нравы тлѣть. Деньги желѣзо, а платье тлѣнь. При рати желѣзо дороже золота. Желѣзом и золота добуду. Ржавое желѣзо не блеститъ. Заруби деревомъ на желѣзе. Что оцѣрился, аль желѣзо увидал? Въ огнѣ и желѣзо плавко. Въ горну и желѣзо надсядется. На то дорогу золотомъ устлали, чтобъ она желѣзо ѣла. Куй желѣзо, пока кипитъ (пока горячо). Лезу я, лѣзу по желѣзу на мясную гору?* садиться на лошадь. *Желѣзо* или *желѣза*, вязи, оковы, кандалы, ножныя, ручныя цѣпи; желѣзныя конскія путы. *Желѣзко, желѣзце* ср. желѣзный обломокъ; мелкая желѣзная, стальная вещь, вставляемая въ какое-либо орудіе или колодку, ипр. копьецо стрѣлы, рѣзецъ рубанка, желѣзная часть долота ипр. **Желѣзный**, изъ желѣза сдѣланный, почему либо къ желѣзу относящийся; подобный желѣзу по крѣпости, жесткости, цвѣту ипр. *Желѣзная руда*, из которой добывается желѣзо; *желѣзный заводъ*, заведеніе, гдѣ оно выплавляется, выковывается; *желѣзный рядъ*, гдѣ оно продается *желѣзными торговцами*. *Желѣзный сокъ*, заводск. брызги и отломки отъ крицы, кричный сокъ. *Желѣзная лошадь*, сѣро-желѣзная, желѣзнаго цвѣта, масти. *Устюжна желѣзная*, а люди въ ней каменные, за осаду ея при самозванцахъ. *Желѣзная дорога, желѣзянка*, чугунокъ. *Желѣзное колесо*, тул. арктической поясъ. *Желѣзныя руки*, сильныя, но грубыя и неуклюжія. *Желѣзный человекъ*, стойкій, твердый; терпѣливый, спорый; || немилосердый, бездушный. *Желѣзное здоровье*, крѣпкое. *Либо желѣзную цѣпь, либо золотую, добуду. Ссуды пишутъ на желѣзной доскѣ, а долги на пескѣ. Желѣзное-дерево*, бакаутъ, гваякъ; назыв. такъ и др. весьма твердыя тропическ. породы дерева. **Желѣзный-корень**, растн. *Sentaurea scabiosa*. *Желѣзный урокъ* или *желѣзное* ср. стар. пеня, пошлина съ виновнаго, въ пользу властей, за наложеніе оковъ. *Желѣзовая лошадь* см. *масть*. **Желѣзистый** прл. содержащій въ себѣ желѣзо. *Желѣзина*, окаль, окалина, гарь, огарки; желѣзная, горѣлая блестящая, осыпающаяся во времяковки. || Кусокъ, полоса желѣза...

Как видно из приведенной части словарной статьи, в словаре Даля отмечается больше слов, производных от слова *железо* (**железянка, железное, железина** и др.), а также значительно большее число устойчивых сочетаний с этим словом: **железо полосовое, сортовое, шинное, резное, листовое; Ржа желѣзо ѣсть; Моль одежду, ржа желѣзо, а худое братство нравы тлѣть; Деньги желѣзо, а платье тлѣнь; При рати желѣзо дороже золота;**

Желѣзом и золота добуду; Ржавое желѣзо не блестить; Заруби деревомъ на желѣзе; Что ощерился, аль желѣзо увидал?; Въ огнѣ и желѣзо плавко; Въ горну и желѣзо надсядется; На то дорогу золотомъ устлали, чтобъ она желѣзо ѣла; Куй желѣзо, пока кипить (пока горячо) и т. д.

Наиболее полное лингвистическое описание слова *железо* дается во втором томе «Словаря русского языка» под редакцией А. А. Шахматова [13, с. 328—329]:

Желѣзо, а, ср. (мн. желѣза, см. это сл.). (Цсл. **желѣзо**; сербск. жељезо; болг. желѣзо; польск. *zelezo*; чешск. *železo*; малор. желізо и залізо; белор. желѣзо и залѣзо). Мин. Минерал. Встречается: 1) в видѣ самороднаго желѣза (теллурическаго, метеорическаго или метеорнаго) и 2) в видѣ составной части различныхъ минеральныхъ массъ (акад. Чернышевъ). || Хим. Элемент, т. е. химически простое (неразложимое) тѣло, относимое къ группѣ металловъ. Чистое **жс.** имеетъ серебристо-бѣлый цвѣтъ и удѣльный вѣсъ 7, 84; плавится оно при температурѣ, которая выше плавленія серебра, золота, никеля и стали, т. е. около 1,400° и 1, 500°, и ниже, чѣмъ платина (1, 750°). Но гораздо ранѣе сплавленія, чистое **жс.** становится мягкимъ и тогда легко куется, сваривается и вытягивается в листы и проволоку. Мендел. Осн. хим.

Листовое, полосовое, брусковое, клиновое, крестовое, круглое, проволочное, рельсовое, тавровое, угловое, фасонное, шаблонное, вальцованное, кузнечное, котельное, обручное и т. д. *железо*, см. эти сл.

Нельзя не вспомнить, что въ вѣка грубой силы **жс.** было драгоценнымъ металлом. Розень, Колизей (Реперт. и Пантеонъ 1840, № 1, 136). Я любилъ смотрѣть, какъ прядали искры изъ-подъ молота, ковавшаго раскаленное **жс.** С. Акс. Воспоминания. **Ж.** ржа съѣдаетъ, а сердце печаль погубляетъ (посл.). **Ж.** ржа съѣдаетъ, а завистливой отъ зависти погибаетъ (Собр. др. посл. 1770 г.). Точит она его теперь, какъ ржа **жс.** Остр. Гроза. Куй **жс.**, пока горячо! (посл.). «Терпи», кузнецъ желѣзу говоритъ (посл.). В огне и **жс.** плавко (посл.). Онъ слышалъ, какъ бились крыльями в стекла церковныхъ оконъ и в желѣзныя рамы, какъ царапали съ визгомъ когтями по **жс.**-у. Гог. Вій. Какъ ты полагаешь, Евгений, не лучше ли намъ прижечь **жс.**-омъ? Тург. Отцы и Д. || Ж е л ѣ з о в обработке, особенно: жечь. Каменный домъ, **жс.**-омъ крытый. Л. Толст. О народн. образ. Уцеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными **жс.**-омъ. Пушк. Пут. в Арзр. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ **жс.**-а. Гог. Игроки. || Обшивать или обивать, крыть **жс.**-омъ. || Ж е л ѣ з о в м. сталь. Онъ снялъ чистый булатъ, дорогую турецкую саблю, изъ первейшаго **жс.**-а. Гог. Тар. Бульба. || Б у л а т н о е, -нее желѣзо, булатъ - желѣзо: мягкое узорочное желѣзо.

Всѣ подпруги - то шелковыи,
Шпеньки желѣза - то булатняго,
А стремена краснаго золота.

Он. был. Гильф. I, 267.

Дороже булатъ - желѣзо краснаго видъ (вѣдь) золота? Он. был. Гильф.

Желѣзо в м. желѣзные доспехи, вещи, желѣзное оружие, орудіе. Тогда явился самъ Карлъ. Онъ былъ въ желѣзѣ. Гран. Пред. о Карлѣ В. При рати **жс.** дороже золота. Послов. Даля.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рекъ!
Пушк. Осень.

И пена легкая — бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ —

Съ желѣза (удиль коня) падает на прахъ.

Лерм. Бояр. Орша.

Много везу и отселѣ: золота, меди багряной,
Плѣнныхъ, красно опоясанныхъ женъ, и
сѣдое желѣзо (оружие).

Гнѣд. Илиада, IX, 366.

Визжитъ желѣзо (кандалы) подъ пилою.

Пушк. Кавк. плѣнн.

Надѣтъ должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать.

Жук. Орл. дѣва.

Ярополкъ всталъ, извлек из себя окровавленное ж... Карамз. И.Г.Р. *Дрожащая рука напрасно скользила по шеѣ и груди какъ бы ища места, гдѣ бы остановить острее смертоноснаго ж-а.* Кудрявц. Римск. женщ.

На князя голова глядѣла,
Желѣзо (копье) грызла и блѣднѣла.

Пушк. Русл. и Людм.

Множество сильныхъ тельцовъ подъ ударомъ
желѣза (ножа) ревлѣло.

Гнѣд. Илиада, XXIII, 835.

Какъ молодой барашекъ, почувшій подъ сердцемъ смертельное ж... Гог. Тар. Бульба. *Народъ есть острое ж., которымъ играть опасно.* Карамз. Письма русск. пут. || Заковать въ желѣзо — въ желѣзные оковы. *Закуютъ его в ж. или въ темницу посадятъ.* Л. Толст. Вражье лѣпко, а Божье крѣпко. — ср. желѣза. || *Пытать желѣзомъ — жечь раскаленнымъ желѣзомъ.*

Пытай желѣзомъ и огнемъ —

Я не признаюся ни в чемъ.

Лерм. Бояр. Орша.

Желѣзо — лѣкарство, содержащее в себѣ желѣзо. (напр. желѣзные пилюли). *Домашній докторъ давалъ ей рыбій жиръ, потомъ ж.* Л. Толст. Анна Кар. || Желѣзо въ знач. капканъ на волка или медведя (ср. желѣза). Луж. (Срезневская).

Желѣзо въ опредѣленіяхъ физической природы человѣка: *Петръ I был сложенія, ж-омъ окованнаго; къ вещамъ и людямъ прикасался онъ желѣзною рукою.* Вяземск. VII 347. *Пойди прочь, у тебя руки жестче ж-а.* Гог. Ночь передъ рожд. *Бакенбарды черныя, какъ смоль, греческій профиль — и губы, какъ из ж-а вылитыя.* Тург. Вешн. воды. *Надобно было видѣть эту невысокую, сбитую какъ ж., фигуру.* Л. Толст. *Рубка лѣса.* || Духовныя стороны человѣка сопоставляются съ желѣзомъ, какъ съ синонимомъ безчувственности или твердости. *У него сердце изъ ж-а выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ.* Гог. Страшн. мечь.

Души ихъ были суровѣй желѣза; рвеніе удвоивъ,
Начали снова работать они и, убійствомъ заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной
жертвы.

Жук. Судь Божій.

Упряма ты! Упряма, какъ желѣзо.

Остр. Тушино.

Это не человекъ, а ж. Остр. Поздняя любовь. *Ну, ужъ я не знаю! Ты каменная какая-то! Ж., просто ж.! Да и то подается.* Остр. Свои соб. грыз.

Обл.: жолѣзо: В е р х о т у р. Жалѣзо: А к м о л. (прогр. № 75), О н е ж. (прогр. № 41): Жилѣзо, залѣзо, золѣзо, зелѣзо, зелизо, зализо, см. залѣзо.

Ж е л ѣ з а, см. это сл.

Такая полнота описания слова обусловлена теоретическими и практическими установками словаря и его редактора: А. А. Шахматов считал необходимым включить в словарь и описать по возможности все особенности употребления слова не только в литературном языке, но и за его пределами (в территориальных и социальных диалектах), а также случаи индивидуально-авторского употребления.

Следующим по времени составления является словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Словарь этот стремился отразить изменения, которые происходили в русском языке в первой трети XX века. Слово *железо* описывается в нем так [16, с. 853]:

ЖЕЛЕЗО, а, мн. (только устар. поэт.) ы, ср. **1.** только ед. Самый распространенный в природе тяжелый металл серебристого цвета, с примесью разных количеств углерода, образующий сталь и чугун. *Изделия из железа.* || Химический элемент из группы металлов (хим.). *Зеленая окраска листьев и красная окраска крови обусловлены присутствием в организме железа.* **2.** только ед., собир. Железные предметы, изделия из железа (спец.). *Торговать железом.* **3.** только ед. Лекарственный препарат из железистых веществ (мед.). *Он принимает ж. от малокровия.* **4.** только мн. Цепи, оковы (устар., поэт.). *Увы! Куда ни брошу взор, везде бичи, везде железы.* Пшкн. ◇ **Заковать в железо кого** (книжн., устар.) — надеть на кого-н. кандалы.

[железо]. Первая часть составных прил., в знач. железо и железный, напр. железоделательный, железопрокатный, железозинковый.

В словаре Ушакова отмечены новые слова, связанные со словом *железо*, и новые значения у уже зафиксированных слов, например: **железобетон**, **железобетонный**, **железнодорожник**, **железнодорожный**, **железосплав**; **железка** 'то же, что железная дорога (простореч., устар.); азартная карточная игра, то же, что девятка [перевод фр. *chemin de fer*, букв. железная дорога]', **железко** 'строгающая железная пластинка, вставляющаяся в колодку рубанка'. Словарь Ушакова приводит целый ряд сочетаний, которые не были отмечены в рассмотренных выше словарях: **железная дорога**, **за железной решеткой**, **железный крест**, **железный блеск**, **железное дерево**.

Словарь С. И. Ожегова основывается на словаре Ушакова, но словарная статья значительно сокращена, хотя при этом сохранена самая важная информация о слове [8, с. 163], ср.:

ЖЕЛЕЗО, -а, ср. **1.** Химический элемент, тяжелый металл серебристого цвета, главная составляющая часть чугуна и стали. **2.** Изделия из этого металла. *Торговать железом.* **3.** Лекарство, содержащее железистые вещества. *Принимать ж.* || прил. **железный**, -ая, -ое (к 1, 2 знач.). *Ж. гвоздь. Железная дорога* (см. дорога). *Ж. век* (эпоха первобытной культуры, в к-рую человек начал применять железо).

Такую же информацию, но с большим числом иллюстративных примеров, дает 17-томный словарь [14, с. 60]:

Железо, -а, ср. **1.** Химический элемент, твердый ковкий металл серебристого цвета, образующий в соединении с углеродом сталь и чугун. *Температура плавления железа выше температуры плавления серебра.* □ *На земной поверхности — в ручьях...* Ферсман, Заним. геохимия. ◇ В сравн. *Пойди прочь, у тебя руки крепче железа.* Гог. *Ночь перед Рожд.* [Дмитрий:] *Жестокий, непреклонный, Бесчувственный и твердый, как железо, Безжалостен к себе народ московский.* Остр. Дм. Сам.

2. Железные листы, полосы, изделия из железа. *Ущелие замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом.* Пушкин. Путеш. в Арзрум. *Я забежал .. на кузницу, где я любил смотреть, как прядали искры из-под молота,*

ковавшего раскаленное железо. С. Акс. Восп. *Гремит железо, — это едут ломовики: длинные полосы, свешиваясь с телег, задевают за камни мостовой, взвизгивают, как от боли, ревут, гудят.* М. Горький, Трое. || Железные доспехи воина. [Иоанна:] «Надеть должна ты латы боевые, В железо грудь младую заковать». Жук. Орлеан. дева. *Мы с Рерихом вздумали надеть настоящие рыцарские костюмы, весившие более пуда .. Облачились мы в это железо в квартире Рериха и отправились на бал.* Рылов, Восп.

3. Лекарство, содержащее препарат железа. Толст. *Модест стал принимать железо и чувствует себя лучше, но все еще слаб.* Чайков. Письмо Н. Ф. фон Мекк, 2 июня [1880].

— Срезневский: ж е л љ з о ; Поликарпов, 1704: ж е л љ з о .

Железо... Первая часть сложных слов, вносящая значение сл. железо (в 1-м и 2-м знач.), напр.: железоникель, железобетон, железосплав, железопрокатчик и т. п.

В «Большом академическом словаре русского языка» вносятся уточняющие пометы, выделяется новое (4-е) значение [1, с. 594—595], ср.:

ЖЕЛЕЗО, а, ср. 1. Химический элемент; твердый ковкий металл серебристого цвета, образующий в соединении с углеродом сталь и чугун. *Температура плавления железа. Окислы железа.* □ *На земной поверхности — в ручьях, реках, озерах, болотах — странствует железо, и растения всегда находят для себя этот важный химический элемент, без которого растительная жизнь невозможна.* Ферсман, Заним. геохимия.

2. Разг. Малоуглеродистая сталь. *Я забежал .. на кузницу, где я любил смотреть, как прядали искры из-под молота, ковавшего раскаленное железо.* С. Акс. Восп. ◇ В сравн. — *Пойди прочь, у тебя руки жестче железа.* Гог. Ночь перед Рожд. [Дмитрий:] *Жестокий, непреклонный, Бесчувственный и твердый, как железо, Безжалостен к себе народ московский.* А. Остр. Дм. Самозванец. *Он натренирует свое тело и сделает его как железо, чтобы оно было достойно нового, великолепно-го сердца.* Нагиб. Чуж. сердце. // *Изделия из такой стали. Кровельное железо.* □ *Гремит железо, — это едут ломовики: длинные полосы, свешиваясь с телег, задевают за камни мостовой, взвизгивают, как от боли, ревут, гудят.* М. Горький, Трое. *Мы с Рерихом вздумали надеть настоящие рыцарские костюмы, весившие более пуда .. Облачились мы в это железо в квартире Рериха и отправились на бал.* Рылов, Восп.

3. Устар. и разг. О лекарственном препарате, содержащем соединения этого элемента. *Здоровье ее становилось хуже. Домашний доктор давал ей рыбий жир, потом железо.* Л. Толст. Анна Карен. *Я назначал железо при малокровии.* Верес. Зап. врача. — *А я мерзну. Я все время мерзну. Гемоглобин упал... сорок восемь всего. — Пейте железо. Вы ведь тоже медик... Железо! Это отличное средство.* Г. Семенов, Сладок твой мед...

4. Перен. Разг. Суровость, непреклонность. — *А если я не попрошу, а потребую? — вдруг произнес Саша твердо и даже с железом в голосе.* Герман, Я отвеч. за все.

~ **Выжигать/выжечь каленым железом.** См. В ы ж и г а т ь. **Куй железо, пока горячо.** См. К о в а т ь.

— Срезневский: ж е л љ з о ; Поликарпов, 1704: ж е л љ з о .

Словарь под ред. Г. Н. Складчиковской отмечает новое значение слова *железо* [17, с. 343—344]:

Железо, -а, ср. *Информ. Жарг.* Аппаратные средства компьютера в отличие от его программного обеспечения. *Компьютер при этом нужен не простой, а помощнее. Точнее, подойдет любое «железо», но именно процессоры последних разработок обеспечивают устойчивую быструю работу «Виртуального салона красоты».* П-Э, 13.01.03. *Аналитик компании JMP Securities Пэт Вэлрвенс .. объясняет дальнейший рост значимости софта тем, что его разработка требует использовать более интенсивно, чем раньше, чужую интеллектуальную собственность — а компьютерное «железо» становится лишь потребительским товаром.* ФИ, 07.05.03.

То же значение, а также некоторые другие, фиксирует словарь русской разговорной речи [19, с. 176]:

ЖЕЛЕЗО, -а, ср., собир. *Жарг.* О различных устройствах, механизмах, конструкциях, основную часть которых составляет металл, металлические детали, предметы. 1) *Спорт.* Снаряжение, включающее металлические предметы в экипировке спортсмена (например, альпиниста). — *На фигу тебе столько железа? — А без него в горах делать нечего.* 2) Корпус, днище и другие металлические части автомобиля. *Машина хорошая, движок, ж. все в норме.* 3) *Спец.* Корпус компьютера и его детали — аппаратное обеспечение в противопоставлении программному содержанию. *Менять надо компьютер, все ж. старое. Иваныч не программист, он по железу специалист.*

◆ **Куй железо, не отходя от кассы.** *Шутл., разг.* Делай важное дело, не откладывая, пока есть деньги. • Пародийное соединение пословицы «куй железо, пока горячо» в том же значении и призыва к покупателям в магазине «Проверяйте деньги, не отходя от кассы». Выражение вошло в обиход после выхода на экраны фильма «Бриллиантовая рука» (1969 г., пост. Л. Гайдай). *Ну что, Петрович, надо ехать, куй железо, не отходя от кассы, а то опередят!*

В словаре просторечия находим как известные, так и новые значения слова *железо* [19, с. 133]:

ЖЕЛЕЗО, -а, ср. 1. Надежный человек. *Сергея — он ~, после трех бутылок приползет.* 2. Металлический рок. 3. Мелочь, металлические деньги. 4. Приспособления для занятий атлетизмом (гири, гантели и т. п.). *Заниматься ~ом. Я бросил ~, только бегая.* 5. Машина, обычно плохая. *На советском ~е катаюсь.* 6. в зн. нареч. Точно, наверняка. *Никому не проболтаешься? — ~!* ◇1 **Куй ~, пока Горбачев** — пользуйся, пока Горбачев у власти, делай деньги. ◇2 **Море мяса и ~а** — автокатастрофа, авария. < 2. и 3. — ср. МЕТАЛЛ; ◇1 — перефразированная обшечупотр. пословица «Куй железо, пока горячо»>.

Это указывает на то, что слово *железо* может иметь и другие значения в сферах употребления, находящихся за пределами литературного языка. О том, как используется слово *железо* в различных социальных диалектах, говорит сводный «Большой словарь русского жаргона» [7, с. 181]:

ЖЕЛЕЗО, -а, ср. в знач. собир. 1. *Спорт. культ.* Гантели, гири, штанги и другой инвентарь культуриста. «Качалки» — подвалы с «железом» (*штангами, гирями, гантелями и пр.*). АиФ, 1992, № 27. *Иные настолько пристрастились к «тасканию железа», что гантели и спортивные снаряды стали для них чем-то вроде наркотиков.* Ровесник, 1990, № 3, 23. ◆ **Заниматься железом.** Быть культуристом, заниматься атлетизмом. Елистратов, 133. **Таскать железо.** То же. Елистратов, 133.

2. *Спорт. (культ.) мол.* Культуризм. *Посмотреть выступления культуристов пришло немало любителей «железа».* ЧП, 02.11.99.

3. *Угол. мил.* Оружие. Грачев, 1997, 62.

4. *Угол.* Коронки, вставные металлические зубы. ТСУЖ, 55; ББИ, 77; Балдаев, 1, 128. ◆ **Хвастаться железом.** *Шутл.-ирон.* Улыбаться. ТСУЖ, 55.

5. *Мол. Угол.* Монеты (чаще о валюте). — *А железо берете? — Доллары? Конечно!* Никитина, 1996, 58; + ТСУЖ, 55; Елистратов, 133; Мильяненко, 119; ББИ, 77; Балдаев, 1, 128.

6. *Угол.* Деньги. СРВС, 1, 201; 2, 176; Грачев, 1997, 62.

7. *Муз.* Тарелки (ударный инструмент). Никитина, 1998, 126.

8. *Муз.* Металлические части электрогитары. *Все это железо можно на новую доску поставить.* Никитина, 1998, 126.

9. *Муз.* Динамики в акустических системах. *Всю систему не будем менять, только железо купим.* Никитина, 1998, 126.

10. *Мол. Муз.* Любая электронная музыкальная аппаратура. *Накупил себе полхаты всякого железа.* Югановы, 78.

11. *Жрр.* Автомашина (обычно плохая, старая). Елистратов, 133. // *Мил.* Обломки автомашины после аварии. ♦ **Авария с железом; авария без железа.** См. АВАРИЯ.

12. *Комп. Шутл.* Аппаратная часть компьютера. Садошенко, 1996. *Железо* — hardware — все, что не программа, — корпус, платы, карты, принтер. Никитина, 1998, 126. *Представители ведущих фирм отечественного сетевого рынка — производители «железа» для ПО и Интернета.* МК, 20.03.98; + Ваулина, 45; Шейгал, 207, 208; Мас.

13. *Мол., муз.* Металлический рок. Елистратов, 133. *Не только Хрюша, но и вся редакция «Спокойной ночи» предпочитает слушать железо.* ЦТВ, 11.04.92.

14. *в знач. нареч. Мол.* Точно, наверняка. — *Никому не проболтаешься?* — *Железо.* Елистратов, 133.

Новые значения слова *железо* находим и в словаре Н. А. Каланова [5, с. 141]:

ЖЕЛЕЗО, -а, ср. 1. Корабль, судно. 2. Флот. 3. Надежный человек. «*Все! Больше не плаваю! Все! Есть приказ, — сказал командир атмосфере и, повернувшись к лодке, поклонился ей. — Прости, «железо», больше не могу!*» (Покр. 1-130). «*Флот, флот... Что такое флот? — Флот — это люди. А еще что? — Флот — это «железо».* — *А еще? — Флот — это люди, вросшие в железо*» (Покр. 1-318).

Значениями слова *железо* обуславливается сочетаемость его с другими словами. По сочетаемости слова можно определить его наиболее частотные значения [18, с. 156]:

ЖЕЛЕЗО, род. железа, ср.

Химический элемент, тяжелый ковкий металл серебристого цвета; обиходное название малоуглеродистых сталей; (*также собир.*) изделия из таких сталей.

Чистое, мягкое, раскалённое, кровельное, листовое... **железо**.

Запасы, залежи, месторождение, содержание в чем-л., получение, выплавка, обработка, отсутствие, нехватка (*разг.*), какие-л. (физические, химические...) свойства, температура плавления, ковкость, теплопроводность, электропроводность, атомный вес, атом, коррозия, окисление, окись, закись, окисел, качество, лист... **железа**; сплав, соединение... **железа** с чем-л. Изделия... **из железа**. Богатый, бедный... **железом**.

Искать, найти, выплавлять, получать, обрабатывать, использовать, применять... **железо**. Крыть что-л. (дом, сарай...), обить что-л. **железом**.

Из железа (делать что-л. ~ ...).

Железо окисляется, ржавеет, как-л. (хорошо, плохо...) проводит что-л., идет на что-л. ...

○ *Чистое железо в природе не встречается. Железо легко подвергается коррозии.*

Сочетаемость слова *железо* характеризует прежде всего физические и химические свойства железа, а также различные способы его обработки.

Слово *железо* широко используется и в составе устойчивых сравнений [6, с. 194—195]:

ЖЕЛЕЗО (ЗЕЛЕЗО) *Будь твоё тело крепче камня, рубаха крепче **железа**, грудь крепче камня Алатыря. см. **Камень**.

ноги у кого как из железа. То же, что

ноги у кого как железные.

парень словно из железа скован. *Одобр.* Об очень крепком, сильном, выносливом молодом человеке. Д. 4, 201; СРНГ 38, 44.

руки у кого жестче железа. То же, что

руки у кого как из железа. БАС 4, 60.

руки у кого как из железа (как железо). О чьих-л. крепких, с жесткой хваткой руках. Лит. Ср. **рука как железная.** Женское сердце что ржа в **железе**. См. **Р.** (вода) **как железо.** Пск. О воде ржавого цвета. СППП 2001, 95.

глодать **кого** как ржа **железо** см. **Р.**

Деньги — железо, а платье — тлен. *Посл.* Денежные накопления более долговечные, чем вещные. ДП, 82.

есть *кого* как ржа **железо** см. **Р.**

жечь (обжигать) как [каленное] железо (как [каленным] железом). О чем-л. сильно обжигающем или остро охлаждающем. Лит.

лучше железо уваривать, чем кого уговаривать. *Коми. Неодобр.* О крайне несговорчивом, своенравном, упрямом человеке. Еобелева 2004, 122. (мох) **как железо.** *Печор.* Об очень твердом, жестком мхе. СРГНП 1, 205.

Пора что железо: куй, поколе кипит. *Посл. Народн.* Все необходимо делать вовремя, пока есть возможности, благоприятные условия. ДП, 561.

(прочный, крепкий) **как железо.** О чем-л. очень прочном, стойком, исключительно крепком. (Ч. Айтматов). Лит. Ср. **сталь, клинок.**

тверд (твердый) как железо. 1. *Разг. Пск.* О чем-л. (материалах, веществах, продуктах и т. п.) очень твердом, жестком, крепком, прочном, устойчивом. СППП 2001, 95. 2. *Кар.* О крепкой, твердой поверхности чего-л. (напр., панциря у жука) СРГК 2, 45. 3. О чем-л. твердом, мужественном, решительном и упорном характере. БАС 4, 60; Мих., 162; Леб.; SČF, 408. Ср. **сталь.**

темно-красный как каленое железо. О чьей-л. темно-красной (от сильного жара, духоты, загара, обветренности и т. п.) коже. Лит. Ср. **каленный, бронзовый, медь.**

точить (есть) [поедом] разьедасть как ржа (аржа) [железо] см. **Ржа.**

(трава) **как зелено.** *Печор. Неодобр.* Об очень жесткой, твердой траве. СРГНП 1, 244.

холоден (холодный) как железо. *Книжн.* О хладнокровном, рассудочном, расчетливом и бесчувственном человеке. Мих., 162.

(человек) **как железо.** 1. О необычайно выносливом, физически сильном человеке. 2. О необычайно стойком, упорном, волевом, негибком человеке. Тимошенко 1897, 11.

шипеть как каленое железо, когда плюнешь. *Народн. Ирон.* О злобно шипящем человеке. ДП, 133; Жигулев 1958, 81.

жечь (обжигать) как [каленным] железом см. **жечь как железо.**

забивать/забить как железом. *Брян.* О бьющем по земле, льющемся с силой дожде. Бойцов 1986.

скрежетать (скрипеть) как железом по стеклу. *Неодобр.* О крайне фальшивой, неприятно резкой и дисгармоничной игре на каком-л. музыкальном инструменте или пении. SČF, 161. Ср. **телега.**

ходить по чему как по железу. *Ср. Урал.* О плохо пилящейся пилой древесине. СРНГ 15, 211.

Таким образом, данные словарей показывают, что слово *железо* было актуальным в русском языке всегда. Оно активно употреблялось во всех сферах использования русского национального языка, как в письменной, так и в устной речи. С течением времени данное слово расширяло сферу использования, в связи с чем увеличивалось количество его значений. Расширился и круг слов и устойчивых выражений, образованных на основе слова *железо*.

Заметна также соотносительность энциклопедического описания железа с толкованием значений слова *железо* в лингвистических словарях.

2. Особенности употребления слова *железо*: комментарий к описанию слова *железо* в словарях. Результаты анализа лексикографического описания слова *железо* можно обобщенно представить в виде следующей таблицы.

Значение	В современном русском языке	В языке XX века	В языке XIX века	В языке XVIII века	В языке до XVIII века
1	2	3	4	5	6
Железо (хим. элемент)	+	+	+		
Железо (металл)	+	+	+	+	+
Железные изделия (предметы, орудия, оружие, доспехи)	+	+	+	+	+
Капкан на волка или медведя			+		
Орудия пыток			+	+	+
Железные части предметов (орудий, оружия и т. п.)	+	+	+	+	+
Кандалы (оковы, узы)		-/+ (устар.)	+	+	+
Обработанное железо (жесть, булат, сталь, чугун, полосовое и т. п.)	+	+	+		
Аппаратные средства компьютера	+	+			
Механизмы, устройства, основная часть которых сделана из железа	+	+			
Металлические предметы в снаряжении спортсмена, альпиниста и т. п.	+	+			
Культуризм	+	+			
Оружие	+	+			
Металлические зубы	+	+			
Монеты	+	+			
Деньги (валюта)	+	+			
Корабль	+	+			
Флот	+	+			
Металлические ударные муз. инструменты	+	+			
Металлические части электрогитары	+	+			
Динамики в акустических системах	+	+			
Металлический рок	+	+			
Автомашина (обычно плохая, старая)	+	+			

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6
Обломки машины после аварии	+	+			
	(мил.)				
Лекарственный препарат	+	+	+		
	(устар. разг.)	(мед.)	(мед.)		
Надежный человек	+	+			
	(морск.)				
Суровость, непреклонность	+	+			
	(разг.)				
Бесчувственность, твердость			+		
Точно, наверняка	+				
	(мол.)				

Таблица показывает, что слово *железо* является очень древним (общеславянским или даже индоевропейским). В русском языке оно встречается в текстах с XI века. В словаре Срезневского зафиксированы слова *железо* и *железный*. Эти слова в древнерусском языке употреблялись в значениях 'металл' и 'изделие из этого металла' (оружие — меч, нож; металлические части орудий — наконечники стрел, копий; металлические наконечники сохи). С XVIII века фиксируется значение 'металлические доспехи', 'оковы, кандалы', 'металлические орудия пыток'.

В XIX веке в связи с расширением представления о железе и появлением научных знаний об этом веществе (пониманием, что железо — необходимый элемент в жизнедеятельности живых организмов) у слова *железо* возникает новое значение 'лекарственный препарат, содержащий железо'. В это же время вследствие развития промышленности, появляется другое значение — механизмы, устройства, основная часть которых состоит из этого металла.

В XX веке, по данным словарей, объем значений слова *железо* существенно расширяется. Это связано с тем, что словари начинают фиксировать значения слова *железо* не только в письменных текстах, но и в устной речи и в разных сферах общения: в территориальных и социальных диалектах. Так, в «Словаре русского языка» под редакцией А. А. Шахматова отмечено областное значение слова *железо* 'капкан на волка или медведя', а в «Словаре морского жаргона» указывается, что слово *железо* используется для обозначения корабля или флота.

Вместе с тем таблица показывает, что с течением времени какие-то значения слова *железо* устаревали и выходили из употребления. Например, в словарях XX века перестают фиксироваться такие значения слова *железо*, как 'кандалы' и 'лекарственный препарат, содержащий железо'.

Наряду с этим можно отметить, что некоторые известные к XX веку значения становятся более конкретными и «приспособленными» к новому времени: слово *железо*, которое ранее использовалось для обозначения холодного оружия, теперь употребляется для обозначения огнестрельного оружия.

Таким образом, данные словарей отражают углубление представлений человека о самом этом металле и расширении использования этого вещества в различных сферах экономики и промышленности (ср. *железо* для обозначения аппаратных средств компьютера).

Исходя из данных словарей, мы можем проследить, как изменялся объем значения слова *железо* и сам характер изменений. Это можно показать в виде следующей схемы (стрелка вправо указывает на дальнейшее развитие, стрелка влево — на утрату актуальности данного значения в современном русском языке; отступы от левого края страницы — на последовательность «шагов»).

I. Хим. элемент > лекарств. препарат <

II. Металл > обработанное ж. > метал. изделия:

оружие (меч, нож) > пистолет, автомат

орудия пыток <

орудия охоты (капкан)

кандалы <

орудия труда, инструменты

> спорт. снаряжение, снаряды и т. п. > туризм

> муз. инструменты (тарелки) > динамики > метал. рок

> метал. зубы

> монеты > деньги (валюта)

> метал. части оружия, орудий и т. п. > метал. части электр. гитары

> механизмы из ж. > автомобиль > старый, разбитый а.

> корабль > флот

> аппаратная часть компьютера

III. Свойства ж.:

прочность, крепость, твердость > надежный человек

> суровость, непреклонность

> холодность, бесчувственность

Особо обратим внимание на пункт III. Схема показывает, что слово *железо* может приобретать и абстрактные значения. В частности, различные физические и химические свойства железа служат основанием для характеристики свойств и качеств человека.

Анализ лексикографического описания слова в словарях разных типов и разного времени создания дает возможность получить объективное представление об истории бытования того или иного слова в языке с момента его возникновения до современного состояния не только в целом, но и на каждом историческом отрезке. Данные словарей сообщают нам информацию не только о слове как языковой единице, но и о реалии (объекте внеязыковой действительности) в том виде, в каком это представляется носителю языка в тот или иной исторический период.

Анализ показывает, что лингвистические словари достаточно точно и полно отражают информацию о предмете, обозначенном словом, содержащуюся в энциклопедических словарях (ср. информацию в словаре Брокгауза и Ефрона и толковых словарях русского языка). Из этого можно сделать вывод, что для получения максимально полной информации о слове необходимо обращаться к словарям разных типов и разного времени создания.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2006. Т. 5. 693 с.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедия : в 86 т. с ил. и доп. материалами. М. : ИДДК, 2003. (6 CD-ROM).
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1989. Т. 1. 699 с.
4. Елистратов В. С. Словарь московского арга : материалы 1980—1994 гг. М. : Рус. слов., 1994. 700 с.
5. Каланов Н. А. Словарь морского жаргона : около 1500 слов, 1400 идиоматических выражений. М. : Азбуковник : Рус. слов., 2002. 477 с.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб. : Норинт, 2000. 717 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1952. 848 с.
9. Полный церковно-славянский словарь / сост. Г. Дьяченко. М. : ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. Т. 1. 608 с.
10. Сводный словарь современной русской лексики : в 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. М. : Рус. яз., 1991. Т. 1. 800 с.
11. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981—1984. Т. 1. 698 с.
12. Словарь русского языка XVIII века. СПб. : Наука, 1992. Вып. 7 : Дерево — За-лежь. 263 с.
13. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб. : Тип. императ. акад., 1887. Т. 2. 951 с.
14. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948—1965. Т. 4. 1363 с.
15. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М. : Сов. энцикл., 1990. 1632 с.
16. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл., 1935—1940. Т. 1. 1565 с.
17. Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
18. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М. : Рус. яз., 1978. 688 с.
19. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб. : Норинт, 2004. 768 с.
20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : 13 560 слов. М. : Рус. яз., 1993. Т. 1. 623 с.

К ВОПРОСУ ПОСТРОЕНИЯ ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНОЙ СХЕМЫ ЛЕКСИКИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Статья посвящена вопросу необходимости и основного назначения построения логико-понятийной схемы терминологии в целом, а также терминологии общественно-политической жизни в частности. Рассматриваются основные этапы выделения логико-понятийных отношений на материале общественно-политического вокабуляра, начиная с определения таких компонентов, которым соответствуют какие-либо самостоятельные фрагменты в общей структуре данного отраслевого знания, описания тематического охвата рассматриваемой сферы и ее положения относительно других областей и заканчивая детальным изучением структуры текста по его подклассам, выявлением и определением внутренних иерархических отношений.

Ключевые слова: логико-понятийная схема, общественно-политическая лексика.

The article is devoted to the problem of necessity and main purpose of working out the conceptual schema of terminology in general and of socio-political vocabulary in particular. The key objective of the present research is to consider the basic stages of conceptual relations on the basis of socio-political vocabulary. It ranges from defining the structure components that some independent fragments of the general structure of the given LSP knowledge correspond to, to describing the subject coverage of the sphere under consideration and its niche among other spheres, to detailed examining of the text structure, setting and defining their hierarchical relations.

Key words: conceptual schema, socio-political vocabulary.

Безусловно, логико-понятийные схемы (ЛПС) оказывают большую помощь как составителям, так и пользователям словарных изданий. С одной стороны, «предварительно разработанный систематический список, упорядоченный строго иерархически с логико-понятийной точки зрения, является основой формирования словника» [1, с. 37]. Действительно, методы, основанные на предварительном моделировании ЛПС, характерной для данной науки или отрасли знания, помогают решить ряд проблем, возникающих при создании терминологического словаря: уменьшить субъективизм при формировании словника; (не)включить в словник различные виды терминов, наименований, которые представляют собой план выражения того или иного звена ЛПС, независимо от их стилистической окраски, сферы употребления и субъективного отношения к ним автора; предварительно оценить объем словаря. С другой стороны, ЛПС помогают пользователям словарного справочника получить наглядное представление о структуре предметной подобласти и отношениях между понятиями.

В основе лексикографического описания термина лежит его сущность как знака особого типа, соотносящего звуковую и буквенную оболочку не с обычным понятием, как это происходит у слова, а со специальным понятием. Специфика описания термина в словаре в том, как справедливо отмечает В. Д. Табанаква, что, определяя термин, мы определяем им обозначаемое понятие через соотнесение этого понятия с другими специальными понятиями.

ми [5]. Следовательно, определение термина в словаре — это отражение определенной части терминологической понятийной системы.

Лингвистические особенности термина и прежде всего его логическая сущность позволяют лингвисту обеспечить полноту и адекватность лексикографического описания термина.

ЛПС определенной терминосистемы отражает логические типы отношений между специальными понятиями, обозначенными терминами данной терминосистемы. К таким отношениям можно отнести родовидовые, синонимические, однородные отношения и т. д. Эксплицитное отражение понятийных отношений может осуществляться на синтагматическом и парадигматическом уровнях. Так, на синтагматическом уровне можно воспроизвести эти отношения в устной и письменной речи путем перечисления терминов-синонимов, однородных терминов, родовидовых пар терминов и других с условно-обозначенным характером их отношений. На прагматическом уровне можно представить понятийную иерархию графически, отразив при этом определенную совокупность понятий, связанных разными типами отношений.

Еще десять лет назад многие специалисты конкретных областей знаний в большинстве своем не видели необходимости лингвистического анализа терминосистемы. В то же время лингвистический анализ специальных словарей, составленных специалистами без предварительного логико-понятийного анализа терминологии и без учета лексикографических принципов описания терминов, наглядно показывает их низкую информативность. Это было подробно показано В. Д. Табанаковой, которая в 1987 г. в журнале «Известия Академии наук СССР» в статье «Анализ геологических словарей» изложила результаты своего исследования 12 геологических словарей, выделив их основные недостатки. Представляется целесообразным перечислить сформулированные ученым единые научные требования для устранения подобных недостатков:

1) предварительный логико-понятийный анализ терминологии. Связи и отношения внутри терминосистемы должны быть смоделированы, а затем раскрыты в словаре соответствующими способами и средствами семантизации;

2) выделение в результате анализа терминосистемы всех семантических признаков терминов будущего словаря, а также любой другой информации, которая войдет в словарь в соответствии с его конкретными задачами;

3) единообразное оформление однотипных словарных статей в рамках одного словаря;

4) активное участие лингвистов в составлении толковых терминологических словарей [4].

В настоящий момент в традиции российской лексикографической практики разработка ЛПС является необходимым предварительным этапом работы над терминологическим словарем, поэтому в самих изданиях они практически не встречаются, а редкие исключения обычно оформляются в виде общего понятийного поля, без графического выделения различных типов отношений между понятиями. Эффективность и результативность исследования и описания терминологии обуславливается проведением логико-понятийного анализа.

Как отмечают И. С. Кудашев и И. О. Кудашева, в Финляндии включение логико-понятийных схем в словари фактически является нормой, причем графически выделяются три наиболее важных типа отношений: родовидовые, партитивные и функциональные [2]. Основные правила оформления логико-понятийных схем описаны в стандарте ISO «Terminology Work: Principles and methods» [6, р. 6—14]. Кроме того, ученые подчеркивают, что финским Цен-

тром терминологической работы разработан ряд дополнительных способов графического представления логико-понятийных схем.

Необходимо отметить, что в западной традиции используются словосочетания «понятийная схема» (*conceptual schema*) и «модель данных» (*conceptual data model*) [8]. Понятийная схема представляет собой систему понятий определенной предметной области, с обозначением их взаимоотношений и структурной организации. Графически она отображается в виде диаграммы структуры данных (*data structure diagram — DSD*).

Суть моделирования ЛПС заключается в построении идеального структурного, функционального и структурно-функционального аналога, или модели, под которой понимается некоторая формальная система, выведенная логическим путем и являющаяся аппроксимацией лингвистического объекта, что позволяет показать его скрытые от наблюдения свойства, а также распространить на него выведенные в результате изучения модели законы [3, с. 98].

На первом этапе выделения логико-понятийных отношений определяются такие компоненты структуры, которым соответствуют какие-либо самостоятельные фрагменты в общей структуре данного отраслевого знания, описывается тематический охват рассматриваемой области знания и ее положения относительно других областей. Так, терминология общественно-политической жизни взаимосвязана с политологией, социологией, дипломатией, экономикой, процессами эмиграции и миграции, экологией, философией, СМИ, культурологией, парламентской процедурой и т. п. (рис. 1) Это обусловлено сферой функционирования общественно-политической лексики (ОПЛ).

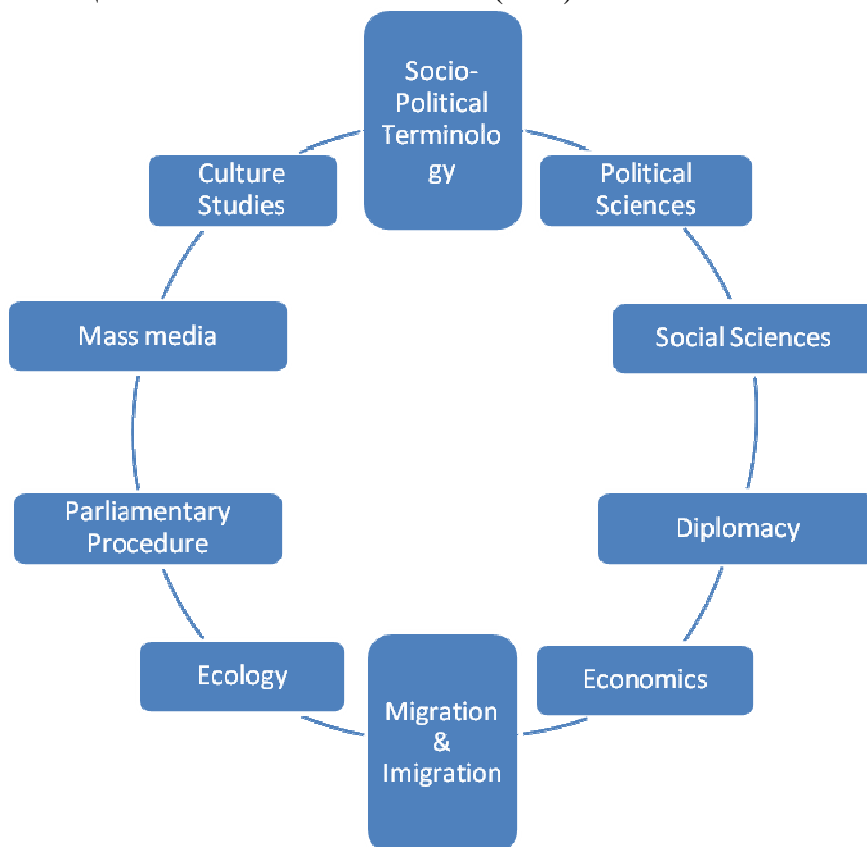

Рис. 1

На данном этапе целесообразно дать определение интересующей нас ОПЛ (*socio-political lexis*): совокупность лексических единиц, обозначающих понятия и реалии общественно-политической жизни. В них часто репрезентируются особенности социального устройства, присущие разным общественно-экономическим формациям, поэтому они являются культурно и идеологически значимыми и могут неодинаково оцениваться представителями различных обществ/идеологий. Более того, ОПЛ находит свое широкое употребление в средствах массовой информации и объединяет в себе терминологию из различных отраслей знания.

Ранее общественно-политическая лексика была описана в различных публикациях. Терминологию общественно-политической жизни составляют: термины военного дела (*martial law; casualty; aerial bombardment; torture; to implement a cease-fire; on-going assault*), антитеррористических действий (*to hijack a vessel; ransom; to gun down; to shoot dead; to take hostages*), борьбы с пиратством (*anti-smuggle efforts; fall prey; to patrol pirate-infested waters off*); термины, связанные с национально-освободительным движением (*breakaway republic; collapse; coup; refugee*), общественными движениями и акциями протестов (*protest rally; Occupy Wall Street Movement; riot; to oppose social injustice*); политическая лексика (*G-20 summit; post-Cold War era; president elect; election campaign; election fraud*), отдельным индексом вынесены наименования международных (вне)государственных организаций, документов, соглашений и т. п. (*NGOs, IGOs, Greenpeace; UNO; Global Water Policy Project; World Business Council for Sustainable Development; Friends of the Earth; Comprehensive Test Ban Treaty — CTBT; Nuclear Nonproliferation Treaty; Bretton Wood Treaty*); терминологический аппарат процесса разоружения (*banning ballistic missile testing; nuclear facilities; Nuclear Nonproliferation Treaty; nuclear weapons program*), термины социальной сферы (*relief plan; child abuse; ethnical; social unrest*), здравоохранения (*swine flu; anthrax; pandemic level; outbreak; man-to-man disease; WHO cautions; to raise public-health alarms*) и т. д.

Общая схема ОПЛ представлена на рис. 2.

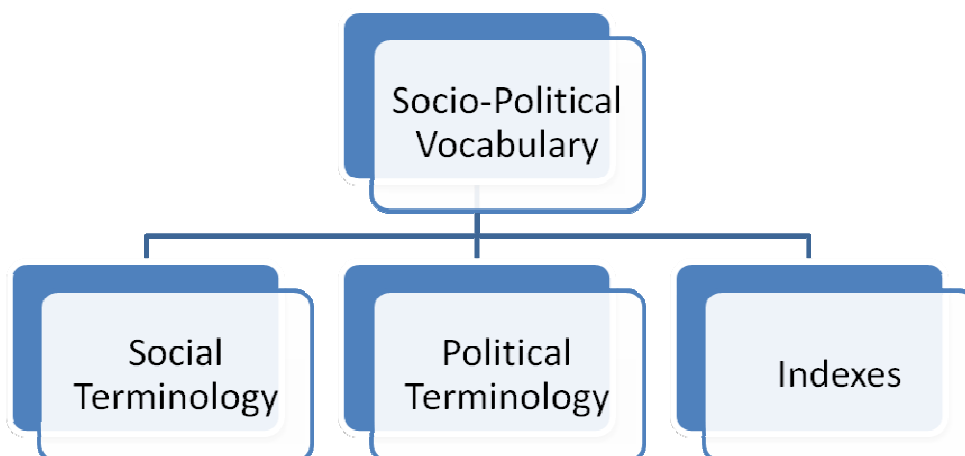

Рис. 2

Каждая из данных групп — социальная терминология; политическая терминология; индексы (списки) — состоит из более мелких подгрупп (рис. 3).

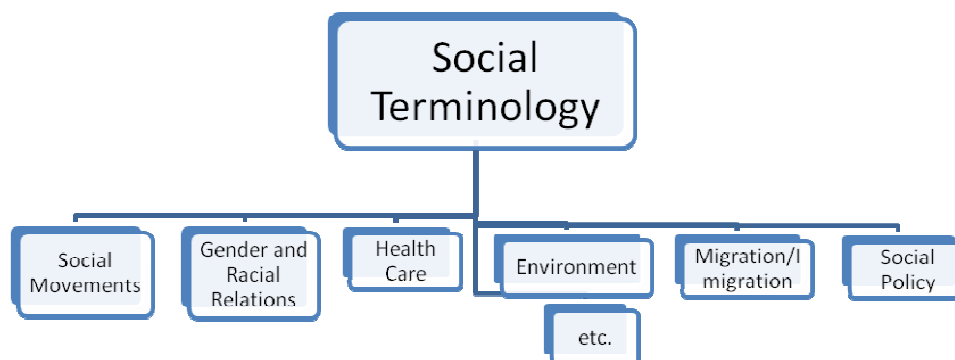

Рис. 3

Аналогично группу «Политическая терминология» можно разделить на следующие подгруппы:

- *Political Notions (=structure of the government; political set-up);*
- *Terms of Parliamentary Procedure;*
- *Military Terms;*
- *Antiterrorist Activity Terms;*
- *Antipiracy Activity Terms;*
- *National-Liberation Movements Terms;*
- *Disarmament and (Inter)national Security Maintenance Terms;*
- *Etc.*

В раздел «Индексы (Списки)» входят списки (не)правительственных организаций, названия официальных документов и стандартов, соглашения и договоры, имена политиков, дипломатов и иных видных общественных деятелей.

Данная схема является рабочей и может видоизменяться и дополняться в ходе дальнейших исследований.

Важно отметить, что в западной традиции термин ОПЛ (*socio-political (sociopolitical) words*) не настолько широко распространен, особенно в лексикографии. Во многих англоязычных словарях *общественно-политическое* определяется как имеющее отношение, связанное или подразумевающее сочетание как социальных, так и политических факторов (<http://www.merriam-webster.com/dictionary/sociopolitical>, <http://dictionary.reference.com/browse/sociopolitical>). Поэтому в зарубежной лексикографической практике доминируют значительно более узко специализированные справочные издания: *Taegan Goddard's Political Dictionary*; *A Glossary of Political Economy Term*; *Internet Relay Chats Politics: Glossary of Political Terms*; *American Spirit. Political Dictionary*; *Plano, J., Greenberg, M. The American Political Dictionary (2001)*; *Safire, W. Safire's Political Dictionary (2008)*; *Sperber, H., Trittschuh. Dictionary of American Political Terms (1986)*; *The Fast Times Political Dictionary*; *Political Dictionary*; *Webster's Dictionary of Legal, Lawful and Propaganda Terms*; *Hofstadter R. The American Political Tradition: And the Men Who Made it*; *Specialist Online Dictionary: Political Dictionaries and Glossaries*; *Political Science and Public Affairs*

Reference and Web Resources; NATO-RUSSIA Military & Political Dictionary; Political Grassroots: Political Terms; Boaz D. The Politics of Freedom: Taking on The Left, The Right and Threats to Our Liberties; The 2010 Political Dictionary from A to Z; Law C. Women, a Modern Political Dictionary; Clifton J. The Forbidden Political Dictionary Complete and Unapproved; Shimoni Y. Political Dictionary of the Arab World; The Blackwell Dictionary of Political Science: A User's Guide to Its Terms; Rossi E.E., McCrea B.P. The European political dictionary и т. д.

Согласно А. С. Герду, на втором этапе моделирования логико-понятийной схемы исследователь переходит уже к детальному изучению структуры текста по его подклассам, к выявлению и определению внутренних иерархических отношений [1, с. 28]. Работа с русско- и англоязычными выпусками новостей ведется нами на протяжении длительного времени (с 1997 г.). Это позволяет сделать вывод, что общественно-политическая лексика характеризуется довольно динамичным развитием, актуальность лексических единиц диктуется событиями общественно-политической жизни. Практически настоящий этап нашего исследования уже невозможен без обращения ко всей лексике данного подъязыка. Эта работа сейчас продолжается, и ее результаты будут представлены в следующих публикациях.

В заключение необходимо отметить, что отдельно взятая логико-понятийная схема является лишь иллюстрацией, фрагментом отношений между терминами. Например, в словарной статье *financial crisis* подобные отношения можно передать при помощи синонимов/антонимов, устойчивых словосочетаний со словом *crisis*, а также коллокаций из СМИ: *Global economic meltdown; Global economic crisis; Steadily deteriorating economic situation; Economic downturn; Recession; Global economic slump; Global financial retrenchment; Economic hurricane; Crisis of credit and confidence.*

Идея словарного описания логико-понятийных отношений реализована в нашей модели электронного учебного переводного терминологического словаря общественно-политической лексики. Обучающий характер словаря обеспечивается структурой и содержанием словарной статьи, эксплицитно отражающей объем научного понятия и его место в системе понятий данной области.

Библиографический список

1. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 70 с.
2. Кудашев И. С., Кудашева И. О. Полезные дополнения к традиционной практике составления переводных терминологических словарей : (на примере двух финско-русских словарей). URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/42.htm> (дата обращения: 05.01.2012).
3. Лунева О. В. Лингвостилистическое исследование подъязыка специальности «Цифровые сигнальные процессоры». Иваново : Иван. гос. ун-т, 1996. 195 с.
4. Табанакова В. Д. Количественный анализ геологических словарей // Изв. АН СССР. Геология. 1987. № 9. С. 133—136.
5. Табанакова В. Д. Логико-понятийный анализ терминологии и его прагматика. URL: <http://frgf.utmn.ru/mag/1/24> (дата обращения: 05.01.2012).
6. ISO 704:2000. Terminology Work — Principles and Methods. Geneva : ISO, 2000.
7. Manual of Specialised Lexicography. The Preparation of Specialised Dictionaries / Ed. by H. Bergenholtz, S. Tarp. Amsterdam : Benjamins, 1995. 256 p.
8. Technical Report for IRDS Conceptual Schema / Ed. by S. K Perez., A. K. Sarris. Pt. 1 : Conceptual Schema for IRDS ; Pt. 2 : Modeling Language Analysis. X3/TR-14. N. Y. : American National Standards Institute, 1995.

ББК Ш 101 + Ш 143.21-1

К. М. Денисов

**МЕТАЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВАРЯ
В. Н. НЕМЧЕНКО «ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ФОНЕТИКИ
В ТЕРМИНАХ»**

Статья посвящена анализу одного из немногих специализированных словарей фонетической терминологии, составленных и изданных в нашей стране. Основной задачей статьи является критический анализ этапных достижений названного словаря в создании универсальной фонетической терминологии. На примере словаря В. Н. Немченко отмечается целенаправленность выбора и воплощения единых концептуальных и прикладных принципов создания LSP-справочника.

Ключевые слова: фонетическая терминология, количественный анализ словника, качественный анализ словаря, терминологическая система.

The article is devoted to the analysis of one amongst few specialized dictionaries of phonetic terms, compiled and published in this country. The core objective of the article is the critical survey of the mentioned dictionary achievements in creation of the universal phonetic terminology. The dictionary made by V. N. Nemchenko serves as an example of purposeful choice and implementation of unified conceptual and applied principles of an LSP reference book creation.

Key words: phonetic terminology, quantitative analysis of macrostructure, qualitative analysis of the dictionary, terminological system.

Современные тенденции развития лексикографии указывают на необходимость создания LSP-справочников нового поколения, которые представляют собой, во-первых, удобные и подробные навигационные инструменты в понятийном поле описываемой отрасли знания; во-вторых, средства обучения владению метаязыком этой науки; в-третьих, компактные и информационно достоверные специализированные учебные пособия для подготовки и совершенствования специалистов. В этой связи перед лексикографами стоит ряд актуальных задач. С одной стороны, это разработка методов регистрации и учета зачастую быстро меняющихся нужд и требований читателя, а с другой — поиск прямых и косвенных путей просветительского воздействия на того же читателя с целью осознания им собственной познавательно-исследовательской мотивации и развития лексикографической компетенции.

Фонетическая терминология находит отражение частично в общих толковых словарях, а также в специализированных словарях LSP, количество которых постоянно увеличивается. В основном речь идет о более специализированных справочниках (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966 ; Вишневецкая Г. М. Английский язык : краткий англо-русский словарь фонетических терминов. Иваново, 1999 ; Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М., 1962 ; Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford, 1991 ; *Idem*. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge, 1987 ; Roach P. Dictionary of Phonetic Terms. Cambridge, 1996 ; Trask R. L. A Dictionary of Phonetics and Phonology. London, 1996 и др.).

© Денисов К. М., 2012

Следует сказать, что принципы лексикографирования в данных словарях различны, поэтому перед специалистами встает проблема упорядочения всего объема терминологии и выбора оптимальной модели терминологического словаря нового поколения. В связи с развитием новых направлений в фонетике, новых методов исследования, взаимодействия смежных с фонетикой дисциплин вопрос о подробном изучении фонетической терминологии стал особенно актуальным. С целью создания универсального толково-энциклопедического словаря фонетических терминов следует провести поэтапный анализ существующих справочников данного LSP. На необходимость подобной критики и лексикографического анализа постоянно обращают наше внимание ведущие лексикографы [1, 2, 4—6 и др.].

Анализируемый словарь В. Н. Немченко «Основные понятия фонетики в терминах» по праву занимает видное место среди LSP-справочников. Он предназначен главным образом для студентов и преподавателей, занимающихся исследованием фонетики и лингвистики, и включает в себя термины, с которыми пользователь наверняка столкнется при прочтении профильных монографий, изучении соответствующих курсов и учебных программ. Лексикографический анализ словаря, как правило, начинается с анализа структуры, то есть с качественного анализа справочника. Исходя из этого, нам представляется целесообразным рассмотреть принципы построения словаря В. Немченко.

Справочник «Основные понятия фонетики в терминах» представляет собой печатный одноязычный терминологический словарь, который включает в себя введение, словник, приложение и оглавление.

Во введении сообщаются цели данного словаря, среди которых следует выделить улучшение научного уровня и повышение эффективности преподавания фонетики. Автор обращает наше внимание на тот факт, что в справочник включены также и термины из смежных и тесно связанных с фонетикой дисциплин.

В отдельном разделе введения — «Принципы составления словаря» — приводятся подробные указания по работе с ним.

Собственно словник включает в себя 230 страниц и содержит около 1500 входных единиц, которые расположены в алфавитном порядке.

Данный справочник освещает прежде всего звуковой строй современного русского языка. Тем не менее в словарь включены основные вопросы общей фонетики, а также частной фонетики других языков.

Необходимо отметить, что особую практическую ценность имеет создание таких терминологических словарей, в которых содержится более или менее полный перечень специальных наименований научных понятий и явлений соответствующей отрасли знания. В данный словарь по фонетике включены основные используемые в специальной литературе термины — не только общеизвестные, но и редко употребляющиеся, которые, как правило, отсутствуют в словарях лингвистических терминов. При этом в справочник входят термины не только простые, но и составные, или многословные.

По причине того что фонетика имеет большое лингвистическое значение, в справочник включена и общелингвистическая терминология, а также термины из смежных областей знания. Данный справочник предназначен прежде всего для студентов, именно поэтому составитель приводит ряд полезных для учащихся сведений, специальных обозначений. Все это усиливает энциклопедическую составляющую словаря.

В состав справочника включены основные анатомические термины и сведения о строении мышц речевого аппарата и их функциях в процессе ар-

тикуляции. Отражение в учебном терминологическом словаре артикуляционной стороны звукового строя языка представляется принципиально важным еще и потому, что наименования многих артикуляционных явлений мотивируют названия собственно фонетических, чисто звуковых явлений языка (губной звук, носовой гласный, губно-зубные и т. п.). Например:

Альвеолы. 1. Бугорки у корней передних зубов, образующие неровный выпуклый валик, служащий одним из пассивных органов речи. 2. Легочные пузырьки, располагающиеся в стенках бронхов, относящиеся к дыхательным органам речи.

Гортань. Один из основных органов речи, представляющий собой верхнюю часть трахеи в виде трубки из хрящей и обеспечивающий (вместе с голосовым аппаратом) образование голоса. (См.: Головин, 1983, с. 25—27; Зиндер, 1979, с. 88—89, 93; Кодухов, 1987, с. 105; Матусевич, 1959, с. 24—25, 29; Матусевич, 1976, с. 18—22).

Губы. Передние подвижные края ротовой полости, являющиеся активными органами речи. «Важным активным органом речи являются губы, особенно нижняя губа. Выпячиваясь вперед и округляясь, губы удлиняют общий объем резонаторной полости, меняют ее форму. Это создает особую окраску так называемых огубленных (лабиализованных) звуков, например [o], [u]...». (Маслов, 1987, с. 39; см. также: Гвоздев, 1973, с. 11, 14, 17, 19; Зиндер, 1979, с. 39, 149, 156, 197; Кодухов, 1987, с. 102—104, 106; Матусевич, 1959, с. 30, 33, 49, 77; Матусевич, 1976, с. 26, 75—80).

Характер входной терминологической единицы определяет построение микроструктуры словника (т. е. собственно словарной статьи). Следует отметить, что элементарные технические термины имеют краткое толкование. В сложных случаях справочник дает более полные и обширные толкования, в которых отражаются или установившиеся в науке взгляды, или различные точки зрения отдельных авторов.

Для *синонимичных терминов*, обозначающих одно и то же лингвистическое понятие, определение значения (или разных значений) приводится в одной словарной статье, при описании наиболее обычного, наиболее употребительного, частотного синонима.

Для *многозначных терминов* (терминов, используемых одновременно в различных терминологических подсистемах) указываются все значения, с которыми они употребляются в обследованных автором текстах. При этом в первую очередь объясняются те значения, которые являются наиболее обычными, чаще встречаются в специальной литературе. Определение каждого значения приводится в разных абзацах, с соответствующим цифровым обозначением.

Словарные статьи снабжены иллюстративными примерами, которые представляют собой разные по объему выдержки из текстов специальных лингвистических работ, содержащих описываемые термины, которые приводятся в виде цитат после объяснения значений терминов. Текстовые иллюстративные материалы используются в словаре с целью пояснения и уточнения определений значений описываемых терминов. Кроме того, в качестве иллюстративного материала приводятся отрывки текстов, в которых объясняются те или иные признаки, особенности обозначаемых терминами явлений.

При каждом текстовом иллюстративном примере в словаре делаются ссылки на текстовые источники: указывается фамилия автора цитируемой работы, год ее опубликования и страница (страницы) текста.

Введенный в словарь справочный аппарат (отсылки к текстам по описываемым терминам) дает возможность привлечь большой массив использованной при его составлении специальной литературы для углубленного, всестороннего изучения конкретных вопросов фонетики.

В тех случаях, когда иллюстративный материал в словарь не включается, обычно делаются отсылки к источникам, в которых описываются или употребляются соответствующие термины. Такие отсылки носят справочный характер, они могут быть использованы для поиска необходимой специальной литературы по соответствующим вопросам фонетики. Кроме того, они заключают в себе некоторую дополнительную информацию об описываемых терминах: о степени их распространенности, времени функционирования в историческом поле языковедения.

В результате анализа выяснилось, что словарная статья в рассматриваемом справочнике имеет следующую структуру: заглавное слово — дефиниция — иллюстративные текстовые примеры, поясняющие и уточняющие значение (межсистемные созначения) описываемого термина, со ссылками на текстовые источники. Например:

Звук прерванный. Смычный согласный, произносимый при резком разъединении сомкнутых органов речи, т. е. любой смычный, кроме носовых. (См.: Панов, 1979, с. 58).

Пауза. 1. Интервал между отрезками речи (фонетическими словами, речевыми тактами, синтагмами) как суперсегментная фонетическая единица, как компонент интонации. «...Фразы разделяются в речевой цепи паузами, т. е. остановкой звучания, разрывающего звуковую цепь; во время пауз говорящий вдыхает воздух, необходимый для произнесения следующей фразы». (Реформатский, 1967, с. 187). «...Пауза, с одной стороны, объединяет синтагму в единое целое, а с другой — отделяет ее от следующей». (Матусевич, 1976, с. 248; см. также с. 232—233). Т. п. см. также: Интонация. (Зиндер, 1979, с. 273; Матусевич, 1976, с. 241; см. также: Аванесов, 1956, с. 60—61; Зиндер, 1979, с. 14, 277—278; Кодухов, 1987, с. 124; Маслов, 1987, с. 46, 72; Рус. грам., 1980, с. 98; Щерба, 1957, с. 146; Щерба, 1974, с. 241).

2. То же, что выдержка смычки. (См.: Бондарко, 1977, с. 68, 71).

3. То же, что акустический нуль. (См.: Зиндер, 1979, с. 84; Панов, 1967, с. 202).

Графема составная. Сочетание разных буквенных знаков, используемое для обозначения одной фонемы. «По своему начертанию графема может быть составной; такова, например, графема *ch*, выступающая с разным значением в латинском письме ряда народов». (Маслов, 1987, с. 238).

Чтобы разобраться в структуре словника, проведем краткий анализ его количественного состава. В лексикографической практике приняты две методики анализа словаря: каждой 50-й или каждой 100-й страницы. Для данного исследования избрана первая методика.

Количественный анализ словника

№ п/п	Страница словаря	Буква алфавита	Количество слов на странице
1	1		
2	51	В	6
3	101	З	6
4	151	П	11
5	201	С	9
		<i>Итого:</i> 32	<i>Среднее:</i> 8

Из приведенной таблицы видно, что, подсчитав количество терминов на страницах 1, 51, 101, 151, 201, мы получили в сумме 32 термина. Можно вычислить, что в среднем на каждой странице словника расположено около 8 слов. Количество входных единиц зависит в первую очередь от количества значений того или иного слова и способа их интерпретации (подробной, с примерами, иллюстрациями, или же краткой).

После словника следует приложение: библиография, включающая в себя алфавитный перечень работ, которые В. Н. Немченко использовал при составлении данного словаря.

Изучив словарь «Основные понятия фонетики в терминах», можно сказать, что он предназначен для студентов-филологов, а также для преподавателей вузов и аспирантов исследовательских институтов лингвистического профиля.

Среди *достоинств* словаря В. Н. Немченко отметим следующие:

- 1) во введении подробно описаны принципы составления данного справочника и его использования;
- 2) словарные статьи сопровождаются текстовыми иллюстративными примерами, что облегчает понимание терминов;
- 3) справочник включает в себя термины смежных с фонетикой дисциплин;
- 4) справочный аппарат (ссылки на тексты по описываемым терминам) дает возможность привлечь использованную при его составлении специальную литературу для углубленного, всестороннего изучения.

Что касается *недостатков* словаря В. Н. Немченко, отметим два основных упущения в его мегаструктуре:

- 1) отсутствие некоторых необходимых приложений (логико-понятийной схемы, фонематических таблиц и пр.), что усложняет задачу пользователя и требует обращения к дополнительным источникам;
- 2) отсутствие ссылок на терминологические банки данных, чем, по мнению Д. Кристала, грешат все известные лингвотерминологические справочники [3, с. 30].

Словарь В. Н. Немченко «Основные понятия фонетики в терминах» в большей степени рассчитан на людей, занимающихся общим языкознанием, а не собственно фонетикой.

В качестве источников для отбора и описания терминов в словаре были использованы авторитетные лексикографические, учебные пособия и научные труды знаменитых ученых. Наличие надежных источников значительно повышает авторитетность словаря и делает его привлекательными для любого пользователя.

Автор словаря включил термины из смежных областей знаний, терминологические обозначения различных явлений в области графики, орфографии, орфоэпии, термины, отражающие устройство и работу речевого аппарата, названия технических средств. Другими словами, в словаре представлены термины, имеющие отношение к фонетике в широком ее понимании.

По объему словарь Немченко относится к разряду средних. Макроструктура издания достаточно стандартная. Словарь снабжен иллюстративными примерами, что, несомненно, повышает уровень его информативности.

При лексикографировании терминов автор проанализированного словарного издания использует описательные (в большинстве случаев) либо отсылочные дефиниции. Практически в каждой словарной статье имеются

примеры, то есть пользователь может сразу же увидеть, как данное слово используется в языке, а также предлагаются смежные термины. Наличие этимологической информации в словаре говорит и об учебной направленности справочника.

Библиографический список

1. *Авербух К. Я., Карпова О. М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода. М. : Академия, 2009. 173 с.
2. *Карпова О. А.* Английская лексикография : учеб. пособие. М. : Academia, 2010. 175 с.
3. *Crystal D.* The Linguistic Identity of English-language Dictionaries of Linguistics // *Lexicographica*. 1997. № 13. P. 17—33.
4. *Hartmann R. P. K.* European Dictionary Culture // *Proceedings of the Ninth EURALEX International Congress*. Stuttgart, 2000. P. 385—391.
5. *Mikkelsen H. K.* Towards the Ideal Special Language Translation Dictionary // *Hermes*. 1991. № 6. P.91—109.
6. *Nielsen S.* The Bilingual LSP Dictionary. Principles and Practice for Legal Language. Tübingen, 1994. 308 p.

ББК 81.432.4-3

М. В. Ополовникова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЗАГАДКЕ

Загадка рассматривается как особый тип текста, определяющий специфику употребления и интерпретации метафоры. Выявляются характерные особенности сферы-цели, сферы-источника и основания метафорического переноса в немецкоязычной загадке. Устанавливаются главные черты функционирования метафоры в текстах этого жанра.

Ключевые слова: загадка, метафора, сфера-цель, сфера-источник.

Under study is the riddle as a peculiar text kind influencing the features of metaphor use and interpretation. The article focuses on some specific aspects of the source domain, the target domain and the bases of metaphors in German riddles. The typical characteristics of metaphor use in this text kind are discussed.

Key words: riddle, metaphor, source domain, target domain.

Классическая народная загадка — один из основных фольклорных жанров [1, 3], с которым человек знакомится еще в детском возрасте и который способствует становлению его мышления и мировосприятия. Лингвистами загадка рассматривается как один из самостоятельных видов паремий [7, с. 80—107], служащих для краткого образного вербального выражения традиционных ценностей и взглядов, основанных на жизненном опыте народа [13]. Исследование загадки с ее специфической образной си-

стемой может иметь существенное значение для лингвокультурологии. Однако, несмотря на то что загадка несет в себе значительный пласт лингвокультурологических знаний, этот вид паремий остается одним из наименее изученных и зачастую игнорируется паремиологами, которые сосредотачивают свое внимание на других, более популярных предметах исследования: пословицах и поговорках. Также редко загадка становится объектом собственно лингвистического анализа, хотя, на наш взгляд, представляет собой своеобразный богатый языковой материал, достойный специального глубокого изучения.

Итак, интерес к загадке как объекту исследования обусловлен, с одной стороны, ее несомненной значимостью в культурном отношении и, соответственно, нагруженностью лингвокультурной информацией и, с другой стороны, спецификой ее языкового оформления.

Традиционно под загадкой понимается некое иносказательное изображение объекта, который нужно угадать. В загадке прямо или косвенно указываются признаки, на основании которых реципиент должен распознать загадываемый предмет или явление. Образность и установление связей и отношений между различными, как правило, очень далекими друг от друга объектами действительности является непременным атрибутом загадки: «Alle Rätseldichtung geht von der Deutung des Gegebenen aus: der Geist sieht allenthalben Beziehungen, die gleich feinen Fäden in und zwischen den Dingen weben, und die Einbildungskraft rafft ein Bündel solcher Fäden zusammen und formt daraus ein neues Bild» [10, S. 55].

В ряде определений загадки прямо указывается на ее метафорическую природу: «Загадка — метафорическое выражение, в котором один предмет изображается посредством другого, имеющего с ним какое-нибудь, хотя бы отдаленное сходство» [13]; «Загадка может быть определена как замысловатый вопрос, выражаемый обычно в форме метафоры» [3]. Отметим, что подобные трактовки загадки восходят к широко известному определению Аристотеля, который выдвинул тезис о том, что загадка — это хорошо сформулированная метафора. Оговоримся, что большинство современных исследователей справедливо рассматривают метафорические загадки лишь как один из видов загадки [6, 8, 11, 12]. Кроме того, как указывает ряд исследователей, понятие метафоры во времена Аристотеля было шире, чем его современное толкование, соответственно, неправомерно ограничивать класс загадок лишь теми, которые содержат метафору в ее современном, более узком понимании [12, S. 33].

Тем не менее метафорические загадки образуют ядро текстов данного фольклорного жанра, а метафоричность считается одной из основных характеристик загадки. Особенно широкое употребление какого-нибудь стилистического средства в том или ином жанре можно объяснить тем, что именно оно «больше всего отвечает специфическим особенностям данного жанра в художественном отражении действительности» [3]. Исходя из этого можно предположить, что использование метафоры в загадке способствует наиболее полному раскрытию специфики текстов данного жанра.

Что же представляет собой метафора в загадке? Какова ее роль в формировании этого жанра? И оказывает ли жанр влияние, в свою очередь, на функционирование и трактовку метафоры?

Метафора — один из наиболее изучаемых феноменов в современной лингвистике. Традиции ее исследования восходят к античности, к трудам

Аристотеля. В традиционном понимании метафора — это троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс объектов, аналогичный данному в каком-либо отношении [5, с. 296].

В современной отечественной и зарубежной лингвистике выработано несколько подходов к пониманию этого явления, основными можно считать субституциональный, интеракционистский и когнитивный.

С точки зрения субституционального подхода к метафоре метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения. Метафорическое слово служит для передачи смысла, который в принципе мог бы быть выражен буквально. В рамках этого подхода наиболее популярна сравнительная точка зрения [9]. Ее представители рассматривают метафору как эллиптическое или сжатое сравнение, т. е. предполагают, что в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии. Согласно этой теории метафорическое утверждение может быть заменено эквивалентным ему сравнением.

Представители интеракционистского подхода считают, что когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, значение которого как раз и есть результат этого взаимодействия [2]. Механизм создания метафоры требует, чтобы говорящий использовал систему импликаций (или систему «общепринятых ассоциаций», или особую систему, созданную для данного конкретного случая) как средство для выбора, акцентирования и связывания в систему признаков, важных для некоторой другой сферы.

Одним из самых распространенных на сегодняшний день подходов к интерпретации метафоры считается когнитивный. С точки зрения когнитивной теории суть метафоры состоит в «понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [4, с. 27].

Таким образом, взгляды лингвистов и философов на природу и сущность метафоры весьма различны, что обусловлено глубиной и многогранностью этого явления. С нашей точки зрения, все подходы имеют право на существование и могут рассматриваться не только в диахронии (как последовательно сменявшие друг друга), но и в синхронии (как палитра возможных интерпретаций явления метафоры). Правомерность и эффективность трактовки метафоры с той или иной точки зрения определяется, по видимому, несколькими факторами: типом дискурса, типом текста, интенцией говорящего и, как следствие, функцией метафоры. Неверное распознавание реципиентом целей употребления метафоры в той или иной ситуации может в ряде случаев являться причиной коммуникативной неудачи, хотя в других обстоятельствах (например, при употреблении метафоры в качестве персуазивного средства) нераспознавание истинной интенции желательно и выгодно для автора текста. Попробуем определить, с какой целью метафоры вводятся в текст загадки.

Рассмотрим структурные особенности текстов, относящихся к жанру загадки, и выявим те элементы текста, в которых присутствует (может присутствовать) метафора.

Что касается структурного оформления загадки, то все тексты этого жанра отчетливо распадаются на две части: собственно текст загадки и отгадку. Собственно текст загадки имеет разную синтаксическую форму и объем,

содержательно он состоит из описания загадываемого предмета, которое может сопровождаться вводными и заключительными конструкциями.

Метафоры в структуре загадки можно разделить на основную и вспомогательные. Сфера-цель основной метафоры — это, собственно, отгадка. Сфера-источник основной метафоры, как правило, упоминается в самом начале либо в конце текста загадки.

Сфера-цель вспомогательных метафор — это признаки (элементы), присущие загадываемому предмету или явлению. Вспомогательные метафоры (их сферы-источники) встречаются в описательной части загадки и нередко являются в ней структурообразующими. Следует, однако, отметить, что «расшифровка» вспомогательных метафор нередко становится доступна лишь после того, как реципиент узнает отгадку, тогда все образы, присутствующие в тексте загадки, встают на свои места и складываются в единую картину. Кроме того, не всегда просто определить, имеется ли в загадке вспомогательная метафора или же слова надо трактовать в их буквальном значении.

Таким образом, по признаку наличия либо отсутствия основной и вспомогательной метафоры все загадки можно подразделить на четыре группы:

- 1) загадки, содержащие как основную, так и вспомогательные метафоры;
- 2) загадки, содержащие лишь основную метафору;
- 3) загадки, содержащие только вспомогательные метафоры;
- 4) загадки, не содержащие ни основной, ни вспомогательных метафор.

Загадки первой и второй групп обычно называют метафорическими загадками, и именно они попадают в фокус нашего внимания в рамках данного исследования.

На наш взгляд, метафору в загадке целесообразно рассматривать придерживаясь субституционального и сравнительного подходов. Именно они наиболее адекватно отражают суть этого явления в текстах жанра загадки: слово, употребленное метафорически, используется вместо некоторого другого, эквивалентного ему либо служит для демонстрации (хоть и завуалированного) сходства или подобия. Попытки трактовки метафоры в загадке с иных позиций неизбежно приводят к коммуникативной неудаче, поскольку загадка не предназначена для того, чтобы посмотреть на загадываемый объект другими глазами, сквозь призму метафоры. Восприятие текста загадки как помогающего найти отгадку, наводящего на нужный ответ неверно, поскольку противоречивость и зачастую абсурдность описания выступают в качестве несомненных достоинств загадки: «Das Rätsel ist um so vollkommener, je unvollständiger oder widerspruchsvoller die Beschreibung an sich selber ist, die auf unsere Einbildungskraft wirken soll» [10, S. 57]. Это касается как основных, так и вспомогательных метафор.

Метафорический перенос осуществляется от сферы-источника к сфере-цели, где сфера-источник — это объект и его свойства, которые служат для характеристики другого объекта, а сфера-цель — объект, которому эти свойства приписываются. Сферы-источники как основной метафоры, так и вспомогательных обязательно эксплицитно представлены в тексте загадки, сферы-цели всегда имплицитны до момента оглашения отгадки.

Сферы-цели основной метафоры в загадке различны, но достаточно хорошо группируются по тематическому признаку; такое их членение обусловлено довольно ограниченным кругом загадываемых объектов, их частей и признаков и в основном совпадает с тематическими классификациями загадок. Сферы-цели вспомогательных метафор также можно классифицировать

по тематике, однако необходимо учитывать, что вспомогательные метафоры могут быть выражены не только существительным (что имеет место в подавляющем большинстве случаев основной метафоры), но и другими частями речи: глаголом, прилагательным. Основные сферы-цели метафоры в немецкоязычных загадках — предмет и его части (в том числе продукты питания), человек или животное и части тела, растение и его части, абстрактные, психические и физические явления.

Сферой-источником также выступают различные классы объектов, как правило предметы и человек.

Наиболее частотными в немецких народных загадках являются следующие типы метафорического переноса.

1. Сфера-источник «Предмет» → сфера-цель «Часть тела»:

Es ist eine kleine **Türe**
Über die ganze Welt kann
Hindurch gehen.
(**die Augen**)

В данной загадке основная метафора строится как типичный метафорический перенос со сферой-источником, представляющим собой предмет (eine Türe), и сферой-целью, в качестве которой выступает часть тела (die Augen).

2. Сфера-источник «Человек» → сфера-цель «Часть тела»:

Es sitzen zweiunddreißig **Gesellchen**
In einem kleinen *Ställchen*,
Sind lustig und munter,
Gehen auf und unter,
Und ein rotes **Mädchen** dabei
So sitzen sie alle recht schön in der Reih.
(**die Zähne und die Zunge**)

В этой загадке содержится две основные метафоры, сферы-источники которых относятся к тематической группе «Человек»: *Gesellchen* и *ein Mädchen*, а сферы-цели обозначают части тела: *die Zähne* и *die Zunge*. Отметим, что в этой загадке мы наблюдаем редкий случай, когда загаданный объект (*die Zunge*) метафорически описывается как существо женского пола. Сферы-источники называются в загадке, сферы-цели должны быть угаданы реципиентом и представляют собой отгадку. Вспомогательная метафора *Ställchen* базируется на метафорическом переносе со сферой-источником из тематической группы «Предмет» и сферой-целью «Часть тела» (подразумевается *der Mund*). Распознавание сферы-цели вспомогательной метафоры не обязательно для отгадывания загадки.

3. Сфера-источник «Предмет» → сфера-цель «Предмет»:

Ein kleines **Fäßchen**
Hat weder Spundloch noch Zäpfchen
Und ist *zweierlei Bier* darin.
(**das Ei**)

Основная метафора в данном примере иллюстрирует метафорический перенос со сферой-источником «Предмет» (*ein Fäßchen*), которая прямо называется в первой строке загадки, и сферой-целью «Предмет. Еда» (*das Ei*), представляющей собой отгадку. Вспомогательная метафора в описательной

части данной загадки строится по тому же принципу: перенос происходит со сферы-источника «Предмет. Еда» (Bier) на сферу-цель, принадлежащую к этой же тематической группе (подразумеваются Eigelb и Eiweiß). Вспомогательная метафора в данной загадке имеет существенное значение для нахождения правильной отгадки, поскольку содержит указание на характерную черту загадываемого объекта.

4. Сфера-источник «Человек» → сфера-цель «Предмет»:

Zwei **Brüder** gehen auf einem weißen Feld spazieren,
Ein großer und ein kleiner,
und der kleine hat mehr zu sagen als der große.
(die Uhrzeiger)

Сфера-источник основной метафоры встречается в самом начале текста загадки и выражен существительным *Brüder*, относящимся к тематической группе «Человек». Сфера-цель, представляющая собой отгадку, — это предмет (die Uhrzeiger). Сфера-источник и сфера-цель вспомогательной метафоры (Feld и подразумеваемый Zifferblatt соответственно) заимствованы из тематической группы «Предмет». Вспомогательные глагольные метафоры (*spazieren gehen, sagen*) тематически соответствуют сфере-источнику основной метафоры, представляя собой действия человека.

Итак, слова из тематических групп «Предмет» и «Человек» наиболее часто служат как сферой-источником, так и сферой-целью в текстах загадок. Рассмотрим, что же лежит в основании метафорических переносов. Перенос значения в загадке может быть оправдан сходством предметов/явлений по ряду признаков: форме, цвету, функции, внутренней структуре, количественному составу и др. Поясним это на примерах:

Ein Haus voll Essen
Und die Tür vergessen.
(das Ei)

В данной загадке сфера-источник основной метафоры — ein Haus («Предмет»), сфера-цель (отгадка) — das Ei («Предмет. Еда»). Признак, на котором, по-видимому, базируется метафорический перенос и который должен быть распознан реципиентом для нахождения отгадки, — это «вместилище». Отметим, что данная характеристика выступает как слишком общая, неспецифическая для обоих объектов-участников метафоры, и не характеризует существенные дифференциальные особенности ни дома, ни яйца.

В следующей загадке основание метафорического переноса более прозрачно:

Es ist **ein Stamm**, und in dem Stamm sind zwei **Äste**,
An den Ästen zehn **Zweiglein**, und das Schönste und Beste
In der Welt ist bloß die Frucht der Zweiglein und Äste.
(Körper, Arme und Finger)

Сфера-источник основной метафоры — слова предметной области «Предмет. Растение» (Stamm, Äste, Zweiglein), сфера-цель — «Часть тела» (Körper, Arme und Finger). Метафорический перенос оправдан внешним сходством: «длинные» и «разветвленные». Данные качества, однако, хоть и являются достаточно наглядными, но ни в коей мере не характеризуют специфику этих объектов. Существенную помощь в разгадывании в данном случае ока-

зывают присутствующие числительные, которые точно определяют сферу-цель метафоры, однако довольно абсурдно сочетаются со сферой-источником. Вспомогательная метафора (*Frucht*) представляет собой, с одной стороны, тривиальную языковую метафору, с другой стороны, в данном контексте не сразу прочитывается как таковая.

Необходимо отметить, что во многих случаях основание переноса значения определить затруднительно либо вообще невозможно. Это касается по большей части метафор, сферой-целью которых выступает отгадка, т. е. основных метафор в структуре загадки. Зачастую выбор такой метафоры произволен либо обусловлен традицией (например, часто встречаются олицетворения, где в качестве сферы-источника выступает имя собственное либо человек), иногда выбор основной метафоры мотивирован лишь набором дальнейших вспомогательных метафор. В таких случаях основная метафора не играет существенной роли в процессе отгадывания и поясняется либо другими метафорами, указывающими на признаки загаданного объекта, либо иным неметафорическим описанием этого объекта. Такова, например, следующая загадка:

Es hängt **ein Mann** an der Wand,
Der *baumelt* mit dem *Füße*.
(**die Uhr**)

В данном примере сферой-источником основной метафоры выступает существительное *ein Mann* (тематическая группа «Человек»), сферой-целью — *die Uhr* (тематическая группа «Предмет»). Определить основание метафорического переноса в данном случае затруднительно, поскольку объекты-участники метафоры не имеют общих признаков. Для отгадывания загадки реципиенту необходимо обратиться к имеющимся в тексте другим подсказкам. Вспомогательные метафоры, представленные существительным *Füße* и глаголом *baumelt*, соотносятся с основной метафорой, называя существенные признаки загадываемого объекта и оправдывая употребление основной метафоры. Так, маятник образно представляет ногу человека, т. е. ту часть человеческого тела, которая имеет вытянутую форму и находится ниже туловища (корпуса часов). По этим внешним признакам был совершен метафорический перенос *Füße* → *Pendel*. Показательным является также глагол *baumeln*. Данная метафора базируется на сходстве особенностей движения предметов: возможным движением для человека является покачивание ногой, а маятник никогда не находится в состоянии покоя, постоянно совершая колебательные движения. Эта особенность и была положена в основу метафоры. Таким образом, употребление основной метафоры не мотивировано наличием каких-либо общих признаков сферы-источника и сферы-цели, но оправдано использованием коррелирующих с ней вспомогательных метафор.

Итак, можно перечислить основные характерные черты функционирования метафоры в загадке:

1) цель употребления метафоры заключается в именовании объекта, входящего в другой класс объектов, аналогичного данному по какому-либо признаку;

2) сфера-цель и сфера-источник имеют в большинстве случаев лишь один признак, выступающий в качестве основания переноса;

3) признак, лежащий в основе метафорического переноса, как правило, не является наглядным либо существенным ни для сферы-цели, ни для сферы-источника;

4) сфера-цель и сфера-источник могут вообще не иметь видимых общих признаков (особенно характерно для основной метафоры);

5) для указания на разные признаки загадываемого объекта используются в основном разные метафоры;

6) использование метафор в рамках одной метафорической модели для жанра загадки нетипично.

Таким образом, можно сделать вывод о взаимообусловленности и взаимодействии метафоры и загадки: метафора является одним из основных средств, формирующих специфику жанра загадки, но при этом жанр загадки обуславливает специфику трактовки и функционирования метафоры. Для дальнейшего лингвокультурологического исследования в данном русле представляется интересным проследить, какими метафорами оперируют загадки русского и немецкого народов, поскольку известно, что в паремиях всех народов мира используются одни и те же типовые ситуации, различающиеся лишь образами, с помощью которых передается логическое содержание [13]. Анализ сходств и различий фонда метафор в загадках позволит выявить лингвокультурное своеобразие этого фольклорного жанра.

Библиографический список

1. Аникин В. П. Теория фольклора : курс лекций. М. : КДУ, 2004. 432 с.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 153—173.
3. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М. : Высш. шк., 1981. URL: http://www.infolib.info/philol/lazutin/2_1.html (дата обращения: 25.01.2012).
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 688 с.
6. Лукин В. А. Художественный текст : основы лингвистической теории : аналитический минимум. М. : Ось-89, 2005. 560 с.
7. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. 236 с.
8. Сендерович С. Я. Морфология загадки. М. : Языки славянской культуры, 2008. 208 с.
9. Coenen H. G. Analogie und Metapher: Grundlegung einer Theorie der bildlichen Rede. Berlin ; New York : Walter De Gruyter Inc, 2002. 220 S.
10. Petsch R. Das deutsche Volksrätsel. Straßburg : Verl. von Karl J. Trübner, 1917. 88 S.
11. Schittek C. Die Sprach- und Erkenntnisformen der Rätsel. Stuttgart : M und P Verl. für Wiss. und Forschung, 1991. 204 S.
12. Tomasek T. Das deutsche Rätsel im Mittelalter. Tübingen : Niemeyer, 1994. 372 S.
13. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 25.01.2012).

РЕЦЕНЗИИ

Chr. Rubin (France)

Compte rendu de l'ouvrage: Debov V. M. Dictionnaire des rimes verlaniques du rap français : (éléments innovants de la versification des jeunes). Ivanovo : Université d'État d'Ivanovo, 2010. 252 p.

К. Рюбен (Франция)

Рец. на кн.: Дебов В. М. Словарь верлан-рифм французского рэпа : (инновационные элементы молодежного стихотворчества). ИВАНОВО : ИВАН. ГОС. УН-Т, 2010. 252 с.

Valéry Debov avait déjà publié en 2008 un ouvrage de lexicologie française à la fois très ciblé, original et extrêmement utile pour divers spécialistes, sous la forme d'un dictionnaire du *code verlanique du rap français (sur la créativité lexicale déviante en sociolecte des jeunes)*. J'avais alors apprécié (voir le présent bulletin, 2010, iss. 1, p. 59—61) la rigueur d'un positionnement linguistique plus précis que dans d'autres dictionnaires du français des «cités», la pertinence de la méthode et du choix des exemples. Au-delà même de l'abondance et de la modestie du long travail d'un véritable chercheur, il fallait y voir également l'exploration passionnante d'une problématique sous-jacente: qu'est-ce qui fait que l'altération radicale d'une norme dominante du français peut produire des unités lexicales qui s'intègrent à leur tour dans une nouvelle norme dissidente, puisqu'il ne s'agit alors plus seulement du verlan de certains mots mais bien de nouvelles unités lexicales reconnues comme telles, validées par un groupe de locuteurs, attestées voire consacrées par leur utilisation dans plusieurs textes de rap? Une lecture attentive de ce précédent ouvrage de Valéry Debov pouvait permettre de percevoir la vie complexe du langage des «cités» dans le rap, à travers le cas restreint mais significatif du verlan, fruit d'une tension entre d'une part le besoin d'élaborer un répertoire de mots établis et bien identifiés, partagé par une communauté de locuteur, d'autre part un autre besoin de subvertir, de transformer, de faire évoluer, de mettre sa griffe individuelle dans les mots employés — que l'auteur désigne à

© Rubin Chr., 2012

2012. Вып. 1. Филология •

juste titre comme des «néologismes» — aussi bien pour se distinguer socialement que pour nourrir la créativité artistique des textes de rap. En effet, il ne suffit ni que je prononce un nouveau mot à l'envers pour lui donner «droit de cité» — dans tous les sens possibles de l'expression — ni, à l'inverse, que j'utilise un mot dont le verlan est établi depuis longtemps pour en faire une unité valable à l'intérieur d'un texte de rap... Il y a en effet d'autres phénomènes déterminants dans la création d'un tel texte, notamment dans la gestion de son lexique et de ses rimes. J'y reviendrai plus loin, tout en insistant sur les enjeux du nouveau travail qui nous est présenté.

Un nouvel ouvrage vient en effet compléter le premier: le *Dictionnaire des rimes verlaniques du rap français (Éléments innovants de la versification des jeunes)*. Au premier abord, l'objectif semble très proche de celui du précédent. En fait, l'auteur est passé de la description d'un «code», autrement dit d'éléments lexicaux constituant un ensemble linguistique, une variété de la langue française, et même une sorte de norme, à un dictionnaire de «rimes verlaniques», c'est-à-dire aux usages particuliers d'un code — lui-même en renouvellement permanent. Ferdinand de Saussure aurait peut-être reconnu dans l'objectif respectif de ces deux ouvrages la distinction qu'il établissait entre «la langue» et la «parole»; car Valéry Debov, d'un ouvrage au suivant, glisse un peu d'un statut de socio-lexicologue à un statut de poéticien. Le but explicite de ce nouvel ouvrage consistait à rassembler un florilège de «rimes innovantes» fondées sur des «techniques poétiques spécifiques». Il s'agissait ainsi de proposer une entrée un peu technique pour découvrir «la recherche formelle que véhicule le rap», indissociable d'un «souffle créateur»: plus concrètement d'une «oralité pleine de truculence et d'inventivité». Le théoricien et poète Henri Meschonnic, dans ses conférences, aimait expliquer que le véritable poète est celui qui sait combiner recherche formelle et implication personnelle sans jamais se limiter à l'une et à l'autre: «Il faut qu'une forme de vie transforme une forme de langage et qu'une forme de langage transforme une forme de vie». Les multiples entrées de ce dictionnaire des rimes dans le rap semblent en attester dans la mesure où jamais la signification ou la provocation des rappers cités ne se départit d'une subtile élaboration rythmique, sémantique et pragmatique. Ainsi, dans l'extrait d'«Adrénaline» de Sinik cité dans l'article «liceпо» (verlan de «police»), la quadruple répétition, savamment orchestrée, de la séquence phonétique IS...O détourne l'attention vers les quatre appuis rythmiques: «Revendeur, grossiste gros / moi j'ai toujours des potes à dispo / Qui cherchent la discorde / Des fous qui fuck la liceпо». Manifestement, le jeu des rimes et de leur évolution progressive visait à mettre en scène l'idée finale en point d'orgue d'un très classique «fuck la police», la banale injure étant néanmoins revivifiée par cette mise en scène sonore qui la met en valeur et placée sur un plan poétique par l'abondance des effets rythmiques et sonores: en plus de l'évolution en quatre temps de la rime signalée s'ajoutent des effets de bégaiements qui évoquent le va et vient des doigts d'un DJ sur un vinyle («grossiste gros» voire «des fous qui fuck» du fait de l'allitération). Même tendance à la mise à distance par le mélange des sociolectes: l'expression soutenue «cherchent la discorde» avoisine un mot en verlan, des mots familiers plutôt affectifs, une troncation par apocope et un mot anglais grossier.

Une des questions qui pouvait d'ailleurs se poser était celle d'une discrète censure par omission. Valéry Debov ne semble justement pas avoir cherché à esquiver les débordements de certains discours — mais sans la fameuse indication «explicit lyrics» d'Outre-Atlantique qui est censée nous protéger de tout dérapage

en dehors du *politically correct* — dont la provocation plus ou moins distanciée fait intégralement partie du fonctionnement esthétique des textes. Car l'altération permanente d'un code linguistique et social pour en imposer un autre, lui-même distancié par le verlan, parfois par l'humour et souvent par un surcroît d'élaboration verbale qui fait du texte un objet esthétique plus qu'un moyen de communiquer, tout ce jeu complexe entre provocation outrée et désamorçage préalable fait partie intégrante de la poétique de ces textes. Quand le groupe 113 («Main dans la main») enchaîne «I can te ken sans être pété à la jamaïcaine / Quand t'es Heineken joue pas l'américaine homme dégage / C'est la mafia africaine» (article «ken», verlan de «niquer») la quintuple répétition de la séquence (T)—E/ICAINE, liée à la déclinaison de régions du monde très variées voire de moyens de se déconnecter du réel — ce dont attestent les jeux sur les mots et sur la syntaxe — tout cela désamorce joyeusement la menace de sodomie qui réactualise de façon ludique une insulte bien connue et ici dissoute dans un jeu sur le signifiant. Henri Meschonnic répétait dans tous ses ouvrages théoriques que le langage poétique comportait toujours un peu plus de signifiant que de signifié. La surabondance et la complexité des rimes des rappeurs semblent donc les qualifier pour être englobés dans cette définition du poétique — même si le fameux théoricien du rythme et de l'oralité m'avait confié au passage son mépris pour un rap qu'il connaissait sans doute mal, confondant peut-être les passages qu'on peut évidemment ne pas aimer dans certains textes et le rap en général, dont l'ouvrage qui nous occupe révèle justement la grande diversité de thématiques, de discours, de techniques, *etc.*

La problématique qui intéresse essentiellement Valéry Debov, dans son nouvel ouvrage, réside dans la conjonction de deux phénomènes langagiers: d'une part l'utilisation ou la transformation de mots «verlanisés», «reverlanisés», *etc.*; d'autre part l'élaboration de rimes sur cette base. L'auteur note d'ailleurs qu'il s'agit d'une «versification particulière». En dehors des principes esthétiques à l'œuvre dans les textes de rap — induits notamment par un héritage afro-américain indissociable de l'esclavage comme Christian Béthune le montre de façon précise et féconde dans *Le rap, une esthétique hors la loi* (Paris, 2003, éditions Autrement) — il faut noter que l'usage du verlan implique déjà une perturbation rythmique supplémentaire par rapport à toutes celles qu'un rappeur peut mettre en œuvre par ailleurs, puisqu'il s'agit de faire rimer un mot de verlan avec un autre dont l'ordre habituel des syllabes a parfois été maintenu. Or, si nous considérons, en simplifiant, que c'est le plus souvent la dernière syllabe d'un mot français qui porte l'accent tonique principal, force est de constater que la «verlanisation» d'un mot de deux syllabes provoque une sorte de syncope liée au télescopage de deux accents successifs au lieu d'un: celui de la syllabe habituellement accentuée et passée en tête et celui de la syllabe basculée en position finale. Il y a donc d'entrée de jeu une sorte de dissymétrie bien peu classique dans le statut rythmique mais aussi lexical des mots reliés par la rime: un rythme forcément syllabique d'un côté et éventuellement différent de l'autre.

Néanmoins, ce qui constitue à la fois l'intérêt et une limite — inhérente au langage du rap — de l'ouvrage de Valéry Debov réside justement dans un statut bien particulier de la rime dans cette pratique textuelle. Contrairement à ce qu'il se passe dans la poésie classique française, la rime que je qualifierais de «rapologique» est vouée à ne pas être vraiment une rime rigoureuse. Il ne s'agit évidemment pas de déceler une faiblesse dans l'art créatif des rappeurs — pas plus que dans le travail du lexicologue d'ailleurs. Il s'agit plutôt de constater que la

genèse d'un texte de rap se fait par rapport à une rime exacte possible mais presque toujours pour s'en échapper furtivement ou pour brouiller les pistes dans des jeux de miroirs entre plusieurs systèmes de rimes concurrents, parfois tellement complexes qu'il nous faut de longues analyses voire des jeux de couleurs dans les transcriptions, pour détricoter tous les fils sonores constitués par les divers systèmes de rimes parallèles ou concurrents qui s'entrecroisent, se déforment progressivement, se contaminent, se mélangent ou se distinguent peu à peu. Il faut à cet égard rendre hommage à l'auteur, qui s'est justement affranchi d'une représentation trop étroite de la notion de rime, pour inclure tout ce qu'elle signifie pour les rappeurs: parfois de simples assonances ou des paronomases, parfois une rime léonine (ou dissyllabique), *etc.* — l'ouvrage *le rap ou l'artisanat de la rime* de Julian Barret (Paris, 2008, L'Harmattan) permet d'approfondir les liens entre la technique des rappeurs et celle de certains poètes médiévaux. Ainsi, le lexicologue est amené à décliner parfois toute une chaîne de signifiants dont les échos sonores s'altèrent parfois de l'un à l'autre (reum — homme — rhum; tieq — t'inquiète — quête — tête...).

Il faudrait même aller plus loin et remarquer que le statut rythmique de la rime dans le rap n'est pas non plus le même que dans la poésie classique française: il ne s'agit pas tant d'indiquer la fin d'un groupe de mots que de faire entendre — et de provoquer au départ — la genèse d'un texte à partir du heurt et des appels mutuels des sonorités en concurrence avec les sémantismes; de programmer aussi le mouvement vocal qui constituera le flow du rappeur: le flux rythmique qui est particulier pour un individu, pour un texte donné et pour un accompagnement musical qui participe aussi à le générer. Or l'abondance des citations proposées par l'auteur, indiquant à chaque fois en tête les mots qui riment, permet au lecteur de saisir la dimension particulière de la prosodie des extraits très différents qui sont proposés. La mention de la prononciation, du genre et du mot originel pour chaque article permet d'ailleurs une compréhension aisée, sans bien sûr nous dispenser d'un approfondissement lexical, à l'aide du précédent ouvrage de 2008, par exemple si l'on veut en savoir plus sur la formation exacte de «zonz» désignant une prison.

Cette fois encore, la rigueur et l'efficacité du travail impressionnent. Peu de choses à redire, si ce n'est un doute quant au sens signalé de «pédo» à la page 122. D'après le contexte des extraits cités, il pourrait s'agir d'une apocope de «pédophile» plutôt que du verlan de «dopé». Cela ne change pas grand-chose sur le fond et sur l'excellente introduction au fonctionnement d'un texte de rap, par l'entrée lexicale.

Il s'agit évidemment d'un travail destiné aux chercheurs sur les textes de rap et sur l'évolution de la langue française, notamment son lexique; mais il n'est pas impossible d'imaginer qu'un tel ouvrage puisse aussi donner quelques idées à un rappeur en herbe, non pas pour exploiter des collections de rime, comme un rimailleur — ou d'ailleurs un génial Serge Gainsbourg — peut le faire avec un très classique dictionnaire de rimes, mais pour s'imprégner d'un mode particulier de créativité textuelle, pour encourager d'autres «sources vives» à jaillir, d'après la métaphore de l'auteur.

О. М. Карпова

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩИХ И ЧАСТНЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рец. на кн.: *Yesterday's Words: Contemporary, Current and Future Lexicography* / ed. by M. Mooijaart, M. van der Wal. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2008. 376 p.

Выход в свет коллективной монографии «Yesterday's Words: Contemporary, Current and Future Lexicography» под редакцией М. Мойорт и М. ван дер Валь является заметным событием в научном мире. И прежде всего потому, что именно истоки создания словарей для общих и специальных целей во многом определили их назначение, адресат и источники.

В монографии представлены статьи ученых из Италии, Нидерландов, Германии, Польши, Франции и других стран, занятых изучением словарного состава и словарей различных европейских языков (английского, немецкого, польского, французского, нидерландского и др.), а также китайского и креольского языков о. Джамайки. Такой спектр языков позволяет проследить интернациональные и национальные черты лексикографии разных стран, главным образом, в древние и средние века.

Авторы многих статей предлагают новые подходы к изучению «старых слов» (past, yesterday's words) и описывают новые способы их лексикографической разработки.

Необходимо выделить несколько основных проблем, анализируемых в коллективной монографии. Это в первую очередь проблема нормативности в западноевропейской лексикографии, которая стала особенно актуальной в XV—XVI вв., когда возникла острая необходимость в создании словарей национальных языков.

В статье И. Казановы «Dictionary Making with or without the Help of Language Academies? The 2001 Portuguese Dictionary» подробно анализируется эта проблема на материале португальского языка. Автор подчеркивает недостаточную роль португальской академии, которая не акцентировала свою деятельность на составлении нормативного словаря португальского языка, тогда как академии других западноевропейских стран (Франции, Италии, Испании) видели свою миссию в создании таких словарей и выполняли роль своеобразного кодификатора нормы словоупотребления.

В статье Дж. Консидайна («Leibniz and Lexicography») рассматривается авторитетный словарь немецкого языка, составленный братьями Гримм в соответствии с идеями философа и известного ученого Лейбница, считавшего хороший академический словарь немецкого языка надежным кодификатором нормы словоупотребления. При этом Дж. Консидайн указывает не на предписывающий характер такого словаря, а на стремление авторов сделать его регистрирующим.

С проблемой нормативности в лексикографии тесно связан ряд вопросов по изучению различных периодов становления и развития нидерландского и фризского языков, которые во многом взаимосвязаны, хотя и сегодня они требуют более глубокого анализа в связи с появлением новых исследований в области исторической лексикологии и развитием новых информационных технологий. Здесь необходимо отметить следующие статьи: M. de Van — «On Wanderwörter and Substrate Words in Etymological Research», V. Waszink — «On *retrograde* and *retrojeans*: the Classical Element *retro* (-) in the Dutch Dictionaries WNT and Van Dale and in the English OED», K. Louwen — «A Glimpse Behind the Scenes of the *Oudnederlands Woordenboek (Old Dutch Dictionary)*», T. Schoonheim — «Sources of the *Old Dutch Dictionary*», K. van Dalen-Oskan, J. van Zundert — «The Quest For Uniqueness: Author and Copyist Distinction in Middle Dutch Arthurian Romances based on Computer-assisted Lexicon Analysis», P. Duijff — «Towards Standard Frisian in the *Friesch Woordenboek*», A. T. Popkema — «A New Step in Old Frisian Lexicography: The *Altfriesisches Handwörterbuch*», C. Van Bree — «Substrate Words».

Этот ряд статей представляется новаторским и особо интересным, поскольку долгое время проблемы формирования и развития фризского и нидерландского языков оставались на периферии лингвистических и лексикографических исследований. К XXI в. данные исследования значительно пополнились благодаря созданию и плодотворной работе целых институтов (например, Лейденского института исторической лексикологии и лексикографии в Нидерландах). Здесь ставятся извечные вопросы достоверности источников словаря и критериев отбора лексики в словарь в связи с проблемой нормативности, когда за норму словоупотребления в Средние века берется теория литературного авторитета (язык известного писателя, например, Шекспира в Англии).

Другая область исследования авторов коллективной монографии относится к открытию неизвестных широкой публике словарей различных языков: французского (C. Peersman — «Old French Charters: a Lexicographic Case Study»), польского (M. Podhajecka — «*O zabytkach mowy ludu polskiego (1858): An Unknown Etymological Dictionary of English?*»), английского (J. Coleman — «Lost between Hotten and Henley: Barrère and Leland's. *Dictionary of Slang, Jargon & Cant*», P. Gilliver — «The Philological Society's first *New English Dictionary*: Frederick Furnivall's Sub-editors and their Work», N. Osselton — «The *Glossographia Anglicana Nova (1707, 1719)* and the Royal Society», N. Leonardi — «John Willkins' Metalinguistic Lexicon in the Panorama of Linguistic Terminology», L. Pinnaiva — «Food and Drink Idioms in Two Hundred and Fifty Years of English Monolingual Lexicography») и др.

Эта отрасль исторической лексикографии, получившая название «dictionary archeology», является весьма специфической и трудоемкой. Нередко ученые делают неожиданные открытия. Так, например, в одной из британских библиотек, был обнаружен польский этимологический словарь (см. ст.: M. Podhajecka — «*O zabytkach mowy ludu polskiego (1858): An Unknown Etymological Dictionary of English?*»), который позволил сделать ряд интересных наблюдений, связанных и с развитием английской этимологической лексикографии.

Проблемы этимологических характеристик в словарях поднимаются в работах М. де Ван и других исследователей. Среди «забытых» словарей Дж. Коулман упоминает несколько малоизвестных лексикографических ис-

точников (например, *Dictionary of Slang, Jargon & Cant*), которые вплоть до настоящего времени не входили в поле зрения исследователей. Анализируются принципы построения их макро- и микроструктуры и другие вопросы, связанные с ненормативной лексикой и способами ее отражения в специальных словарях сленга, которые относятся к XIX в.

Проблематика исторической лексикографии неразрывно связана с исторической лексикологией, поскольку слово является объектом описания в словаре. Проблемы европейских заимствований в китайский язык рассматриваются в статье Т. Пеллина «What is a *wailaici*? The Chinese Dictionaries of Lexical Interferences and Their Theoretical Outlook», причем подробно анализируются социокультурные особенности Китая, которые способствовали вливанию в язык большого количества европейских заимствований.

Не менее важной в этой связи представляется и статья Л. Пиннавайи «Food and Drink Idioms in Two Hundred and Fifty Years of English Monolingual Lexicography», посвященная анализу двух групп английских идиом с тематикой «food» и «drink». Автор статьи не только собрала их из 9 словарей современного английского языка, но и структурировала по различным группам, а результаты анализа собрала в информативных таблицах, которые могут служить образцом для исследования аналогичных идиом с другими ключевыми словами.

К этому же разделу, посвященному описанию проблем исторической лексикологии, относятся и статьи Ч. Бенати «Bilingual Glossies in Hieronymus Brunschwig's *Buch der Chirurgia*: A Handbook as Source for Historical Surgical Terminology», С. ван Брее «Substrate Wors», Н. Леонарди «John Willkins' Metalinguistic Lexicon in the Panorama of Linguistic Terminology».

Ряд статей связан с развитием шотландского, ирландского и уэльского языков и особенностями их формирования под влиянием английского (М. Scott — «Unsung Etymologies: Lexical and Onomastic Evidence for the Influence of Scots on English», S. Rennie — «The *Electronic Jamieson*: Towards a Bicentenary Celebration», J. Nyhan — «The Problem of Date and Context: Migrating an Irish Language Dictionary from Hard Copy to Digital Format», A. Hawke — «Computerization on a Shoestring: *Geiriadur Prifysgol Cymru* and the Computer»).

Безусловно, новаторской представляется вся пятая глава коллективной монографии, в которой рассматриваются технические возможности и результаты изучения исторических словарей на основе новых информационных технологий (Ph. Caron — «Computerizing Féraud's *Dictionnaire critique de la langue française* from a Full-text Electronic Version to a Softly Tagged Release», K. van Dalen-Oskam & J. van Zundert — «The Quest for Uniqueness: Author and Copyist Distinction in Middle Dutch Arthurian Romances based on Computer-Assisted Lexicon Analysis», A. Hawke — «Computerization on a Shoestring: *Geiriadur Prifysgol Cymru* and the Computer», J. Nyhan — «The Problem of Date and Context: Migrating an Irish Language Dictionary from Hard Copy to Digital Format», S. Rennie — «The *Electronic Jamieson*: Towards a Bicentenary Celebration»). В них речь идет в первую очередь о создании электронных баз данных различных языков, которые позволяют представить полные сведения о словарном составе немецкого, английского и других языков и снабдить их большим количеством информационных категорий. Это и статья Ф. Карон по французскому языку («Computerizing Féraud's *Dictionnaire critique de la langue*

française from a Full-text Electronic Version to a Softly Tagged Release»), и статья К. ван Дален-Оскам по древненидерландскому («The Quest For Uniqueness: Author and Copyist Distinction in Middle Dutch Arthurian Romances based on Computer-Assisted Lexicon Analysis») и др. Авторы раскрывают не только положительную сторону компьютеризированных баз, но и выделяют их недостатки. Например, Д. Нихан подчеркивает трудность введения перекрестных ссылок в таких базах данных («The Problem of Date and Context: Migrating an Irish Language Dictionary from Hard Copy to Digital Format»).

В заключение дается полный библиографический список использованных словарей и теоретических источников, который может служить основой для любых дальнейших исследований в области исторической лексикографии. Этот список включает все ведущие словари европейских языков, составленные в соответствии с историческими принципами. Коллективная монография «Yesterday's Words: Contemporary, Current and Future Lexicography» раскрывает новые перспективы изучения исторической лексикографии и закладывает основы для дальнейшего изучения забытых словарей и связанных с ними национальных и интернациональных явлений.

Завершая рецензию на эту важную и интересную книгу, выскажу пожелание редакторам продолжить работу в данном направлении, поскольку такие исследования публикуются редко, а потребности в исторических изысканиях остаются актуальными и в настоящее время.

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА ДМ 212.062.06 В 2011 г.

Диссертационный совет ДМ 212.062.06, утвержденный при Ивановском государственном университете приказом Рособнадзора № 1925-736 от 8 сентября 2009 г., является региональным диссертационным советом (г. Иваново — г. Владимир). В состав совета входят доктора наук Ивановского государственного университета, Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, а также Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов, Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова и Смоленского государственного университета.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям 10.02.04 — Германские языки и 10.02.01 — Русский язык.

В период работы совета с января по декабрь 2011 г. было проведено 13 заседаний, на которых было заслушано 13 защит диссертаций: 11 — на соискание ученой степени кандидата филологических наук (8 — по специальности 10.02.04 — Германские языки; 3 — по специальности 10.02.01 — Русский язык), 2 — на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.04 — Германские языки. Диссертационные исследования были выполнены авторами не только из Иванова и Владимира, но и из Москвы, Костромы, Саранска.

Тематика диссертационных работ соответствует основным направлениям современной лингвистики и имеет практическую значимость.

Защищенные диссертационные работы по специальности 10.02.01 — Русский язык связаны с актуальными вопросами современного русского языка в области фразеологии, лингвоэкологии и гендерной лингвистики. Результаты работы Е. А. Колобовой (Кострома) «Фразеологическая контаминация» расширяют представление о процессах формирования значения и компонентного состава фразеологизмов, об экспрессивных возможностях фразеологизмов и могут быть использованы при разработке теоретических основ фразообразования. В диссертации А. Н. Полежаевой (Иваново) «Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект» впервые рассматривается современный песенный текст в лингвоэкологическом аспекте как структура, компоненты которой взаимосвязаны и взаимодействуют. Проведенное О. В. Комковой (Владимир) исследование на тему «Атрибутивная сочетаемость маскулинных и феминных номинаций лица» углубляет и дифференцирует научные представления о новейших синтагматических особенностях существительных и согласованных определений, которые обуславливаются как собственно языковыми причинами, так и экстралингвистическими факторами.

Рассмотренные диссертации в области германских языков были посвящены таким разделам лингвистики, как когнитивная лингвистика, лексико-

графия, фразеология, акцентология, лексикографическая фонетика, теоретическая грамматика, прагмалингвистика. В частности, диссертация И. В. Коровиной «Параметры дейктической процедуры в англоязычной научной коммуникации» (Саранск) посвящена характеристикам и типологизации контекстуального дейксиса в английской научной речи. В работе М. А. Гединой (Владимир) «Феномен восприятия в контексте языковой картины мира (На материале английского и немецкого языков)» дается комплексный анализ отражения психического процесса — восприятия — в английской и немецкой языковых картинах мира, осуществляемый с использованием семантического, этимологического и лингвокогнитивного подходов. Выявлению наиболее продуктивных акцентных моделей в словах с вариативным ударением посвящено диссертационное исследование О. В. Комягиной (Владимир) «Вариативность акцентной нормы многосложных слов английского языка (Экспериментально-фонетическое исследование на материале британского варианта английского языка)». Просодическому аспекту речи уделяется внимание в работе Е. В. Орловой (Иваново) «Английская коллокация в условиях интерференции». Кандидатская диссертация Е. А. Тихомировой (Иваново) «Английские фразеологические единицы с соматизмами: валентностный и прагматический аспекты» выполнена в русле современной фразеологии и имеет научную и практическую значимость для осмысления процессов языковой коммуникации. На статистически достоверном уровне выполнены работы, затрагивающие проблемы современной лексикографии. Это диссертационные исследования О. А. Германовой (Иваново) «Иллюстрированные и иллюстративные словари: формирование, развитие и современное состояние», М. В. Горбунова (Иваново) «Принципы регистрации и лексикографического описания имен собственных в словарях английского языка для общих и специальных целей», Л. А. Григоровича «Полиграфические средства современного учебного словаря американского варианта английского языка (На материале “NTC’s American English Learner’s Dictionary” и “Collins COBUILD Advanced Dictionary of American English”)

Особое место среди защищенных работ занимают докторские диссертации О. А. Ужовой (Иваново) «Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование» и Н. Д. Миловской (Иваново) «Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса». Обе работы расширяют научные представления соответственно в областях лексикографии и прагматической лингвистики.

Все диссертационные исследования, кроме научной новизны, имеют выраженный прикладной аспект и обладают высокой практической значимостью, поскольку используются в образовательной практике высших учебных заведений (при проведении лекционных курсов, практических занятий, курсов по выбору, подготовке курсовых и дипломных работ).

На рассмотрении в диссертационном совете находится ряд новых работ на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

*Ф. И. Карташкова,
ученый секретарь диссертационного совета
Н. Ю. Хорецкая,
исполнительный секретарь*

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАБОТА НА КАФЕДРЕ АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

20—21 декабря 2011 г. в Ивановском государственном университете прошла XXXV научно-методическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования современного вузовского образования». Цель конференции – обобщение опыта научно-методической работы преподавателей вуза, описание стратегии развития образовательного учреждения, описание основных подходов к проектированию образовательного процесса на примере учебно-методических комплексов, представленных на конкурс, выработка практических рекомендаций по внедрению новых ФГОСов. Это мероприятие ежегодно получает активную поддержку со стороны ректората, а также большой интерес и живой отклик у профессорско-преподавательского состава университета.

Кафедра английской филологии традиционно была многочисленно представлена на конференции. В работе секций приняли участие профессор Н. Ю. Гвоздецкая, доценты С. А. Маник, С. К. Бобринева, Е. В. Ледяева, А. В. Егорова, К. М. Денисов, Е. А. Филатова, старшие преподаватели Л. А. Овсянникова и Н. В. Кустова.

Темы докладов были разнообразными и отражали все перемены и новации в работе кафедры. Многие выступления были посвящены вопросам определения основных компетенций в целом и языковых компетенций в частности, описанию компетентностно-ориентированных форм активизации обучения в вузовском преподавании отдельных предметов, проблеме формирования дискурсивной компетенции как одной из задач развития письменной и устной речи. Актуальными и востребованными были доклады, посвященные принципам подбора материала при преподавании иностранного языка, детальному исследованию дихотомии процесса подготовки учителя английского языка.

Поскольку на кафедре активно используются современные интерактивные методы обучения, то, естественно, преподаватели поделились своим опытом в данной сфере, а именно результатами интеграции блог-технологий в процесс преподавания английского языка, описали проблемы и пути реализации дистанционного обучения как неотъемлемой формы современного обучения студентов.

Целесообразно отметить, что большое внимание на кафедре уделяется вопросам воспитания личности студента вуза в неразрывной связи с формированием у него лингвокультурной и коммуникативной компетенций. Выступление на эту тему, построенное на основе сравнительного анализа результатов анкетирования студентов-филологов МГУ и ИвГУ, вызвало большой интерес.

Также в рамках конференции 21 декабря доцент М. В. Баламакова организовала и провела научно-методический семинар факультета романо-германской филологии «Новые информационные технологии в обучении иностранным языкам». В ходе основного доклада, посвященного вопросам обучения специальным приемам работы с текстом для создания эффективной презентации с использованием программного продукта MS Power Point, а также в результате последующей дискуссии, основанной на том факте, что

указанная программа опирается на визуальный образ текста, в то время как в практике обучения иностранным языкам основные акценты смещаются на его лексико-семантические и стилистические характеристики, были выработаны общие подходы к преодолению данного противоречия. В феврале планируется провести мероприятие для студентов с целью ознакомления и выработки определенных практических навыков.

В заключение хотелось бы отметить, что в этом году на конкурс были представлены несколько учебно-методических комплексов по новому для кафедры направлению обучения — магистратуре. Участники были поощрены почетными грамотами. Будем надеяться, что в следующем году наши преподаватели получат награды и премии.

С. А. Маник,
кандидат филологических наук,
доцент Ивановского государственного университета

IVELTA — НАШ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ

Благодаря сотрудничеству с офисом английского языка Посольства США в Москве, а также усилиям проректора ИвГУ, заведующей кафедрой английской филологии профессора О. М. Карповой была создана Ивановская ассоциация учителей английского языка (IVELTA). Это важное научное событие позволило существенно расширить возможности профессионального роста учителей английского языка Ивановской области.

В рамках IVELTA ежегодно проводится международный семинар «ELT Professional Development», который помогает учителям отслеживать новую информацию о современных технологиях преподавания английского языка. В ходе семинаров происходит непосредственный контакт с носителями языка в ситуации погружения в естественную языковую среду.

10 сентября 2011 г. состоялся очередной, XV научно-методический семинар, который собрал огромную аудиторию слушателей. Читальный зал 1-го учебного корпуса был целиком заполнен. Более 130 учителей английского языка приняли участие в работе семинара. Среди них есть и молодые, начинающие учителя, и те, которые имеют за плечами большой опыт педагогической работы. Перед собравшимися выступила доктор Тони Халл, специалист в области методики преподавания иностранных языков, которая посетила наш город уже во второй раз, так как ей очень нравятся наши учителя своей активной позицией, эмоциональной реакцией. Тони Халл прекрасно владеет техникой публичных выступлений. Она умеет вовлечь слушателей в живую дискуссию. В рамках данного семинара Тони Халл провела презентации и мастер-класс по проблемам, которые являются актуальными на современном этапе развития образования. Это обучение письму («Guiding Students to Writing», «Naturing the Writing Skills»), а также использование музыки как средства формирования межкультурной компетенции («American Songs in History: Past and Present in Tune»). По окончании семинара все учителя получили дидактические материалы, наглядные пособия, журнал по методике обучения иностранным языкам «Forum» и другие полезные материалы.

Учителя — члены ассоциации IVELTA принимают участие в различных совместных проектах и программах. Это и семинары для учителей, и

конкурсы, которые проводятся в Москве и других регионах страны офисом английского языка Посольства США. Благодаря участию учителей в этих проектах школы № 30, 23, 6 и другие получили ценные подарки, включая современную аппаратуру, словари, книги, учебные пособия. Все это стимулирует учителей к собственному профессиональному росту.

На факультете романо-германской филологии создан Американский ресурсный центр, возглавляемый доцентом кафедры английской филологии Е. А. Шиловой. Он включает подаренные кафедре аудио- и видеоматериалы, пособия, книги, которые учителя могут использовать в учебном процессе.

В марте 2012 г. состоится XVI научно-методический семинар «ELT Professional Development», а в июне 2012 г. — Международная конференция Национальной ассоциации учителей английского языка (NATE) в Ярославле.

С. К. Бобринева,
доцент кафедры английской филологии

ЮБИЛЕИ

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА ВИШНЕВСКАЯ — ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ И ЧЕЛОВЕК

Ивановский государственный университет подарил научному миру не одно поколение талантливых ученых, широко признанных не только в России, но и в международном сообществе. Среди плеяды таких талантливых людей нельзя не выделить доктора филологических наук, профессора Галину Михайловну Вишневскую, основателя и бессменного руководителя ивановской фонетической школы, действующей уже более 35 лет на базе кафедры английской филологии Ивановского государственного университета.

Профессор Вишневская Галина Михайловна в 1964 году с отличием окончила факультет иностранных языков Ивановского государственного педагогического института имени Д. А. Фурманова (квалификация: преподаватель английского и немецкого языков). С 1964 года начала работать в вузе в качестве ассистента кафедры английского языка. Прошла обучение на Высших педагогических курсах при Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (1966—1968). В том же вузе в 1974 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 — Германские языки. Тема кандидатской диссертации — «Экспериментально-фонетическое исследование интонационной структуры и функциональных особенностей низкой мелодической шкалы в английской речи». С 1974 года — старший преподаватель, затем доцент кафедры английского языка Ивановского государственного университета. С 1992 года — профессор кафедры английской филологии Ивановского университета. В 1993 году защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук (по специальности 10.02.19 — Теория языкознания) в Санкт-Петербургском государственном университете: «Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка)». После защиты докторской диссертации продолжила научно-педагогическую деятельность на кафедре английской филологии Ивановского государственного университета, где продолжает трудиться и сейчас.

С 1974 года Галина Михайловна Вишневская является бессменным руководителем ивановской фонетической школы, а с 1990 года — и научным руководителем регионального межвузовского семинара по проблемам билингвизма, объединяющего ученых ряда университетов и академий г. Иванова, вузов Владимира, Ярославля, Костромы, Саранска, Ульяновска, Москвы. Под руководством профессора Вишневской выполнены 22 диссертации

ции на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.02.19 — Теория языка и 10.02.04 — Германские языки.

Научные и профессиональные интересы ученого — языковые контакты, билингвизм, интерференция, иноязычный акцент, английская фонетика, лексикология, теория и практика перевода, языки для профессиональных целей. Г. Вишневская имеет более 200 научных публикаций по теоретической лингвистике и англистике, по практике преподавания английского языка в русскоязычной аудитории: «Билингвизм и его аспекты» (1997), «Английская интонация (в условиях русской интерференции)» (2002), «English Phonetics and the Russian Learner» (2003), «Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация» (2011) и др. Читает лекционные курсы для студентов факультета романо-германской филологии ИвГУ — «Теоретическая фонетика», «Теоретическая грамматика», спецкурсы — «Билингвизм и его аспекты», «Английская интонация (в условиях русской интерференции)», «Методология и методика лингвистических исследований». Более 20 лет является президентом английского клуба «Лимерик», ежегодно организующего на втором курсе факультета романо-германской филологии ИвГУ языковые конкурсы, пользующиеся большой популярностью у студентов и преподавателей университета.

Г. М. Вишневская — ответственный редактор серии межвузовских сборников научных трудов, издаваемых в ИвГУ с 1980 года («Фонетика и психология речи», «Фонетическая интерференция», «Просодическая интерференция», «Фонетика устного текста», «Фонетика иноязычной речи», «Фонетическая вариативность: билингвизм и диглоссия», «Билингвизм, интерференция, акцент» и др.).

С именем Г. М. Вишневской тесно связано и становление международной деятельности ИвГУ. Она возглавила отдел международных связей и успешно руководила им с 1995 по 2000 год. Большой опыт межкультурного общения и международные научные связи профессора Вишневской способствовали развитию многих международных академических контактов (с США, Данией, Германией). В настоящее время благодаря активной научной деятельности Г. М. Вишневской и ее учеников развиваются тесные международные академические связи с учеными университетов Польши, Сербии, Латвии, Казахстана, Шри-Ланки. Международная деятельность Г. М. Вишневской связана также с ее членством в международном клубе Ротари (Россия, Ротари Интернэшнл, Округ 2220).

Активная научно-педагогическая деятельность Г. М. Вишневской связана с работой ученых советов ИвГУ и других вузов страны: она является членом ученого совета факультета романо-германской филологии ИвГУ; членом диссертационного совета Ивановского государственного университета (ДМ 212.062.06: 10.02.04 — Германские языки); членом диссертационного совета Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (Д 212.307.05: 10.02.19 — Теория языка); членом диссертационного совета Ярославского государственного университета им. К. Д. Ушинского (ДМ 212.307.06: 13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания); членом комиссии по проведению лицензионной и аттестационной экспертизы в сфере образования и науки Министерства образования и науки Российской Федерации.

Коллектив кафедры английской филологии выражает искреннюю признательность Галине Михайловне за высокий уровень научных изысканий, за прекрасную организацию студенческих занятий, аспирантских и региональных семинаров, за неоценимую помощь и поддержку во всем. Поздравляя Галину Михайловну, каждый из нас желает ей покорения новых научных высот и гордится тем, что имеет возможность учиться и перенимать опыт у такого талантливого и необычайно светлого человека.

Коллектив кафедры английской филологии

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА ЩЕГЛОВА

21 января исполнилось 70 лет первому проректору по учебной работе Ивановского государственного университета А. И. Щеглову.

Детство Алексея Ивановича пришлось на трудные военные и послевоенные годы. Он вырос в многодетной трудовой семье, где взаимная поддержка и чуткость были необходимы. По-видимому, отсюда в значительной степени идут такие человеческие качества Алексея Ивановича, как простота в общении, скромность и деликатность, уважение к человеку, умение настойчиво преодолевать трудности.

Осенью 1961 года студентом 1-го курса математического факультета Алексей Иванович

впервые переступил порог нашего вуза и с тех пор не покидает его. Закончив с отличием в 1965 году институт, он поступает в аспирантуру по кафедре высшей алгебры (теперь — кафедры алгебры и математической логики), по окончании которой остается работать на той же кафедре в должности ассистента, старшего преподавателя (1969 г.) и доцента (1975 г.).

Уже в студенческие годы отличник учебы А. И. Щеглов становится участником научно-исследовательского семинара кафедры высшей алгебры. В 1961 году в журнале «Успехи математических наук» была опубликована большая статья академика А. И. Мальцева «Конструктивные алгебры», положившая начало новому направлению исследований в математической логике и теории алгоритмов — изучению алгебр рекурсивных функций. Активно работать в этом направлении начала группа молодых ивановских математиков, в которую Алексей Иванович вошел еще будучи студентом. Полученные им научные результаты явились значительным вкладом в развитие этого направления и были высоко оценены специалистами, в частности математика-

ми, представляющими Новосибирскую школу алгебры и математической логики — известный во всем мире научный математический центр. Подготовленная под научным руководством Е. А. Полякова кандидатская диссертация была успешно защищена А. И. Щегловым в декабре 1969 года в специализированном совете Новосибирского госуниверситета в Академгородке.

После окончания аспирантуры и защиты диссертации Алексей Иванович, не оставляя занятий научными исследованиями, активно включается в учебную работу. Его лекции отличаются тщательной подготовкой, ясностью и четкостью изложения. Здесь, как, впрочем, и ранее в учебе и научной работе, проявились основные качества Алексея Ивановича — незаурядные математические способности, соединенные с чрезвычайной добросовестностью и основательностью.

На факультете по достоинству оценили не только научные, но и деловые качества Алексея Ивановича, умение овладеть вниманием аудитории, вести за собой коллектив. Декан факультета Евгений Александрович Халезов предложил ему работать его заместителем (с 1970 г.), а спустя десять лет рекомендовал его на должность декана (с ноября 1980 г.). В лице А. И. Щеглова факультет приобрел заботливого и чуткого руководителя.

Работа в новом качестве поглощает Алексея Ивановича почти целиком. Времени для любимых занятий остается всё меньше. Деятельность А. И. Щеглова в деканате пришлась на непростой период преобразования нашего вуза в университет. Ему принадлежит значительная заслуга в том, что коллективу факультета удалось перейти на новый, соответствующий университетским требованиям уровень подготовки специалистов, сохранив при этом лучшие традиции, сложившиеся в педагогическом институте. В этой сложной работе он участвовал не только как администратор, но и как один из ведущих преподавателей. Он разрабатывает и читает ряд новых спецкурсов, руководит научно-исследовательской работой студентов, подготовкой дипломных работ. Занятия Алексея Ивановича со студентами отличаются четкостью, логичностью построения, методической продуманностью, поиском нового, а также законченностью и основательностью, которые вообще присущи стилю его работы.

Многочисленные выпускники математического факультета с благодарностью вспоминают лекции Алексея Ивановича, в которых он с большим тактом и педагогическим мастерством вводил их в мир новых и сложных идей и понятий математической логики. С не меньшей благодарностью студенты вспоминают душевную, поистине отеческую заботу А. И. Щеглова о каждом из них, искреннее стремление помочь в решении повседневных проблем. Внимание и заботу Алексея Ивановича постоянно ощущают преподаватели и сотрудники.

В декабре 1988 года приказом по министерству А. И. Щеглов утвержден в должности первого проректора университета. Работа Алексея Ивановича в ректорате совпала с новыми веяниями в организации работы высшей школы: появились бакалавриат, магистратура, образовательные стандарты; пришло время аттестации, аккредитации, лицензирования образовательной деятельности вуза. Во всех этих новых и очень непростых с разных точек зрения аспектах деятельности

Алексей Иванович проявил себя творчески мыслящим, разумным, умелым, компетентным руководителем.

За сухим перечислением дат и должностей, которые занимал Алексей Иванович, стоит большая и содержательная научно-исследовательская, педагогическая и организаторская деятельность. Она справедливо отмечена благодарностями и почетными грамотами министерства и областной администрации. А. И. Щеглов награжден также нагрудными знаками «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР» (1983 г.) и «Почетный работник высшего образования РФ» (1998 г.). Он пользуется заслуженным уважением коллег и студентов.

Свой юбилей Алексей Иванович встречает в окружении прекрасной семьи, внимательной и любящей супруги, замечательных детей и внуков.

Поздравляя Алексея Ивановича со славным юбилеем, мы желаем ему крепкого здоровья, успехов в работе и большого человеческого счастья!

В. Н. Егоров,

ректор Ивановского государственного университета

Д. И. Молдаванский,

заведующий кафедрой алгебры и математической логики

С. В. Пухов,

декан математического факультета

Сведения об авторах

- ДЕНИСОВ Константин Михайлович** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. bondin5@yahoo.com
- ЕРМОЛАЕВА Нина Леонидовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и культурологии, Ивановский государственный университет. ninaermolaeva1@yandex.ru
- КАРПОВА Ольга Михайловна** доктор филологических наук, профессор, проректор по связям с общественностью и воспитательной работе, заведующая кафедрой английской филологии факультета РГФ, Ивановский государственный университет. olga.m.karпова@gmail.com
- ЛАКЕРБАЙ Дмитрий Леонидович** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы и русской литературы XX века, Ивановский государственный университет. lakerbay16@rambler.ru
- МАНИК Светлана Андреевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. Svetlana_manik@yahoo.com
- НИКОЛАЕВА Полина Владимировна** кандидат филологических наук, старший доцент кафедры зарубежной литературы, Ивановский государственный университет. polina_19803@mail.ru
- ОПОЛОВНИКОВА Мария Владимировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Ивановский государственный университет. omw@mail.ru
- ПАВЛОВА Марина Николаевна** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Ивановский государственный университет. MarinaPavlova117@mail.ru
- РЮБЕН Кристоф** Профессор Университета г. Безансон (Франция)
- ХУСНУТДИНОВ Арсен Александрович** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и методики преподавания, Ивановский государственный университет. arsen1418@mail.ru
- ХУСНУТДИНОВА Александра Арсеновна** студентка 4-го курса филологического факультета, Ивановский государственный университет. arsen1418@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ВЕСТНИКА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

---

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК** (для естественных и технических специальностей), **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

8. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

1. Статьи авторов, являющихся преподавателями, сотрудниками или обучающимися ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании письменного решения (рекомендации) кафедры или научного подразделения ИвГУ и рецензии доктора наук, не являющегося научным руководителем (консультантом), руководителем или сотрудником кафедры или подразделения, где работает автор.

2. Статьи авторов, не работающих и не обучающихся в ИвГУ, принимаются редакционной коллегией соответствующей серии (выпуска) на основании рекомендации их вуза или научного учреждения и рецензии доктора наук, работающего в ИвГУ.

3. Поступившие статьи проходят далее рецензирование одного из членов редколлегии соответствующей серии (выпуска), являющегося специалистом в данной области.

4. Статья принимается к публикации при наличии двух положительных рецензий и положительного решения редколлегии серии (выпуска). Порядок и очередность публикации статьи определяются в зависимости от объема публикуемых материалов и тематики выпуска.

5. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной (электронной) форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом.